

3522

3599 ep. 8.

D

DAR

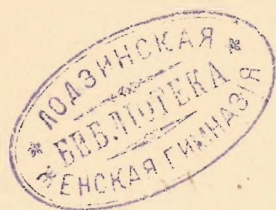
W.P. Magistratu w. Todei
po szkoleci wredu. roznyk.

Dla Biblioteki Publicznej

w Madal

16. IV - 19

52.

ЩЕГОЛЬ и ЩЕГОЛИХА.
(XVIII стол.).

Библ

№ 3522/2

*б. д.
в. а. с.*

РУССКАЯ КЛАСНАЯ БИБЛИОТЕКА,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

А. Н. ЧУДИНОВА.

ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ВЫПУСКЪ XXV-й.

Н. И. НОВИКОВЪ.

1744—1778.

ЖИВОПИСЕЦЪ.

1772—1773.

Избранныя статьи изъ „Живописца“ — Извлеченіе изъ „Трута“.—
Материалы для изученія писателя.

Изданіе И. Глазунова.

Николай Иванович Новиковъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.

1896.

162103

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 Марта 1896 г.

Предисловіе.

Самыя разнообразныя формы выраженія отрицательныхъ сторонъ жизни, ея дисгармоніи, отъ „горькаго“ юмористическаго смѣха и до грозной, негодующей сатиры, — составляютъ глубокую особенность нашей литературы. Начиная съ самыхъ раннихъ произведеній народнаго творчества и вплоть до нашего времени, яркой полосой проходитъ эта чисто народная особенность, окрашивая всевозможныя невзгоды русской жизни разнообразными оттѣнками смѣха. Послѣдній слышится и въ элегическихъ мотивахъ народной лирики, и въ русскихъ сказкахъ, и въ былинномъ эпосѣ, и даже въ своеобразномъ Словѣ Даниіла Заточника, а съ эпохи Петровскихъ преобразованій начинается послѣдовательный рядъ писателей-сатириковъ: Кантемиръ, Сумароковъ, Фонвизинъ, императрица Екатерина II, Новиковъ и многое множество менѣе извѣстныхъ именъ. Чрезвычайное обиліе и богатство внутренняго содержанія сатирическихъ журналовъ въ эпоху императрицы Екатерины II, помимо личнаго почина и участія Великой Государыни, въ значительной степени должно быть приписано этой чисто русской особенности нашего міросозерцанія, весьма охотно разсматривающаго явленія жизни сквозь призму смѣха. Благодаря этому обстоятельству, быть можетъ, сатирическіе журналы XVIII ст. составляютъ такое крупное, выдающееся явленіе въ литературѣ того времени, съ такою полнотою отражаютъ въ себѣ наиболѣе важныя теченія общественной мысли, что обойти ихъ, при изученіи произведеній отечественной литературы, было-бы существеннымъ пробѣломъ.

Съ другой стороны, останавливаясь на сатирическихъ журналахъ Екатерининскаго времени, мы получаемъ возможность ознакомиться съ дѣятельностью Н. И. Новикова, какъ писателя, ибо въ этой именно области, относящейся къ петербургскому періоду его жизни, она выразилась съ наибольшей полнотою и яркостью. Что же касается весьма плодотворной дѣятельности его въ Москвѣ, какъ издателя и распространителя просвѣщенія, то послѣдняя, составляя, по преимуществу, предметъ вѣдѣнія культурной исторіи нашего отечества, не прибавляетъ ничего къ заслугамъ Николая Ивановича Новикова, какъ писателя, въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Избравъ матеріаломъ для настоящаго выпуска произведенія Новикова, мы остановились на двухъ его журналахъ: *Живописецъ* и *Трутень*, не только лучшихъ изъ его изданій, но по общему мнѣнію, и наиболѣе удачныхъ изъ всѣхъ сатирическихъ листковъ Екатерининскаго времени. Помѣщать всѣ статьи обоихъ журналовъ, изъ которыхъ весьма многія утратили уже всякое значеніе, очевидно, не представляло ни малѣйшей надобности. Мы ограничились извлеченіемъ изъ нихъ только того, что оказалось въ нихъ существенно важнымъ какъ для опредѣленія содержанія современной сатиры, такъ и для ознакомленія съ приемами и характеромъ ея. Затѣмъ, въ качествѣ объяснительныхъ статей, напечатаны: общій очеркъ сатирическихъ журналовъ и обстоятельная біографія Н. И. Новикова.

Къ книгѣ приложены: портретъ Новикова и картинка, изображающая модника и модницу того времени, какъ сюжеты, особенно часто осмѣивавшіеся сатирическими журналами.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

	СТР.
Предисловіе	1
1. Живописецъ, избранныя статьи	1
2. Трутень, избранныя статьи	53

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ.

1. Сатирическіе журналы, ст. <i>Г. Караулова</i>	70
2. Николай Ивановичъ Новиковъ, ст. <i>И. Порфирьева</i>	86

ЖИВОПИСЕЦЪ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ СОЧИНЕНІЕ.

(САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ Н. И. НОВИКОВА).

(1772—1773).

I.

Неизвѣстному Г. Сочинителю комедіи: О время! приписаніе¹⁾.

Государь мой!

Я не знаю, кто вы; но вѣдаю только то, что за сочиненіе ваше достойны почтенія и великія благодарности. Ваша комедія: „О время!“ троекратно представлена была на императорскомъ придворномъ театрѣ и троекратно постепенно умножала справедливую похвалу своему сочинителю. И какъ не быть ей хвалимой? Вы первый сочинили комедію точно въ нашихъ нравахъ; вы первый, съ такимъ искусствомъ и острою, заставили слушать ѣдкость сатиры съ пріятностію и удовольствіемъ; вы первый съ такою благородною смѣлостію напали на пороки, въ Россіи господствовавшіе; и вы первый достойны по справедливости великой похвалы, во представленіи вашей комедіи оказанной. Продолжайте, государь мой, къ славѣ Россіи, къ чести своего имени и къ великому удовольствію разумныхъ единоплеменниковъ вашихъ; продолжайте, говорю, прославлять себя вашими сочиненіями:

¹⁾ Посвященіе императрицѣ Екатеринѣ, какъ автору комедіи: „О время!“ См. вып. XVII, Русск. кл. библ.

перо ваше достойно равенства съ Молиеровымъ. Слѣдуйте его примѣру, взгляните безпристрастнымъ окомъ на пороки наши, закоренѣлые худые обычаи, злоупотребленія и на всѣ развратные наши поступки: вы найдете толпы людей, достойныхъ вашего осмѣянія, и вы увидите, какое еще пространное поле ко прославленію вашему осталось. Истребите изъ сердца своего всякое пристрастіе; не взирайте на лица: порочный человѣкъ во всякомъ званіи равнаго достоинъ презрѣнія. Низкостепенный порочный человѣкъ, видя осмѣваема себя кудно съ превосходительнымъ, не будетъ имѣть причины роптать, что пороки въ бѣдности только одной перомъ вашимъ угнетаются. А превосходительство, удрученное пороками, въ первый разъ въ жизни своей восчувствуетъ равенство съ низкостепенными. Вы первый достойны показать, что дарованная вольность умамъ російскимъ употребляется въ пользу отечества. Но, государь мой, почто укрываете свое имя, — имя всеобщія достойное благодарности? я никакой не нахожу къ тому причины. Неужели, оскорбя толь жестоко пороки и вооружа противъ себя порочныхъ, опасаетесь ихъ злословія? Нѣтъ, такая слабость никогда не можетъ имѣть мѣста въ вашемъ сердцѣ. И можетъ ли такая благородная смѣлость опасаться угнетенія въ то время, когда ко счастью Россіи и ко благоденствію человѣческаго рода владычествуетъ нами премудрая Екатерина? Ея удовольствіе, оказанное во представленіи вашей комедіи, удостовѣряетъ о покровительствѣ ея такимъ, какъ вы, писателямъ. Чегожь осталось вамъ страшиться? Но, можетъ быть, особенныя причины принуждаютъ васъ укрывать свое имя? ежели такъ, то не тщусь проникать оныхъ. И хотя имя ваше навсегда останется неизвѣстнымъ, однакожь почтеніе къ вамъ мое никогда не умалится. Оно единственнымъ было побужденіемъ приписанію вамъ журнала, подъ названіемъ *Живописца*. Примите, государь мой, сей знакъ благодарности за ваше преполезное сочиненіе отъ единосемца вашего. Вы открыли мнѣ дорогу, которой я всегда страшился; возбудили во мнѣ

желаніе подражать вамъ въ похвальномъ подвигѣ исправлять нравы своихъ единоземцевъ; вы поострили ¹⁾ меня испытать въ томъ свои силы; и дай Боже, чтобы читатели въ листахъ моихъ находили хотя нѣкоторое подобіе той соли и остроты, которыя оживляютъ ваше сочиненіе. Если жъ буду имѣть успѣхъ въ моемъ предпріятіи и если листы мои принесутъ пользу и увеселеніе читателямъ, то за сіе они не мнѣ, но вамъ будутъ одолжены: ибо безъ вашего примѣра не отважился бы я напасть на пороки; а я останусь навсегда вашимъ почитателемъ,

С. Живописца ²⁾.

П. П. Хотѣлъ бы я просить васъ, чтобы вы сдѣлали честь моему журналу сообщеніемъ какого либо изъ вашихъ мелкихъ сочиненій; но опасаясь отвлечь отъ упражненій вашихъ. Впрочемъ, для меня весьма лестно получить вашъ отвѣтъ.

Въ Санктпетербургѣ. Апрѣля 12 дня 1772 года.

Вотъ полный отвѣтъ Екатерины II на это посвященіе, напечатанный въ томъ-же Живописцѣ, стр. 40 — 51. „Государь мой! Никогда не думалъ я, чтобъ сочиненная мною комедія: „О время!“ таковой имѣла успѣхъ, каковымъ вы меня увѣряете; а тѣмъ паче не воображалъ себѣ той чести, которую вы приписаніемъ еженедѣльныхъ вашихъ листовъ мнѣ сдѣлали. Комедію мою сочинилъ я, живучи во уединеніи во время свирѣпствовавшей язвы, и при сочиненіи оной не бралъ я находящихся въ ней умовачертаній ни откуда, кромѣ собственной моей семьи, слѣд., не выходя изъ дому своего, нашель въ немъ одномъ, къ составленію забавнаго позорища, довольно обширное поле для искуснѣйшаго пера, а не для такого, каковымъ я свое почитаю. Что до меня касается, я никакихъ ни требованій, ни желаній не

¹⁾ Поощрили.

²⁾ Т. е. сочинитель Живописца.

имѣю. Пишу я для собственной своей забавы, и если малыя сочиненія мои приобрѣтутъ успѣхъ и принесутъ удовольствіе разумнымъ людямъ, то я тѣмъ весьма награжденъ буду. Напротивъ того, если услышу, что нѣтъ въ нихъ никому увеселенія, то хотя тѣмъ, ненавидя праздность, отъ писанія и не воздержуся, однакожь выдавать ихъ болѣ не стану. Имени своего я не скрываю, но и не напишу его, дабы въ первый разъ не явилось оно въ свѣтѣ въ заглавіи комедіи, что для меня самого было бы комедією; а прибыли въ томъ никому нѣтъ, Карпомъ ли или Сидоромъ меня зовутъ. И такъ, оставя сіе, позвольте мнѣ включить здѣсь нѣкоторое примѣчаніе на недавно сочиненную мною комедію, названную „Именины г-жи Ворчалкиной.“ Дошло до меня, что нѣкоторые критики за непристойно поставляютъ, что г-нъ Фирлифюшковъ, за безстыдное словонесдержаніе, наказанъ палкою. Говорятъ они, что „какъ дескать дворянина за безчестное дѣло бить палкою.“ Я не стану приводить здѣсь, бывало-ль такое гдѣ нибудь дѣйствіе или нѣтъ, ниже хочу извинять поступокъ г-на Геркулова. Онъ дѣйствительно въ обыкновенномъ общежитіи жестокъ. Но себя я легко оправдать могу, сославшись на самое Уложеніе. Въ немъ гг. критики найдутъ, чему за несдержаніе слова и за бездѣльство люди подвергаются. Еще остается мнѣ отвѣтствовать вамъ на вашу просьбу. Вы хотите, чтобъ я прислалъ къ вамъ какія нибудь мои сочиненія. Сіе съ охотою впредь я исполню и сожалѣю о томъ только, что на сей случай никакныхъ у меня готовыхъ не случилось: ибо я цѣлше пять мѣсяцевъ занятъ былъ сочиненіями комедій, коихъ пять готовыхъ имѣю, и нѣкоторыя изъ нихъ отосланы на театръ, а прочія туда же въ походъ собираются. Я впрочемъ есмь, государь мой, вашъ охотный слуга, сочинитель комедіи: „О Время!“

II.

Принявъ названіе „Живописца“ и сдѣлавшись авторомъ еженедѣльныхъ листовъ, нечувствительно сдѣлался я долж-

никомъ всѣхъ моихъ читателей. Они безъ сомнѣнія потребуютъ въ каждую недѣлю полулиста моего сочиненія: я имъ такъ общалъ и почтенное авторское слово сохраню неотмѣнно. Да для чего-жъ бы и не сохранить онаго? По модѣ нашего времени писать не трудно: благодаря Бога, правая рука моя здорова, буквы чертить по бумагѣ научился еще съ ребячества. Я говорю чертить, для того, что россійской грамотѣ учился я у дьячка, который и самъ не зналъ никакихъ правилъ, а о грамматикѣ и не слыхивалъ; слѣдовательно, учился я искусству попугая и обезьяны; но это разумѣется только о россійскомъ языкѣ, которому почти и всѣ обучаются безъ правилъ; и такъ, были бы только чернила, перо, бумага, такъ и совсѣмъ авторъ. О времена! блаженныя времена, въ которыя, не учась грамотѣ, становимся попами! Нѣкоторые ненавистники писмянъ новаго вкуса утверждаютъ, что ко всякому сочиненію потребенъ разумъ, ученіе, критика, разсужденіе, знаніе россійскаго языка и правилъ грамматическихъ—устыдитесь, государи мои, строгіе судьи, устыдитесь своего мнѣнія; оставьте ваше заблужденіе: посмотрите только на молодыхъ нашихъ писателей, вы увидите, что они никогда вашимъ не слѣдуютъ правиламъ. Вы то проповѣдуете, чего не было, или что вышло уже изъ моды: кто же будетъ вамъ слѣдовать? Право никто. По малой мѣрѣ, мы, молодые люди, никогда не отяготимъ памяти своей ненужнымъ знаніемъ; да это и похвально: для чего безъ нужды трудиться? На что разумъ, когда и безъ онаго писать можно? Что въ разсужденіи и критикѣ?—все ли захватить автору, надобно и читателямъ что нибудь оставить. Пропади знаніе россійскаго языка, ежели и безъ него можно жить въ большомъ свѣтѣ: а этотъ большой свѣтъ составляютъ почтенные и любезные наши щеголи и щеголихи. Исчезните, правила грамматическія! вы только пустое дѣлаете затрудненіе. А ученіе—о! эта ненужная тягость совсѣмъ брошена.

Но что я слышу? строгіе, ученые и благоразумные люди негодуютъ; вооружаются противъ меня; хотятъ дѣлать опро-

верженіе моимъ правиламъ: я пропалъ! Но постойте, государи мои, есть у меня защитники; они за меня отвѣтствовать вамъ будутъ; благородные невѣжды, вѣтренные щеголи, модные вертопрашки, на васъ полагаю я надежду; вы держитесь моихъ правилъ, защищайте ихъ: острые ваши языки къ тому способны. И вы, добрые старички, вы думаете о наукахъ согласно со мною, но по другимъ только причинамъ. Вы разсуждаете такъ: „дѣды наши и прадѣды ничему не учились, да жили щастливо, богато и спокойно: науки да книги переводятъ только деньги; какая отъ нихъ прибыль, одно раззоренье!“

Дѣтямъ своимъ вы говорите: „расти только великъ, да будь щастливъ, а умъ будетъ“. Прекрасное нравоученіе! неоспоримые доводы: новая истина открывается свѣту!

Благоразумные старцы, премудрые воспитатели, въ нашемъ невѣжествѣ видно нѣкоторое подобіе славнѣйшія въ нашемъ вѣкѣ человѣческія мудрости — *Жанъ Жака Руссо*: онъ разумомъ, а вы невѣжествомъ доказываете, что науки бесполезны. Какіе ужасные противоположники соглашаются утвердить вредъ, отъ наукъ происходящій! Въ первый еще разъ, сіи непримиримые непріятели — *разумъ и невѣжество* во единомысліе приходятъ. Прорицалище нашего вѣка, славный *Вольтеръ*, познай свое заблужденіе: старики наши, паче тебя тягостію лѣтъ обремененные, никогда не говорятъ, что на четырехъ ногахъ ходить поздно. Послушаемъ теперь, какъ молодые люди о наукахъ разсуждаютъ.

„Что въ наукахъ, говоритъ *Наркисъ*: Астрономія умножитъ ли красоту мою паче звѣздъ небесныхъ?—нѣтъ: на что-жь мнѣ она? Математика прибавитъ ли моихъ доходовъ?—нѣтъ: чортъ ли въ ней! Физика изобрѣтетъ ли новыя таинства въ природѣ, служащія къ моему украшенію—нѣтъ: куда она годится! Исторія покажетъ ли мнѣ человѣка, который былъ бы прекраснѣе меня?—нѣтъ: какая-жь въ ней нужда? Географія сдѣлаетъ ли меня любезнѣе?—нѣтъ: такъ она и недостойна моего вниманія. Прочія всѣ науки могутъ

ли произвести чудо, чтобы красавицы въ меня не влюблялись?—нѣтъ: это невозможность; слѣдовательно, для меня всѣ онѣ бесполезны. А о словесныхъ наукахъ и говорить нечего. Одна только изъ нихъ заслуживаетъ нѣсколько мое вниманіе: это стихотворство; да и оно нужно мнѣ тогда только, когда захочется написать пѣсенку. Я бы началъ обучаться оному, да то бѣда, что я не знаю русскаго языка. Покойный батюшка его терпѣть не могъ; да и всю Россію ненавидѣлъ, и сожалѣлъ, что онъ въ ней родился; полно, этому дивиться нечему; она и подлинно это заслуживаетъ; человѣкъ съ моими достоинствами не можетъ найти счастья! То, что имѣю я, другой почель бы счастіемъ, но для меня этого мало... О, Россія, Россія! когда научишься ты познавать достоинства людскія!“ Такъ разсуждаетъ *Наркисъ*; достоинства его слѣдующія: танцуетъ прелестно, одѣвается щегольски, поетъ какъ ангель, красавицы почитаютъ его *Адонидомъ*, а соперники—*Марсомъ*, и всѣ его трепещутъ; да есть чего и страшиться: ибо онъ уже принялъ нѣсколько уроковъ отъ французскаго *шпагобойца*. Къ дополненію его достоинствъ играетъ онъ во всѣ карточныя игры совершенно, а притомъ разумѣетъ по-французски—Не завидный ли это молодець? не совершенный ли онъ человѣкъ? — Читатель, скажи мнѣ на ухо, каковы будутъ дѣти *Наркисовы*?

Худовоспитанникъ говорить: „Науки никакой не могутъ мнѣ принести пользы: я опредѣлилъ себя къ военной службѣ, и я имѣю уже офицерскій чинъ. Науки сдѣлаютъ ли меня смѣлѣе? прибавятъ ли мнѣ храбрости? сдѣлаютъ ли исправнѣйшимъ въ моей должности? Нѣтъ: такъ онѣ для меня и не годятся. Моя наука вся въ томъ состоитъ, чтобы умѣть кричать: пали! коли! рубя! и быть строго до чрезвычайности къ своимъ подчиненнымъ. Науки да книги умягчаютъ сердце; а отъ мягкосердечія до трусости одинъ только шагъ. И такъ, пусть учатся и читаютъ книги люди праздные; а я храбростію одною найду себѣ счастье“. *Худовоспитанникъ* точно такъ и поступаетъ: его называютъ храбрымъ офицеромъ, по-

хваляютъ; отецъ его радуется, что имѣетъ столь любезнаго сына. Наконецъ, по многимъ храбрымъ его поступкамъ сдѣлалъ онъ прехраброе дѣло: его пожаловали бы большимъ чиномъ, если бы онъ что нибудь разумѣлъ опричь науки рубить шпагою. Но тутъ уже смотреть на него другими глазами и говорятъ: онъ былъ наилучшій офицеръ, когда былъ подъ командою, но будетъ самый худой начальникъ. Какъ повѣрить ему полкъ? онъ ничему не учился, ничего не читалъ и ничего не знаетъ. Въмѣсто большаго чина, даютъ ему деньги; онъ считаетъ себя обиженнымъ, думая, что когда былъ онъ хорошимъ офицеромъ, то былъ бы еще лучшимъ начальникомъ. Онъ идетъ въ отставку и говоритъ: достоинства не награждаются. *Худовоспитанникъ* приѣзжаетъ въ другую непріятельскую землю, а именно во свое помѣстье. Служа въ полку, собиралъ онъ иногда съ непріятелей контрибуцію, а здѣсь съ крестьянъ своихъ собираетъ тяжкія подати. Тамъ рубилъ невѣрныхъ, а здѣсь сѣчетъ и мучитъ правовѣрныхъ. Тамъ не имѣлъ онъ никакія жалости; нѣтъ у него и здѣсь никому и никакой пощады; а если бы можно ему было со крестьянами своими поступать въ силу военнаго устава, то не отказался-бы онъ ихъ *аркибузировать*¹⁾. Тамъ отнятіемъ непріятельскихъ земель служилъ онъ отечеству, а здѣсь отнятіемъ оныхъ у маломощныхъ своихъ сосѣдей дѣлается преступникомъ законовъ отечества. — Правильно говорилъ *Худовоспитанникъ*, что науки для него бесполезны; не нужны онѣ ему были въ военной службѣ, а въ отставкѣ и совсѣмъ не годятся!

Кривосудъ, получа судейскій чинъ, говоритъ: „По наукамъ ли чины раздаются? Я ничему не учился и не хочу учиться; однако-жъ я судья. Моя наука теперь въ томъ состоитъ, чтобъ знать наизусть всѣ указы, и въ случаѣ нужды, умѣть ихъ употреблять въ свою пользу. Науками ли получаютъ деньги? науками ли наживаютъ деревни? науками ли при-

¹⁾ Разстрѣливать.

обрѣтають себѣ покровителей? науками ли доставляютъ себѣ въ старости спокойную жизнь? науками ли дѣлають дѣтей своихъ счастливыми? Нѣтъ: такъ къ чему же онѣ годятся? Будь ученый человѣкъ хотя семи пядей во лбу, да пошадись къ намъ въ приказъ, то переучимъ мы его на свой салтыкъ, буде не захочетъ ходить по міру. О науки! науки! бесполезная тяжесть! О ученые! ученые! вы то прямые дураки“.

Щеголиха говоритъ: „Какъ глупы тѣ люди, которые въ наукахъ самыя прекрасныя лѣта погубляютъ. Ужась какъ смѣшны ученые мужчины; а наши сестры ученныя — о! онѣ-то совершенныя дуры. *Безпримѣрно*, какъ онѣ смѣшны! Не для географіи одарила насъ природа красотою лица; не для математики дано намъ острое и пронзательное понятіе; не для исторіи награждены мы плѣняющимъ голосомъ; не для физики вложены въ насъ нѣжныя сердца; для чего же одарены мы сими преимуществами? — чтобы быть обожаемыми. Въ словѣ умѣть *нравиться* всѣ наши заключаются науки. За науки ли любятъ насъ до безумія? наукамъ ли въ насъ удивляются? науки ли въ насъ обожаютъ? Нѣтъ, право нѣтъ. Пусть ученая женщина покажется въ ту бесѣду, въ которой будутъ всѣ наши *щеголи*, украшающіе собой мужской полъ, пусть она туда покажется: чортъ меня возьми, ежели тамъ съ нею хотя одно слово промолвятъ. А ежели она говорить начнетъ, то всѣ мужчины зѣвать стануть. Счастлива будетъ она, ежели случится тамъ нѣсколько человѣкъ къ ей подобныхъ: тогда по малой мѣрѣ хотя не умретъ отъ скуки. Но что-жь она тѣмъ выигрываетъ? Не больше, какъ назовутъ ее ученою женщиною; да и то такіе люди, которыхъ самихъ называютъ *недантами* — прекрасная побѣда! *безпримѣрно какъ славна!*.. Ученая женщина! ученая женщина! фуй! какъ это *неловко!* Напротивъ того, ежели приѣду я въ такое собраніе, то вмгъ окружатъ меня всѣ мужчины. Станутъ наперерывъ хвалить меня: одинъ удивляется красотѣ моего лица; другой хвалить руки; третій — станъ; иной — походку; тотъ —

пріятность моего голоса; иной превозноситъ нѣжность моего вкуса въ нарядахъ; словомъ сказать, ни одна изъ бездѣлокъ моихъ, даже до булавки, не останется, чтобы не была расхвалена. Всѣ кричатъ: вотъ прекрасная, пріятная и любезная женщина; вотъ чудесное произведеніе природы; вотъ совершенное ея сотвореніе: она мила, какъ ангелъ! Разумѣется, что всѣ такія слова безъ проводника идутъ къ сердцу. Не успѣю я осмотрѣться, какъ уже найду тысячи обожателей. Одинъ говоритъ, что онъ хотѣлъ бы быть вѣчно моимъ слугою, лишь бы могъ имѣть счастье всегда меня видѣть. Какъ это много, *безпримѣрно* много! Изъ благороднаго человѣка хочетъ сдѣлаться слугою, для того только, чтобы чаще на меня смотрѣть и удивляться. Другой говоритъ, что онъ оставилъ бы престолъ всего свѣта, лишь бы могъ быть моимъ любимымъ невольникомъ. Ужасная мысль! годится хоть въ трагедію; по счастью, что онъ еще не король, а то бы и въ истину онъ такъ сдурачился. Однакожь его до такого дурачества не допустили бы. Но какъ исчислить все, что говорятъ учтивые мужчины красавицамъ? Ласкательства ихъ неограниченны, а учтивости безконечны. Слыша это, какъ не восхищаться? какъ за учтивости не платить ласкою? Я такъ и поступаю: съ однимъ поговорю, другого похваляю, на третьяго брошу взглядъ, поражающій его сердце, и такъ далѣе. Я ни одному ничего не обѣщаю, но однакожь всѣхъ ихъ къ себѣ привязываю. Ужась какъ завидно состояніе красавицы, и какъ *безпримѣрно* жалко ученой женщины! Божусь, что я своего состоянія ни на какое не промѣняю. Какая-жъ нужда мнѣ въ наукахъ?—Право, никакой“. Такъ разсуждаетъ *Щеголиха*. Читатель, скажи, не правильно ли ея разсужденіе?

Молокосозъ говоритъ: „Я не хочу тратить времени для наукъ: онѣ мнѣ не нужны. Чины получаю я по милости моего дядюшки, гораздо еще преимущественнѣе передъ тѣми, которые въ наукахъ погубили молодья свои лѣта. Деньги на мое содержаніе жалуетъ мнѣ батюшка, а когда недоста-

еть оныхъ, тогда забираю въ долгъ, и мнѣ вѣрятъ. Начальники мои не только что любятъ меня, но еще стараются угождать мнѣ, дѣлая тѣмъ услугу знатнымъ моимъ родственникамъ. Въ любви счастливъ я и безъ наукъ: всякая красавица за честь себѣ почтетъ быть моею женою. Куда я ни приѣду, вездѣ меня ласкаютъ; всѣ хвалятъ, удивляются моей живости, превозносятъ острогу мою; и такъ по всему науки для меня бесполезны“. Читатель! прибавь отъ себя, какъ *Молокососа* всѣ внутренно называютъ.

Читатель! съ позволенія твоего, не пора ли оставить разсужденія нѣкоторыхъ нашихъ молодыхъ людей о наукахъ? Кажется мнѣ, что я уже ими довольно тебѣ наскучилъ. Ты ожидаешь чего-нибудь поважнѣе; потерпи, пожалуй, все будетъ: только чуръ не сердиться.

III.

Отрывокъ путешествія

въ ***

И*** Т***

...По выѣздѣ моемъ изъ сего города, я останавливался во всякомъ почти селѣ и деревнѣ: ибо всѣ они равно любопытство мое къ себѣ привлекали; но въ три дня сего путешествія, ничего не нашель я похвалы достойнаго. *Бѣдность и рабство* повсюду встрѣчались со мною во образѣ крестьянъ. Непахатныя поля, худой урожай хлѣба возвѣщали мнѣ, какое помѣщики тѣхъ мѣстъ о земледѣліи прилагали раченіе. Маленькія, покрытыя соломой хижины изъ тонкаго заборника, дворы, огороженные плетнями, небольшія *адоньи* ¹⁾ хлѣба, весьма малое число лошадей и рогатаго скота, подтверждали, сколь велики недостатки тѣхъ бѣдныхъ тварей, которыя богатство и величество цѣлаго государства составлять должны.

Не пропускалъ я ни одного селенія, чтобы не разспрашивать о причинахъ бѣдности крестьянской. И слушая ихъ отвѣты, къ великому огорченію всегда находилъ, что помѣ-

¹⁾ Одошье—круглая кладъ хлѣба въ снопахъ.

щики ихъ сами тому были виною. О, человѣчество! тебя не знаютъ въ сихъ поселеніяхъ! О, господство! ты тиранствуешь надъ подобными себѣ человѣками! О, блаженная добродѣтель, любовь къ ближнему! ты употребляешься во зло: глупые помѣщики сихъ бѣдныхъ рабовъ изъясляютъ тебя болѣе къ лошадямъ и собакамъ, а не къ человѣкамъ! Съ великимъ содроганіемъ чувствительнаго сердца начинаю я описывать нѣкоторыя села, деревни и помѣщиковъ ихъ. Удалитесь отъ меня, ласкательство и пристрастіе, низкія свойства подлыхъ душъ: истина перомъ моимъ руководствуетъ!

Деревня *Раззоренная* поселена на самомъ низкомъ и болотномъ мѣстѣ. Дворовъ около двадцати, стѣсненныхъ одинъ подлѣ другого, огорожены изсохшими плетнями и покрыты, отъ одного конца до другого, сплошь соломой. Какая несчастная жертва, жестокости пламени посвященная нерадивостью ихъ господина! Избы, или, лучше сказать, бѣдныя развалившіяся хижинны, представляютъ взору путешественника оставленное человѣками селеніе. Улица покрыта грязью, тиною и всякою нечистотою, просыхающая только зимнимъ временемъ. При въѣздѣ моемъ въ сіе обиталище плача, я не видалъ ни одного человѣка. День тогда былъ жаркій; я ѣхалъ въ открытой коляскѣ; пыль и жаръ столько обезпокоивали меня дорогою, что я спѣшилъ войти въ одну изъ сихъ развалившихся хижинъ, дабы нѣсколько успокоиться. Извозчикъ мой остановился у воротъ одного бѣднаго дворишка, сказывая, что это былъ лучшій во всей деревнѣ и что хозяинъ онаго зажиточнѣе былъ всѣхъ прочихъ, потому что онъ имѣлъ корову. Мы стучались у воротъ очень долго; но намъ ихъ не отпирали. Собака, на дворѣ привязанная, тихимъ и осиплымъ лаеніемъ, казалось, давала знать, что ей оберегать было нечего. Извозчикъ вышелъ изъ терпѣнія, перелѣзъ черезъ ворота и отперъ ихъ. Коляска моя взвезена была на грязный дворъ, намощенный соломой, ежели оною намостить можно грязное и болотное мѣсто; а я вошелъ въ избу растворенными настежь дверями. Заразительный духъ

отъ всякой нечистоты, чрезвычайный жаръ и жужжаніе бесчисленнаго множества мухъ оттуда меня выгоняли; а вопль трехъ оставленныхъ младенцевъ удерживалъ въ оной. Я спѣшилъ подать помощь симъ несчастнымъ тварямъ. Пришедъ къ лукошкамъ, прицѣпленнымъ веревками къ шестамъ, въ которыхъ лежали безъ всякаго призрѣнія оставленные младенцы, увидѣлъ я, что у одного упалъ сосокъ съ молокомъ; я его поправилъ и онъ успокоился. Другого нашелъ обернувшегося лицомъ къ подушкѣ изъ самой толстой холстины, набитой соломою; я тотчасъ его оборотилъ и увидѣлъ, что безъ скорой помощи лишился бы онъ жизни: ибо онъ не только что посинѣлъ, но и, почернѣвъ, былъ уже въ рукахъ смерти; скоро и этотъ успокоился. Подошедъ къ третьему, увидѣлъ, что онъ былъ распеленанъ, множество мухъ покрывали лицо его и тѣло и немилосердно мучили сего ребенка; солома, на которой онъ лежалъ, также его колола, и онъ произносилъ пронзающій крикъ. Я оказалъ и этому услугу: согналъ всѣхъ мухъ, спеленалъ его другими, хотя нечистыми, но однакожъ сухими пеленками, которыя въ избѣ тогда развѣшаны были; поправилъ солому, которую онъ, барахтаясь, ногами взбилъ: замолчалъ и этотъ. Смотря на сихъ младенцевъ и входя въ бѣдность состоянія сихъ людей, вскричалъ я: „Жестокосердый тиранъ, отъемлющій у крестьянъ насущный хлѣбъ и послѣднее спокойство! посмотри, чего требуютъ сіи младенцы! У одного связаны руки и ноги: принести ли онъ о томъ жалобы?—нѣтъ: онъ спокойно взираетъ на свои оковы. Чего же требуетъ онъ?—необходимо нужнаго только пропитанія, Другой произносилъ вопль о томъ, чтобы только не отнимали у него жизнь. Третій вопіялъ къ человечеству, чтобы его не мучили. Кричите, бѣдныя твари!—сказалъ я, проливая слезы; произнесите жалобы свои! наслаждайтесь послѣднимъ симъ удовольствіемъ въ младенчествѣ: когда возмужаете, тогда и сего утѣшенія лишитесь. О солнце, лучами щедротъ своихъ *** озаряющее: призри на сихъ несчастныхъ!“

Оказавъ услугу человечеству, я спѣшилъ подать помощь себѣ: тяжкій запахъ въ избѣ столь для меня былъ вреденъ, что я насилу могъ выйти изъ оной. Пришедъ къ своей коляскѣ, упалъ я безъ чувствъ во оную. Приключившійся мнѣ обморокъ былъ не продолжителенъ; я опомнился, спрашивалъ холодной воды; извощикъ мой ее принесъ изъ колодезя; но я не могъ пить ея по причинѣ худого запаха. Я требовалъ чистой; но въ отвѣтъ услышалъ, что во всей деревнѣ лучше этой воды нѣтъ, и что всѣ крестьяне довольствуются сею пакостною водою. Помѣщики, сказалъ я, вы никакого не имѣете попеченія о сохраненіи здоровья своихъ кормильцевъ!

Я спрашивалъ, гдѣ хозяева того дома; извощикъ отвѣтствовалъ, что всѣ крестьяне и крестьянки въ полѣ, прибавя къ тому, что когда былъ я въ избѣ, то выходилъ онъ въ то время за заднія ворота посмотрѣть, не найдетъ ли тамъ когонибудь изъ крестьянъ; что нашелъ онъ тамъ одного спрятавшася мальчика, который ему сказалъ, что, увидѣвъ издалека пыль отъ моей коляски, подумали они, что это ѣдетъ ихъ баринъ, и для того отъ страха разбѣжались. „Они скоро придутъ—сказалъ извощикъ;—я ихъ увѣрилъ, что мы проѣзжіе, что ты бояринъ добрый, что ты не дерешься и что ты пожалуешь имъ на лапти. Вскорѣ послѣ того пришли два мальчика и двѣ дѣвочки отъ пяти до семи лѣтъ. Они всѣ были босиками, съ раскрытыми грудями и въ однихъ рубашкахъ; и столь были дики и застращены именемъ барина, что боялись подойти къ моей коляскѣ. Извощикъ ихъ подвелъ, приговаривая: „Не бойтесь, онъ васъ не убьетъ: онъ бояринъ добрый; онъ пожалуетъ вамъ на лапти“. Ребятишки, подведены будучи близко къ моей коляскѣ, вдругъ всѣ побѣжали назадъ, крича: „Ай! ай! ай! берите все, что есть, только не бейте насъ!“ Извощикъ, схватя одного изъ нихъ, спрашивалъ, чего они испужались. Мальчишка, тресучись отъ страха, говорилъ: „Да! чего испужались.... ты насъ обмануль... на этомъ баринѣ красный кафтанъ..... это никакъ нашъ баринъ..... онъ насъ засѣчетъ“. Вотъ плоды жесто-

кости и страха! О вы, худые и жестокосердые господа! вы дожили до того несчастія, что подобные вамъ челоуѣки боются васъ, какъ дикихъ звѣрей! „Не бойся, другъ мой, — сказалъ я испуженному краснымъ кафтаномъ мальчику; — я не вашъ баринъ: подойди ко мнѣ, я тебѣ дамъ денегъ“. Мальчикъ оставилъ страхъ, подошелъ ко мнѣ, взялъ деньги, поклонился въ ноги и, оборотясь, кричалъ другимъ: „Ступайте сюда, ребята; это не нашъ баринъ; этотъ баринъ добрый: онъ даетъ деньги и не дерется!“ Ребятишки тотчасъ всѣ ко мнѣ прибѣжали; я далъ каждому по нѣскольку денегъ и по пирожку, которые со мною были. Они всѣ кричали: „У меня деньги! у меня пирогъ!“

Сіе сатирическое сочиненіе, подъ названіемъ путешествія въ ***, получилъ я отъ г. И. Т. съ прошеніемъ, чтобы оно помѣщено было въ моихъ листахъ. Если бы это было въ то время, когда умы наши и сердца заражены были французскою націею, то не осмѣлился бы я читателя моего поподчивать съ этого блюда; потому что оно приготовлено очень солоно и для нѣжныхъ вкусовъ благородныхъ невѣждъ горьковато. Но нынѣ премудрость, сидящая на престолѣ, истину покровительствуетъ во всѣхъ дѣяніяхъ. И такъ, я надѣюсь, что сіе сочиненіе заслужитъ вниманіе людей, истину любящихъ.

IV.

Продолженіе

Отрывка Путешествія.

въ ***

И*** Т***

Между тѣмъ, солнце, совершивъ свое теченіе, погружалось въ бездну водъ, дневной жаръ перемѣнялся въ прохладность, птицы согласнымъ своимъ пѣніемъ начали воспѣ-

вать пріятность ночи, а сама природа призывала всѣхъ отъ трудовъ къ покою. Между тѣмъ, богачи, любимцы Плутовы, препроводя весь день въ веселіи и пированіяхъ, къ новымъ готовятъ увеселеніямъ. Люди праздные, скучающіе драгоцѣнностію времени, потерявъ сей день бесполезно, возвращались на ложе свое спокойными и радовались, что одинъ день убавился изъ ихъ вѣка. Худой судья и негодный подъячій веселились, что въ минувшій день сдѣлали прибытокъ своему карману, и пролили новые источники невинныхъ слезъ. Щеголи и щеголихи, препроводя весь день въ нарядахъ, скакали на берегъ ¹⁾ для свиданія. Устарѣлая щеголиха воспалаляла великое число восковыхъ свѣчъ и, устроивъ лице свое различными хитростями, торжествовали восхожденіе луны, своей благодетельницы, которая блѣднымъ своимъ свѣтомъ оживляла увядшія ихъ прелести. Игроки собирались къ всенощному бдѣнію за карточными столами, и тамъ теряя честь, совѣсть и любовь къ ближнему, готовились обманывать и раззорять богатыхъ простячковъ всякими непозволенными способами. Другіе игроки везли съ собою въ карманѣ труды и потъ своихъ крестьянъ цѣлаго года и готовились поставить на карту. Купецъ веселился, считая прибытокъ того дня, полученный имъ на совѣсть, и радовался, что на дешевый товаръ много получилъ барыша. Врачъ благодарилъ Бога, что въ этотъ день много было больныхъ, и радовался, что отправленный имъ на тотъ свѣтъ покойникъ былъ весьма молчаливый человѣкъ. Стряпчій доволенъ былъ, что въ минувшій день умѣлъ раззорить зажиточнаго человѣка и придумать новыя плутовства для раззоренія другихъ по законамъ. А крестьяне, мои хозяева, возвращались съ поля въ пыли, въ потѣ, измучены, и радовались, что для прихотей одного человѣка всѣ они въ прошедшій день много сработали.

¹⁾ Надобно думать, что это путешествіе писано въ то время, когда прогуливаніе по берегу было въ модѣ.

Вошедъ на дворъ и увидѣвъ меня въ коляскѣ, всѣ они поклонились въ землю, а старшій изъ нихъ говоритъ: „Не прогнѣвайся, господинъ добрый, что насъ никого не прилучилоя дома. Мы всѣ, родимый, были въ полѣ; Царь Небесный далъ намъ ведро, и мы торопимся убрать жниво, покуда дожди не захватили. По сей день Господень все-таки у насъ, родимый, погода стоитъ добрая, и мы почти со всѣмъ господскимъ хлѣбомъ управились: авось таки милостивый Спасъ подержитъ надъ нами свою руку и дастъ намъ еще хорошую погоду, такъ мы и со своимъ хлѣбишкомъ управимся. У нашего боярина такое, родимый, повѣрье, что какъ поспѣетъ хлѣбъ, такъ сперва всегда его боярскій убираемъ; а съ своимъ то де, *изволить баять*, вы поскорѣе уберетесь. Ну, а ты разсуди, кормилецъ, вѣдь мы себѣ не лиходѣи: мы бы и рады убрать, да какъ захватятъ дожди, такъ хлѣбъ-отъ нашъ и пропадетъ. Дай ему Богъ здоровье! Мы на Бога надѣмся: Богъ и государь до насъ милостивы, а кабы да Григорій Терентьевичъ также насъ миловалъ, такъ мы бы жили, какъ въ раю.“ — Подите, друзья мои, — сказалъ я имъ, — отдохайте: завтра воскресенье, а вы, конечно, на работу не пойдете, такъ мы поговоримъ побольше. — „И! родимый! — сказалъ крестьянинъ, — какъ не работать въ воскресенье! Помолясь Богу, не что же дѣлать намъ, какъ не за работу приниматься; кабы да по всѣмъ праздникамъ нашему брату гулять, такъ некогда бы и работать было. Вѣдь мы, родимый, не господа, чтобы и намъ гулять; полно того, что и они гуляютъ“. Послѣ чего крестьяне пошли, а я остался въ своей коляскѣ и, разсуждая о ихъ состояніи, столь углубился въ размышленія, что не могъ заснуть прежде двухъ часовъ пополуночи.

На другой день, поговоря съ хозяиномъ, я отправился въ свой путь, горя нетерпѣливостью увидѣть жителей *благополучной деревни*: хозяинъ мой столько насказалъ мнѣ добраго о помѣщикѣ той деревни, что я напередъ уже во-

зымѣлъ къ нему почтеніе и чувствовалъ удовольствіе, что увижу крестьянъ благополучныхъ.

V.

Вѣдомости въ С.-Петербургѣ.

Изъ Милліонной улицы.

Здѣсь примѣчена великая перемѣна въ продажѣ книгъ. Прежде жаловались, что на російскомъ языкѣ не было почти никакихъ полезныхъ и ко украшенію разума служащихъ книгъ, а печатались одни только *романы* и *сказки*; но однакожъ ихъ покупали очень много. Нынѣ многія наилучшія книги переведены съ разныхъ иностранныхъ языковъ и напечатаны на російскомъ; но ихъ и въ десятую долю противъ *романовъ* не покупаютъ. Прежнему великому на *романы* и *сказки* расходу причиною было, какъ нѣкоторые сказываютъ, невѣжество; а нынѣшнему малому наилучшимъ книгамъ расходу полагаютъ причиною великое наше просвѣщеніе. И подлинно, благодаря Бога, мы нынѣ такъ стали разумны, что не только ничему уже не хотимъ учиться, но и за стыдъ почитаемъ упражняться въ наукахъ, а еще и паче во словесныхъ. Что жъ касается до подлинныхъ нашихъ книгъ, то онѣ никогда не были въ модѣ, и совсѣмъ не расходятся; да и кому ихъ покупать? Просвѣщеннымъ нашимъ господчикамъ онѣ не нужны, а невѣжамъ и совсѣмъ не годятся. Кто бы во Франціи повѣрилъ, ежели бы сказали, что „Волшебныхъ Сказокъ“ разошлось больше сочиненій Расиновыхъ? А у насъ это сбывается: „Тысяча одной ночи“ продано гораздо больше сочиненій г. Сумарокова. И какой бы лондонскій книгопродавецъ не ужаснулся, услышавъ, что у насъ двѣсти экземпляровъ напечатанной книги иногда въ десять лѣтъ насилу раскупятся? О времена! о нравы! Ободрайтесь, російскіе писатели! Сочиненія ваши скоро и совсѣмъ покупать перестанутъ.

Изъ Твери.

Недавно черезъ нашъ городъ проѣхалъ въ Петербургъ какой то славный *выдумщикъ*. Онъ рассказывалъ намъ о себѣ великія чудеса и показывалъ болѣе ста *выдумокъ*, имъ сочиненныхъ. Между прочими, выхвалялъ онъ болѣе всѣхъ сочиненіе, въ которомъ предлагаетъ способъ для пріохочиванья молодыхъ російскихъ господчиковъ къ чтенію русскихъ книгъ. Онъ въ томъ состоитъ, чтобы русскія книги печатать французскими литерами. Г. *Выдумщикъ* увѣряетъ, что симъ способомъ можно приманить къ чтенію російскихъ книгъ всѣхъ щеголей и щеголихъ, да и самыхъ тѣхъ, которые російскаго языка терпѣть не могутъ. Онъ утверждалъ, что ежели эта его выдумка произведется въ дѣйство, то онъ надѣется отъ сего великаго успѣха, потому что, по его мнѣнію, французскія буквы мягкостію своею очистятъ всю грубость російскаго языка. Сей великій человекъ недолго промѣшкалъ въ нашемъ городѣ и поскакалъ въ Петербургъ.

Недавно пріѣхавшій французъ учредилъ для молодыхъ благородныхъ и мѣщанскихъ дѣтей школу, въ которой преподавать будетъ всѣ въ карточныхъ играхъ употребляемыя хитрости и обманы, въ каждый день отъ 10 пополудни до 5 часовъ пополуночи. Сей честный и некорыстолюбивый французъ обязуется какъ сему, такъ и другимъ разнымъ къ обогащенію себя средствамъ обучать учениковъ своихъ безъ всякой платы. Но чтобы ученики его больше уважали его наставленія и болѣе бы имѣли прилежанія къ скорѣйшему обученію, то требуетъ онъ только сей бездѣлки, чтобы они играли съ нимъ на чистыя деньги. Впрочемъ, онъ клянется французскою своею совѣстью, что въ скорое время учениковъ своихъ приведетъ въ такое состояніе, что они другихъ обучать будутъ. Сей учитель живетъ въ улицѣ *Раззореніе*, въ домъ г. *Безстыднаго*.

VI.

Мои соеиг, Живописецъ!

Ты, радость, *безпримѣрный* Авторъ.—По чести говорю, *ужестъ какъ ты славенъ*; читая твои листы, я *безподобно утѣшаюсь*; какъ все у тебя *славно*: слогъ растеганъ, мысли *прыгающыя*. — По чести скажу, что твои листы *вѣчно меня прельщаютъ*: *клянусь*, что я всегда *фельетирую*¹⁾ ихъ безъ всякой *дистракціи*. Да и нельзя не такъ, ты не *грустенъ*, *шутяшь славно*, и твое перо по *бумгъ бѣгаетъ безподобно*. — *Ужестъ, ужестъ*, какъ прекрасны твои листы! Но сказать, *вокругъ насъ*, ты много долженъ мнѣ:—*уморить ли радость?* Вѣдь мнѣніе-то *Щеголихино* ты у меня подтяналъ:—Ха! ха! ха!—*Клянусь*: спроси у всѣхъ моихъ знакомыхъ, они тебѣ скажутъ, что я всегда это говаривала; но это ничего не значить. Признаюсь, что я и сама много заняла изъ твоихъ листовъ. Пуще всего ты *ластяишь* меня тѣмъ, что *никакъ со мною не споряишь*; а особливо, когда говорилъ о наукахъ; ты это такъ *славно прокричалъ?* — чертъ меня возьми! — *какъ книга*. А при томъ, ты всегда стараешься оказывать намъ учтивости; не такъ, какъ нѣкоторый грубіянтъ, сочиня комедію, одну изъ подругъ моихъ *вытащилъ* на театръ. Куда какъ онъ много выигралъ! Я, чаю, онъ надѣялся, что всѣ *расхохочутся до смерти*; апъ право никто изъ нашихъ сестеръ, и учтивыхъ муштинъ, и не улыбнулся; а смѣялись только... Онъ хотѣлъ насъ одурачить, да не удалось. *Ужестъ*, какъ *славно* онъ забавлялся надъ бѣднымъ мальчикомъ *Фирлифлюшковымъ*: совсѣмъ тѣмъ подобные ему люди останутся всегда у насъ въ почтеніи; а его *Дремовъ* никогда не выведетъ изъ дураковъ. Еслибъ узнала я этого *Автора*, то *оттѣнила бы* сама его *безподобно*. Я *никакъ* на него не сер-

¹⁾ Напечатаны курсивомъ бывшія особенно въ ходу у щеголей и щеголихъ слова и выраженія, состоящія, большею частью, изъ галлицизмовъ.—Фельетировать, перелистывать; дистракція, разсѣянность.

дита: онъ меня *никакъ* не тронулъ; однакожь я и сама не знаю, за что я его *никакъ* не могу терпѣть. Въ первой его Комедіи, я сама *до смерти захохоталась, ужесть, какъ славно шпетилъ*¹⁾ онъ нашихъ бабушекъ; а эта Комедія такую сдѣлала *дистракцію*, и такую *грусть*, что я поклялась *никакъ на именины* не ѣздить. Правда, ты и самъ *зацѣпился*: но это шуткою; а за шутки мы *никакъ* не сердимся: напротивъ того, ты бранишь однихъ только деревенскихъ дураковъ; да и *безпримѣрно*: *ужесть, какъ славно ты ихъ развернулъ*, въ 5 листѣ твоего Живописца. Ты *уморилъ* меня: точь въ точь *выказалъ* ты дражайшаго моего *папашена*. Какой это несносный человекъ! *Ужесть, радость, какъ онъ неловокъ въдланъ*: какой грубіянь! Онъ со мною хотѣлъ поступать также, какъ съ мужиками; но я ему показала, что я не животное, какъ его крестьяне. То-то были люди! съ матушкою моею онъ обходился по старинѣ. Ласкательства его къ ней были брань, пощечины и палка; но она и подлинно была того достойна: съ эдакимъ звѣремъ жила сорокъ лѣтъ и не умѣла *ретироваться*²⁾ въ свѣтъ. Бывало, онъ *сдѣлаетъ ей грубость палкою*, а она опять въ глаза ему лѣзетъ: *безпримѣрные люди!* такихъ горячихъ сунруговъ и въ *романахъ* не скоро *набѣжишь*. *Ужесть, какъ славны!* *Суди, душа моя*, поэтому, въ какой была я школъ: было чему научиться! По счастью, скоро выдала меня замужъ: я *пріѣхала въ Петербургъ: подвинулась въ свѣтъ, разняла глаза и выкинула весь тотъ изъ головы вздоръ*, который посадили мнѣ мои родители; поправила *опрокинутое мое понятіе*, научилась говорить, познакомилась со *Щеголями и Щегольями* и сдѣлалась человекомъ. Но я *никакъ* не ушла отъ бѣды: мужъ мой *въ умъ очень развязанъ*, да это бы и ничего—чѣмъ глупѣе мужъ, тѣмъ лучше для жены; но вотъ что меня *терзаетъ до невозможности*: онъ *влюбленъ въ меня*

¹⁾ Укорялъ обиняками, намеками.

²⁾ Удалиться.

до дурачества, а къ тому жъ еще и ревнивъ. Фуй! какъ это не ловко: мужъ *растрепанъ* отъ жены; это, *радость, гадко!* О еслибъ не помогло мнѣ разумное нынѣшнее обхожденіе, то давно бы я *протянулась*. Сказать ли, чѣмъ я *отвязываюсь* отъ этого несноснаго человѣка? Одними обмороками. — Не удивляйся, я тебѣ это растолкую: какъ привяжется онъ ко мнѣ со своими *декларасіонами*¹⁾ и клятвами, что онъ отъ любви ко мнѣ сходитъ съ ума, то я сперва говорю ему: *отцпись*; но онъ *никакъ* не отстаеетъ; послѣ этого *резонирую*²⁾, что стыдно и глупо быть мужу влюблену въ свою жену; но онъ *никакъ* не вѣритъ: и такъ остается мнѣ одно средство — упасть въ обморокъ. Тогда суется онъ по всѣмъ угламъ, старается помогать мнѣ, а я тихонько смѣюсь: *ужасно*, какъ *безпримѣрно* много помогаютъ мнѣ обмороки: божусь! тѣмъ только и живу. *Шутки прочь*, помоги мнѣ: ты знаешь, *радость*, что отъ этого можно тотчасъ получить *ипохондрію*. Пожалуй, *не задержись* съ отвѣтомъ; я на тебя *опущаюсь*, и буду ожидать его съ *безпримѣрнымъ нетерпѣніемъ*. Прости, *радость!*

Р. С. Услужи, *радость*, мнѣ, собери всѣ наши модныя слова и напечатай ихъ особливою книжкою, подъ именемъ *Моднаго Женскаго Словаря*: ты многихъ одолжишь, и мы твой журналъ за это будемъ превозносить. Только не *умори, радость*, напечатай его маленькой книжкою, и *дай ему видъ*; а еще бы лучше, если бы ты напечаталъ его, вмѣсто чернилъ, какою краскою. Мы бы тебя *до смерти захвалили*.

VII.

Письмо къ Издателю.

Государь мой! Послѣ дѣда моего нашель я записки, изъ которыхъ сообщаю къ вамъ маленькую выпись: и если она

¹⁾ Объясненіями.

²⁾ Разсуждаю.

внесена будетъ въ ваши листы, то продолжу по временамъ присылать; а если не внесете, то за излишние почитаю да-лѣе симъ васъ утруждать. Что предаю на ваше благоразсужденіе.

Въ порочныхъ сердцахъ любовь порокомъ обращается; напротивъ того, въ добродѣтельныхъ душахъ сія страсть перерождается въ добродѣтель. Человѣкъ, не имѣющій постоянства, счастливымъ надолго быть не можетъ. Скажи дочери своей, чтобъ она научилась быть чистоплотною прежде, нежели примется за щегольство. Не смѣйся пороку ближняго, пока не испытаешь себя, не имѣешь ли самъ его; въ противномъ случаѣ, самъ смѣшонъ будешь. Скажи мнѣ, съ кѣмъ обходишься—я скажу тогда, каковъ ты. Не смѣйся громко при людяхъ, коимъ ты долженъ оказывать почтеніе. Не становись задомъ, молодой человѣкъ, предъ тѣми, кои выше тебя чиномъ и старѣе тебя лѣтами. Имѣй къ людямъ уваженіе, если уважаемъ быть хочешь. Не пропускай мимо ушей правилъ, по коимъ устроить можешь свое поведеніе, но размышляй объ нихъ; авось либо и тебѣ они пригодятся. Что ни предпримешь, старайся достигнуть въ томъ до нѣкотораго искусства по крайней мѣрѣ. Праздность—мать всѣмъ порокамъ. Скука — первородная дочь праздности. Лѣность, трусость и нерѣшимость ни къ чему въ свѣтѣ не годятся. Храбрость, терпѣніе и великодушіе все въ свѣтѣ преодолѣваютъ. Ложь всякая оказываетъ подлость души лгуна. Не толкуй въ худую сторону словъ беззлобныхъ. Не толкуй сыну о родѣ его; говори ему о добродѣтеляхъ, безъ которыхъ унизитъ онъ свое рожденіе. Молодой человѣкъ, не слушающійся своихъ начальниковъ, никогда не научится повелѣвать съ разумомъ. Гдѣ точности нѣтъ, тутъ нѣтъ и исполненія. Жалка подъ старость всякая красавица, которая вѣкъ свой ни о чемъ иномъ не размышляла, какъ о красотѣ своей; сія подруга обманчива; другъ ее покинетъ; свѣтъ ей покажется пусть тогда; она была самдругъ, а останется одна съ пустою головою передъ зеркаломъ, въ которомъ уже от-

рады нѣтъ: грустно. Не принимай съ сердцемъ, что въ шутки говорено. Самая лучшая участь для женщины есть честь. Если женщина желаетъ быть въ почтеніи, то должна она умѣрять свои желанія, любить своихъ родителей и жить въ добромъ согласіи съ мужемъ и его роднею. Чѣмъ болѣе споришь съ дуракомъ, тѣмъ болѣе открываешь его дурачество. Если ты невиненъ, то защищай смѣло свою невинность. Если ты виноватъ, то винись скорѣе: упрямствомъ умножишь и вины и бѣды. Чѣмъ богатѣе за женою приданое берешь, тѣмъ болѣе увеличиваешь иго свое. Чтобъ дѣла твои шли съ успѣхомъ, надобно, чтобы ты объ нихъ свѣдомъ былъ. Тотъ, кто въ праздникъ все пропѣетъ, долженъ на завтра поститься. Человѣкъ никогда лучше, какъ по потерѣ, не узнаетъ цѣны того, что онъ имѣлъ. Если не хочешь, чтобъ пороки твои пересчитываны были, то не заставь никого ждать себя: тѣ, кои ждуть, всегда перебираютъ пороки тѣхъ, коихъ долго ожидаютъ.

VIII.

Англійская Прогулка.

Прогуливаясь третьяго дни по берегу, встрѣтился я съ однимъ изъ тѣхъ почтенныхъ человѣковъ, которые превосходительство поставляютъ не въ пышности названія, но въ добротѣ сердца. Сей господинъ, съ обыкновенною своею учтивостью и ласкою, свойственною только добродѣтельнымъ людямъ, подошедъ, поздравлялъ меня съ хорошимъ успѣхомъ „Живописцовыхъ“ листовъ, увѣряя при томъ, что они заслужили благоволеніе многихъ почтенныхъ особъ. Я началъ было благодарить его за сіе для меня пріятное извѣстіе, но онъ, прервавъ мои слова, спрашивалъ, для чего я не издаю продолженія путешествія И*** Т.*** „Безъ сомнѣнія дошли до васъ, говорилъ онъ, толки, симъ листочкомъ произведенные: но вы не должны о томъ беспокоиться. Правда, что многіе наши братья-дворяне пятимъ вашимъ листомъ недо-

вольны, однакожь вѣдайте и то, что многіе за оный же листъ и похваляютъ васъ. На всѣхъ никто угодить не можетъ, такъ старайтесь по крайней мѣрѣ угождать тѣмъ, которые въ своихъ требованіяхъ справедливѣе другихъ. Впрочемъ, я совсѣмъ не понимаю, продолжалъ онъ, почему нѣкоторые думаютъ, что будто сей листокъ огорчаетъ цѣлый дворянскій корпусъ. Тутъ описанъ помѣщикъ, не имѣющій ни здраваго разсужденія, ни любви къ человѣчеству, ни сожалѣнія къ подобнымъ себѣ; и слѣдовательно описанъ дворянинъ, власть свою и преимущество дворянское во зло употребляющій ¹⁾.

Кто не согласится, что есть дворяне, подобные описанному вами? Кто посмѣетъ утверждать, что сіе злоупотребленіе не достойно осмѣянія? И кто скажетъ, что худое раченіе помѣщиковъ о крестьянахъ не наноситъ вреда всему государству? Пусть вникнутъ въ сіе здравымъ разсужденіемъ: тогда увидятъ, отчего останавливаются и приходятъ въ недоимку государственные поборы? Отчего происходитъ то, что крестьяне наши бываютъ бѣдны? Отчего у худыхъ помѣщиковъ и у крестьянъ ихъ частые бываютъ неурожай хлѣба? ²⁾.

„Не все ли сіе происходитъ отъ употребленія во зло преимущества дворянскаго? Когда жъ неуроженію сему причиною худые дворяне, то не достойны ли они справедливаго порицанія? Пусть скажутъ господа критики, кто больше оскорбляетъ почтенный дворянскій корпусъ, я еще важнѣе скажу, кто дѣлаетъ стыдъ человѣчеству: дворяне ли, преимущество свое во зло употребляющіе, или ваша на нихъ сатира? И такъ вѣрьте, примолвилъ онъ, что такія ваши сатиры не только что не огорчаютъ дворянъ, украшенныхъ добро-

¹⁾ Тутъ слѣдовали многія другія упреканія, относящіяся къ худымъ помѣщикамъ, но я ихъ исключилъ, опасаясь навлечь на себя сугубое негодованіе.

²⁾ Я и тутъ многое выключилъ для сказанныхъ мною причинъ въ первомъ примѣчаніи.

дѣтелю и знающихъ человѣчество, но паче еще и превозносятъ ихъ. Правда, что въ числѣ вашихъ критиковъ были и такіе, которые порицали васъ, будучи побуждаемы слѣпымъ пристраціемъ ко преимуществу дворянскому: но коль чудно и странно сіе пристраціе! Какъ? Защищать упорно такое преимущество, которымъ сами они, и всѣ честные и добросердечные дворяне никогда не пользуются?... Я знаю еще недовольныхъ вашимъ листкомъ; но неудовольствіе сихъ людей достойно того, чтобы вы имѣли къ нимъ почтеніе: ибо они, не вѣдая вашей цѣли, никакого не могли по началу сдѣлать правильнаго заключенія; и потому изъ любви ко ближнему болѣе сожалѣли, нежели оуждали, что вы не съ той стороны принялись за сію сатиру. Напротивъ того, бранили васъ надменные дворянствомъ люди, которые думаютъ, что дворяне ничего не дѣлаютъ неблагороднаго, что подлости одной свойственно утопать въ порокахъ; и что, наконецъ, хотя нѣкоторые дворяне и имѣютъ слабость забывать честь и человѣчество, однакожъ, будто они, яко благородные люди, отъ порицанія всегда должны быть свободны. Сии гордые люди утверждаютъ, что будто точно сказано о крестьянахъ: „накажу ихъ жезломъ беззаконія“. И подлинно они часто наказываютъ беззаконіемъ.

„Мы привыкли, продолжалъ онъ, перенимать съ жадностію все отъ иностранныхъ, но по несчастію нашему, по часту перенимаемъ только пороки ихъ; напримѣръ, когда были у насъ въ модѣ французы, то отъ обхожденія съ ними остались у насъ легковѣрность, непостоянство, вертопрашество, вольность въ обхожденіи, превосходящая границы, благоразуміемъ учрежденныя, и многіе другіе пороки. Французовъ смѣнили англичане: вынѣ женщины и мужчины взапуски стараются перенимать что нибудь отъ англичанъ: все англійское кажется намъ теперь хорошо, прелестно, и все насъ восхищаетъ. И мы, по счастію, столь пристрастны къ чужестранному, что и самые пороки ихъ нерѣдко почитаемъ добродѣтелю. Французскую наглость называли мы благородною

вольностью, а нынѣ англійскую грубость именуемъ благородною великостью духа. Я говорю это, продолжалъ онъ, не въ поношеніе обоихъ сихъ народовъ: ибо всякъ вѣдаетъ, что французы и англичане весьма много имѣютъ добраго; но говорю единственно въ доказательство пристрастнаго нашего къ иностраннымъ порокамъ прилѣпленія. Кто захочетъ въ истинѣ сего мнѣнія удостовѣриться, тотъ пусть пооглядится; я увѣренъ, что онъ много найдетъ сему подобнаго.

Нѣкоторые изъ насъ удивлялися шатавшимся провинціальнымъ англійскимъ актерамъ, а своихъ имѣемъ, которые равняются съ наилучшими англійскими актерами и актрисами, но однакожь они намъ не удивительны, потому что они русскіе*.

IX.

Письмо уѣзднаго дворянина къ его сыну.

Сыну нашему Оалалею Трифоновичу отъ отца твоего Трифона Панкратьевича, и отъ матери твоей Акулины Сидоровны, и отъ сестрицы твоей Варюшки—низкій поклонъ и великое челобитіе.

Пиши къ намъ про свое здоровье: таки такъ ли ты проживаешь, ходишь ли въ церковь, молишься ли Богу, и не потерялъ ли ты святцевъ, которыми я тебя благословилъ? Береги ихъ; вѣдь это не шутка: меня ими благословилъ покойникъ дѣдушка, а его—отецъ духовный, Ильинскій батька. Онъ былъ боленъ черною немочью и по обѣщанію ѣздилъ въ Кіевъ: его Богъ помиловалъ, и кіевскіе чудотворцы помогли; и онъ оттуда привезъ этотъ канунникъ и благословилъ дѣдушку, а онъ его—возомъ муки, двумя тушами свинными, да стягомъ говяжьимъ. Не тѣмъ-то покойникъ, свѣтъ, будь помянуть! Онъ ничего своего даромъ не давалъ: дѣдушкины-то, свѣтъ, грѣхи дорогоньки становились. Кабы онъ,

покойникъ, поменьше съ попами водился, такъ бы и намъ побольше оставилъ. Домъ его былъ, какъ полная чаша, да и тутъ процѣдила. Вѣдь и нашъ батька Иванъ: кабы да я не таковъ былъ, такъ онъ бы готовъ хоть кожу содрать! то-то поповскіе завидливые глаза: прости, Господи, мое согрѣшеніе! А ты, Фалалеюшка, съ попами знайся, да берегись; ихъ молитва до Бога доходна, да убыточна... Какъ отпоетъ молебень, такъ можно ему поднести чарку вина, да дать ему шесть денегъ, такъ онъ и доволенъ. Чего-жъ ему больше: прости Господи, вѣдь не рожна? Да полно нынче и винцо то въ сапогахъ ходитъ: экое времячко; вотъ до чего дожили, что и вина своего нельзя привезть въ городъ; пей де вино государево съ кружала, да дѣлай прибыль откупщикамъ. Вотъ какое разсужденіе! А говорятъ, что все хорошо дѣлаютъ; поэтому скоро и изъ своей муки нельзя будетъ испечь пирога. Да что ужъ и говорить, житье то наше дворянское нынѣче стало очень худенько. Сказываютъ, что дворянамъ дана вольность: да чортъ ли это слухалъ, прости Господи, какая вольность, а ничего не можно своею волею сдѣлать; нельзя у сосѣда и земли отнять: въ старину-то было намъ больше вольности, бывало, отхватишь у сосѣда земли цѣлое поле, такъ ходи же онъ, да проси, такъ еще десять полей потеряеть; а вина, бывало, кури, сколько хочешь, про себя сколько надобно, да и продашь на сотню мѣста. Коли воевода пріятель, такъ кури смѣло въ его голову: то-то была воля-то! Нынче и денегъ отдавать въ проценты нельзя: больше шести рублей брать не велятъ, а бывало, такъ брали на сто и по двадцати по пяти рублей. Нѣтъ-ста, кто что ни говори, а старая воля лучшей новой. Нынче только и воли, что можно вытнть изъ службы, да поѣхать за море; а не слыхать, что тамъ дѣлать: хлѣба-тъ мы и здѣсь ѣдимъ, да таковожъ живемъ. А изъ службы тогда хотъ и не вольно было вытнть, такъ были на это лѣкари: отнесешь ему барашка въ бумажкѣ, да судѣ другого, такъ и отставятъ за болѣзнями. Да ужъ бывало, какъ пріѣдешь въ деревню-та,

такъ это наверстаешь: былъ бы только умъ, да зналъ бы приказныя дѣла, такъ сосѣди и не куркай. То-то было житье: ты, Оалалеюшка, не zapomнишь этого. Сестра твоя, Варя, посажена за грамоту: батько Иванъ самъ ей началъ азбуку въ ея именины; ей минуло пятнадцать лѣтъ; пора, другъ мой, и объ этомъ подумать; вѣдь ужъ скоро и женихи стануть свататься; а безъ грамоты замужъ ее выдать не годится: и указа самой прочесть нельзя. Отпиши, Оалалеюшка, что у васъ въ Питерѣ дѣлается: сказываютъ, что великія затѣи. Колокольню строятъ и хотятъ сдѣлать выше Ивана Великаго; статешное ли это дѣло? То дѣлалось по благословенію патриаршему, а имъ какъ это сдѣлать! Вѣрата тогда была покрѣпче: во всемъ, другъ мой, надѣялись на Бога, а нонче она пошатнулась, по постамъ ѣдятъ мясо, и хотятъ сами все сдѣлать; а все это проклятая некрестъ дѣлаетъ: отъ нѣмцевъ житья нѣтъ! Какъ поводимся съ ними еще, такъ и намъ съ ними быть въ адѣ. Пожалуйста, Оалалеюшка, не погуби себя, не заводи съ ними знакомства: провалились они, проклятыя! Нынче и за море ѣздить не за-прещаютъ, а въ Кормчей Книгѣ ¹⁾ положено за это проклятіе. Нынче все ничего; и коляски пошли съ дышлами, а и за это также положено проклятіе; нельзя только взятки брать, да проценты выше указныхъ. Это имъ пуще пересола; а объ этомъ въ Кормчей Книгѣ ничего и не написано: на моей душѣ проклятія не будетъ: я и по сю пору ѣзжу въ зеленой своей коляскѣ съ оглоблями. Меня отрѣшили отъ дѣлъ за взятки; процентовъ большихъ не бери, такъ отчего же и разбогатѣть? Вѣдь не всякому Богъ дастъ кладъ; а съ мужиковъ ты хоть кожу сдери, такъ немного прибили. Я, кажется, таки и такъ не плошаю, да что ты изволишь сдѣлать: пять дней ходятъ они на мою работу, да много ли въ

¹⁾ Такъ назывались сборники церковнаго права, которыми руководилась русская церковь въ своей дѣятельности до 1839 г., когда вышла составленная св. Синодомъ „Книга правилъ“.

пять дней сдѣлають? Сѣку ихъ нещадно, а все прибыли
 нѣтъ, годъ отъ году все больше мужики нищаютъ: Господь на
 насъ прогнѣвался; право, Фалалеюшка, и ума не приложу,
 что съ ними дѣлать. Приѣхалъ къ намъ сосѣдъ Брюжжаловъ
 и привезъ съ собою какіе-то печатные листочки и, будучи
 у меня, читалъ ихъ. Что это у васъ, Фалалеюшка, дѣлается,
 никакъ съ ума сошли всѣ дворяне? Чего они смотрять? Да
 я бы ему, проклятому, и ребра живаго не оставилъ. Что за
 Живописецъ такой у васъ появился? какойнибудь нѣмецъ,
 а православный этого не написалъ бы. Говорить, что помѣ-
 щики мучатъ крестьянъ, и называетъ ихъ тиранами, а того,
 проклятый, и не знаетъ, что въ старину тираны бывали не
 крещенные, и мучили святыхъ: посмотри самъ въ Четь-Ми-
 неи ¹⁾; а наши мужики вѣдь не святые: какже намъ быть
 тиранами? Нынѣче же это и ремесло не въ модѣ: скорѣе въ
 воеводы добьешься... Да полно, это не наше дѣло. Изволить
 умничать, что мужики бѣдны. Эдакая бѣда: неужто хочеть
 онъ, чтобы мужики богатѣли, а мы бы, дворяне, скудѣли?
 Да этого и Господь не приказалъ: комунибудь одному бо-
 гатому быть надобно, либо помѣщику, либо крестьянину:
 вѣдь не всѣмъ старцамъ въ игумнахъ быть. И во Святомъ
 Писаніи сказано: „Другъ другу тяготы носите и тако испол-
 ните законъ Христовъ;“ они на насъ работаютъ, а мы ихъ
 сѣчемъ, ежели станутъ лѣниться; такъ мы и равны—да на
 что они крестьяне; его такое и дѣло, что работай безъ от-
 дыху. Дайка имъ волю, такъ они и не вѣсть что затѣють.
 Вотъ те на, до чего дожили! Только я на это смотрѣть не
 буду; ври себѣ онъ, что хочеть, а я знаю, что съ му-
 жиками дѣлать ²⁾

¹⁾ Четьи-минеи—житія святыхъ по мѣсяцамъ, въ порядкѣ празднованія
 церковью ихъ памяти, сборникъ, первоначально составленный митрополи-
 томъ Макаріемъ въ XVI ст.

²⁾ Я вѣчто выключилъ изъ сего письма: такія мнѣнія оскорбляютъ че-
 ловѣчество.

О коли бы опъ здѣсь былъ! то-то бы потѣшилъ свой животъ: всѣ бы кости у него сдѣлалъ, какъ въ мѣшкѣ. Что и говорить, дали волю: тутъ, не бось, не видятъ, а знатные господа молчатъ; кабы я былъ большимъ бояриномъ, такъ управилъ бы его въ Сибирь. Эдакіе люди за себя не вступятся! Вѣдь и бояре съ мужиками-та своими поступаютъ не понѣмецки, а все-таки также по-русски. И ихъ крестьяне не богатѣе нашихъ. Да что ужъ и говорить! И они свихнулись. Не далеко отъ меня деревня Григорія Григорьевича Орлова; такъ знаешь ли, почему онъ съ нихъ беретъ? стыдно и сказать: по полтора рубли съ души, а угодевь-то сколько! И мужики какіе богатые! Живутъ себѣ, да и гадки не маюотъ, богатѣе иного дворянина; ну, а ты разсуди самъ, что отъ этого прибыли, что мужики богаты; кабы перетаскалъ въ свой карманъ, такъ бы это получше было: эдакій умъ! То-то, Фалалеюшка, не къ рукамъ эдакое добро досталось. Кабы эта деревня была моя, такъ бы я по тридцати рублей съ нихъ бралъ, да и тутъ бы ихъ въ міръ еще не пустилъ; только что мужиковъ балуютъ. Эхъ! перевелись-ста старые наши большіе бояре! То-то были люди: не только что со своихъ, да и съ чужихъ кожи драли. То-то пожили да по царствовали, какъ сыръ въ маслѣ катались: и царское, и дворянское, и купеческое, все было ихъ; у всѣхъ, кромѣ Бога, отнимали... А нынѣшніе господа что за люди! И себѣ добра не хотятъ. Что ужъ и говорить: все пошло на нѣмецкій манеръ. Нутка, Фалалеюшка, вздумай, да взгадай, да поди въ отставку: полно, другъ мой, вѣдь ты уже послужилъ, лбомъ стѣну не проломишь; а коли не то, то хоть въ отпускъ приѣзжай. Скосыръ твой живъ и Налетка; мать твоя бережетъ ихъ пуще своего глаза; намнясь, Налетку укусила было бѣшеная собака; да спасибо, скоро захватили, ворожея заговорила. Ну, да полно, и было за это людямъ. Сидоровна твоя всѣмъ кожу спустила: то-то проказница; я за то ее и люблю, что ужъ коли примется сѣчь, такъ отдѣляетъ, перемѣнъ двѣнадцать подадутъ: попросить, небось, воды со льдомъ; да

это нѣтъ ничего, лучше смотреть. Засимъ писавый кланяюсь. Отецъ твой Трифонъ, благословеніе тебѣ посылаю.

Х.

Второе письмо къ Фалалею.

Такъ-то ты считаешь отца твоего, заслуженнаго и почтеннаго драгунскаго ротмистра? Тому ли я тебя, проклятаго, училъ, и того ли отъ тебя надѣялся, что-бы ты на старости отдалъ меня на посмѣшище цѣлому городу? Я писалъ къ тебѣ, окаянному, въ наставленіе, а ты это письмо отдай напечатать. Погубилъ ты, супостатъ, мою головушку: пришло съ ума сойти! Слыханое ли это дѣло, чтобы дѣти надъ отцами своими такъ ругались! Да знаешь ли ты это, что я тебя за непочтеніе къ родителямъ, въ силу указовъ, велю высѣчь кнутомъ? Меня Богъ и государь тѣмъ пожаловали: я воленъ и надъ животомъ твоимъ; видно, что ты это позабылъ! Кажется, я тебѣ много разъ толковалъ, что ежели отецъ или мать сына своего и до смерти убьетъ, такъ и за это положено только церковное покаяніе. Эй, сынокъ, спохватись! не сыграй надъ собою шутки: вѣдь недалеко великій постъ, попоститься мнѣ немудрено; Петербургъ не за горами, я и самъ могу къ тебѣ приѣхать. Ну, сынъ, я теперь тебя въ послѣдній разъ прощаю, но просьбѣ твоей матери; а ежели бы не она, такъ ужъ бы я далъ тебѣ знать себя. Я бы и ее не послушался, ежели бы она не была больна при смерти. Только смотри, впредь берегись: вѣдь ежели ты окажешь еще какое ко мнѣ непочтеніе, такъ ужъ не жди никакой пощады; я не Сидоровнѣ чета; у меня не одинъ мѣсяцъ проохаешь, лишъ бы только мнѣ до тебя добраться. Слушай же, сынокъ, коли ты хочешь опять прийти ко мнѣ въ милость, такъ просись въ отставку, да приѣзжай ко мнѣ въ деревню. Есть кому и безъ тебя служить: пускай кабы не было войны, такъ бы хотъ и послужить можно было, это бы свое дѣло; а то вѣдь ты знаешь, что нынче

время военное; неровно какъ пошлютъ въ армію, такъ пропадешь ни за копѣйку. Есть пословица: Богу молись, а самъ не плошись; уберись-ка въ сторовку, такъ это здоровѣе будетъ. Поди въ отставку, да пріѣзжай домой: ѣшь до сыта, спи, сколько хочешь, а дѣла за тобой никакого не будетъ. Чего тебѣ лучше этого? За честию, свѣтъ, не уговяешься; честь! честь! худая честь, коли нечего будетъ ѣсть! Пусть у тебя не будетъ Егорья, да будешь ты за то поздоровѣе всѣхъ Егорьевскихъ кавалеровъ. Съ Егорьемъ-то и молодые люди частехонько поохиваютъ, а которые постарѣе, такъ тѣ чуть дышутъ: у кого руки перестрѣляны, у кого ноги, у иного голова; такъ радостно ли отцамъ смотрѣть на дѣтей изуродованныхъ? и невѣста ни одна не пойдетъ. А я тебѣ уже и пріискалъ было невѣсту. Дѣвушка небогая, грамотѣ и писать умѣетъ, а пуще всего великая экономка; у нея ни сивій порошокъ даромъ не пропадетъ, такую-то, сынокъ, я тебѣ невѣсту сыскалъ. Дай только Богъ вамъ совѣтъ да любовь, да чтобы тебя отпустили въ отставку. Пріѣзжай, другъ мой: тебѣ будетъ чѣмъ жить, oprичъ невѣстина приданаго, я накопилъ довольно. Я и позабылъ было тебѣ сказать, что нареченная твоя невѣста двоюродная племянница нашему воеводѣ; вѣдь это, другъ мой, не шутка: всѣ наши спорныя дѣла будутъ рѣшены въ нашу пользу, и мы съ тобою у иныхъ сосѣдей землю обрѣжемъ по самья гумна: то-то любо! и курицы некуда будетъ выпустить. Со всѣмъ будемъ ѣздить въ городъ: то-то, Фалалешка, будетъ намъ житье! никто не куркай. Да полно, что тебя учить, ты вѣдь уже не малый робенокъ, пора своимъ умкомъ жить. Ты видишь, что я тебѣ не лиходѣй, учу всегда доброму, какъ бы тебѣ жить было попригоднѣе. Да и дядя твой, Ермолай, чуть тако не то-же ли тебѣ совѣтуетъ; онъ хотѣлъ писать къ тебѣ съ тѣмъ же ѣздокомъ. Мы съ нимъ объ этомъ поговорили довольно, сидя подъ любимымъ твоимъ дубомъ, гдѣ, бывало, ты въ молодыхъ лѣтахъ забавлялся: вѣшивалъ собакъ на сучьяхъ, которыя худо гоняли за зайцами, и сѣ-

каль охотниковъ за то, когда собаки ихъ перегоняли твоихъ. Куда какой ты былъ проказникъ съ молоду! Какъ, бывало, примешься пороть людей, такъ пойдетъ крикъ такой и хлопанье, какъ будто за уголовное въ застѣнкѣ съкуютъ: таки, бывало, животики надорвемъ со смѣха. Молись, другъ мой, Богу! ума у тебя довольно: можно вѣкъ прожить. Не испугайся, Фалалешка: у насъ нездорово, мать твоя, Акулина Сидоровна, лежитъ при смерти. Батько Иванъ исповѣдалъ ее и масломъ особоровалъ. А занемогла она, другъ мой, отъ твоей охоты: Налетку твою кто-то съѣздилъ полѣномъ и перешибъ крестецъ; такъ она, голубушка моя, какъ услышала, такъ и свѣту божьева не взвидѣла: такъ и повалилась! А послѣ какъ опомнилась, то пошла это дѣло разыскивать; и такъ надсадила себя, что чуть жива пришла, и повалилась на постелю; да ктому же выпила студеной воды цѣлый жбанъ, такъ и присунулась къ ней огневица. Худа, другъ мой, мать твоя, очень худа! на ладонь дышетъ: я того и жду, какъ сошлетъ Богъ по душу. Знать, что, Фалалешко, разставаться мнѣ съ женою, а тебѣ и съ матерью и съ Налеткою; и она не лучше матери. Тебѣ, другъ мой, все таки легче моего: Налеткины щенята, слава Богу! живы: авось таки которой нибудь удастся, по матери; а мнѣ ужъ эдакой жены не нажить! Охти мнѣ, пропала моя головушка! гдѣ мнѣ за всѣмъ одному усмотрѣть! Не сокруши ты меня, пріѣзжай, да женись, такъ хоть бы тѣмъ я порадовался, что у меня была бы невѣстка. Тошно, Фалалешко, съ женою разставаться: я было ужъ къ ней привыкъ, тридцать лѣтъ жили вмѣстѣ: какъ у печки погрѣлся! Виновать я передъ нею: много побита она отъ меня на своемъ вѣку; ну, да какъ безъ этого: живучи столько вмѣстѣ, и горшокъ съ горшкомъ столкнется; какъ безъ того! я крутъ больно, а она неуступчива, такъ, бывало, хоть маленько, такъ тотчасъ и дойдетъ до драки. Спасибо хоть за то, что она отходчива была. Учись, сынокъ, какъ жить съ женою; мы хоть и дирались съ нею, да все таки живемъ вмѣстѣ;

и мнѣ ее теперь, право, жаль. Худо, другъ мой, и ворожен не помогаютъ твоей матери; много ихъ приводили, да пути нѣтъ, лишь только деньги пропали. За симъ писавый кланяюсь, отецъ твой Трифонъ, благословеніе тебѣ посылаю.

XI.

Письмо къ Фалалею отъ дяди.

Любезному племяннику моему, Фалалею Трифоновичу, отъ дяди твоего, Ермолая Терентьевича, низкій поклонъ и великое челобитье; и при семъ желаю тебѣ многолѣтнаго здравія и всякаго благополучія на множество лѣтъ, отъ Адама и до сего дне.

Было бы тебѣ вѣстно, что мы по отпуску сего письма всѣ, слава Богу, живы и здоровы; такожь и отецъ твой Трифонъ Панкратьевичъ здравствуетъ же, только Сидоровна, хозяйка его, а твоя мать, больно трудна: что подынешь, то и есть, а сама ни на волосъ не поворохнется. Вчерась отнялись у нея руки и ноги, а теперь, чай, ужъ и не говорить; и при мнѣ-та такъ ужъ черезъ мочь только намекала. Она заочно благословила тебя твоимъ Ангеломъ, да Фарсульской Богородицей, а меня Неопалимой. Ну, братъ племянникъ, мать-то твоя и передъ смертью не тароватѣе стала! Оставила на поминъ душѣ такой образъ, что и полтора рубля окладу не наберется. Невидальщина какая! У меня образовъ-та и своихъ есть сотня мѣста, да не эдакихъ: какъ жаръ вызолочены. А эта, братъ, Неопалима, подлинно что не опалить, и окладишко весь почернѣлъ: Богъ съ нею! Спасибо за то, что она въ полномъ умѣ исповѣдалась и масломъ особоровалась; хоть и умереть, такъ ужъ по христіански. Дай Богъ всякому такую ковчину! Да и тутъ, Фалалеюшка, кабы не я, такъ бы развѣ глухою исповѣдью исповѣдывать. Ужъ я ей говорилъ: „эй, Сидоровна, исповѣдайся: вѣдь уже ты въ гробъ глядишь; такъ нѣтъ-ста, насилу пробили“. А какъ приспичило, такъ давай,

давай попа, да ужъ за то въ одинъ день трижды исповѣдалась. Знать, что у нея многонько грѣшковъ-то скопилось. Приводили и ворожей: ничего, спасибо твоему отцу, не поскунился; да ничего не помогли. А послѣ исповѣди привели было еще одного, да ужъ и Сидоровна сама не захотѣла напрасно тратить деньги. Кому жить, Фалалейшкко, такъ будетъ притоманно живъ, а кому умереть, тому и ворожеи не пособятъ. Животомъ и смертью Богъ владѣетъ. Аще ежели Ему угодно будетъ прекратить дни ея, то прїѣзжай погребсти грѣшное тѣло ея. Да и кромѣ того, намъ до тебя есть дѣло.—Ну, Фалалейшка! вѣдь матушка твоя скончалась; поминай, какъ звали. Я только теперъ получилъ объ этомъ извѣстіе: отецъ твой, сказываютъ, воетъ, какъ корова. У насъ всегда бываетъ такъ: которая корова умерла, такъ та и къ удою была добра. Какъ Сидоровна была жива, такъ отецъ твой бивалъ ее, какъ свинью, а какъ умерла, такъ плачетъ, какъ будто по любимой лошади. Прїѣзжай, другъ мой, Фалалейшка, прїѣзжай, Бога ради, поскорѣе, хоть не на долго, а буде можно—такъ и вовсе. Ты самъ увидишь, что тебѣ дома жить будетъ веселѣе Петербургскаго. А буде не угодно, то хоша туда просись, куда я тебѣ присовѣтую, сирѣчь къ приказнымъ дѣламъ, да только гдѣ похлѣбнѣе, наприкладъ, въ экономическіе казначеи, или въ управители дворцовыхъ волостей, или куда нибудь къ подряднымъ, либо таможеннымъ дѣламъ. Въ такихъ мѣстахъ кому ни удалось побыть, такъ всѣ, Богъ съ ними, сытехоньки стали. Иной уже теперъ и въ каменныхъ палатахъ живетъ, а которые ни одной души за собою не имѣли, тѣ уже нажили сотни и по двѣ-три. Не въ пронось сказать о нашемъ Авдулѣ Еремѣевичѣ: хотя онъ недолго пожилъ при монастырскихъ крестьянахъ, да уже всѣхъ дочекъ выдалъ замужъ. За одной, я слышалъ, чистыми денежками десять тысячъ далъ, да деревню тысячъ въ пять. А не совсѣмъ таки раззорился: Богъ съ нимъ, про себя еще осталось. А кабы да его не смѣнили, такъ бы онъ и гораздо понагрѣлъ руки около ны-

нѣшнихъ рекрутскихъ наборовъ. Знать, что тѣхъ молитва дошла до Бога, которые въ эту пору опредѣлились. Не жите имъ, масляница. Я бы-ста и самъ непобрезгиваль пойти въ эдакіе управители. Перепало бы кое-что и мнѣ въ карманъ: кресты да перстни, все тѣ-же деньги, только умѣй концы хоронить. Я и повинѣ еще все старенькимъ живу. Кто передъ Богомъ не грѣшенъ? кто передъ царемъ не виновать? не нами свѣтъ начался, не нами и окончается. Что въ людяхъ ведется, то и насъ не минется. Лишь только подѣлись, Оалалеюшка, такъ и концы въ воду. Неужто всѣхъ станутъ вѣшать? въ чемъ кто попадетя, тотъ тѣмъ и спасется. Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ! Я и самъ попался было однажды подъ судъ; однако дѣло-то пошло иною дорогою, и я очистился, какъ будто ни въ чемъ не бываль. Но кабы ты самъ сюда пріѣхаль, такъ мы бы обо всемъ поговорили лучше на словахъ; а писать-то страховато, неровно кому попадетя въ руки, такъ напляшешся до сыта. При семъ во ожиданіи тебя, остаюсь дядя твой

Ермолай ***

ХІІ.

Письмо къ издателю.

На прошедшей недѣлѣ, получилъ я съ почтоваго двора письмо слѣдующаго содержанія:

Слунай-ка, братъ Живописецъ! на шутку, что ли, я тебѣ достался? Не на такого ты наскочилъ. Развѣ ты еще не знаешь приказныхъ? такъ отвѣдай, потягайся. Вѣдомо тебѣ буди, что я передъ Владимірской поклялся, и снялъ ее, Матушку, со стѣны въ томъ, что какъ скоро пріѣду я въ Петербургъ, то подамъ на тебя челобитье въ безчестьѣ. Знаешь ли ты, молокосось, что я имѣю патентъ, которымъ повелѣвается признавать меня и почитать за добраго, вѣрнаго и честнаго титулярнаго совѣтника; вѣдаешь ли ты, что

и въ *подлости* ¹⁾ есть присловица: „не пойманъ—не воръ“. А ты, забывъ законы духовные, воинскіе и гражданскіе, осмѣлился назвать меня яко бы воромъ. Чѣмъ ты это докажешь? Я хотя и отрѣшенъ отъ дѣлъ, однакожь не за воровство, а за взятки; а взятки ничто иное, какъ акциденція. Воръ тотъ, который грабитъ на проѣзжей дорогѣ, а я биралъ взятки у себя въ домѣ, а дѣла вершилъ въ судебномъ мѣстѣ: кто себѣ добра не захочетъ? А къ тому же я ни кого до смерти не убилъ: правда, согрѣшилъ передъ Богомъ и передъ государемъ: — многихъ пустилъ по міру; да это дѣло постороннее, и тебѣ до него нужды нѣтъ. Какъ передъ Богомъ не согрѣшить, какъ царя не обмануть? Какъ у него не украсть? Грѣшно украсть изъ кармана у своего брата, а это то дѣло особое; у кого же украсть, какъ не у царя? благодаря Бога, домъ у него, какъ полная чаша, такъ хоть и украдешь, такъ не убудеть. Глупый человѣкъ! Да это и указами за воровство не почитается, а называется похищеніемъ казеннаго интереса. А похищеніе и воровство не одно: первое ничто иное, какъ только утайка; а другое — преступленіе противъ законовъ, и достойно кнута и висѣлицы. Правда, бывали и такіе примѣры, что и за утайку сѣкали кнутомъ; блаженной памяти при ***** это случилось; но нынѣ, благодаря Бога, люди стали разсудительнѣе, и за рѣченную утайку кнутомъ сѣкутъ только тѣхъ, которые малое число утаятъ: да это и дѣльно; не заводи дѣла изъ бездѣлицы. А прочихъ, которые приличаются въ утайкѣ большихъ суммъ, отпускаютъ жить въ свои деревни. Видишь ли ты, глупый человѣкъ, что ты умничаешь по пустому? Кто тебя послушается? Я помню, какъ одинъ господинъ, въ бытность мою у него, разсуждалъ о тебѣ такъ: онъ-де дѣлаеть безчестье всѣмъ дворянамъ, пиша эдакія письма, что-де по-

¹⁾ Подлыми людьми по справедливости называться должны тѣ, которые худы дѣлають дѣла: но у насъ, не вѣдаю по какому предразсужденію, вкралось мнѣніе почитать подлыми людьми тѣхъ, кои находятся въ низкомъ состояніи.

думаютъ иностранные объ насъ, когда увидятъ, что у насъ
есть дураки, плуты.

Понимаешь ли ты, что и вѣрить этому не хотятъ, что есть
безсовѣстные судьи, безчеловѣчные помѣшники, безразсудные
отцы, безчестные сосѣди и грабители-управители? Чтожь ты
изъ пустого въ порожнее пересыпаешь? Мнѣ кажется, братъ,
что ты похожь на постельную жены моей собачку, которая
брешетъ на всѣхъ и никого не кусаетъ. А это называется
брехать на вѣтеръ: по нашему, коли брехнуть, такъ ужъ и
укусить, да и такъ укубить, чтобы больно да и больно было.
Да на это есть другія собаки, а постельнымъ хотя и дана
воля брехать на всѣхъ, только никто ихъ не боится. Такъ-
то и ты пишешь все пустое: кто тебя послушается или кто
испугается, когда не слушаются и не боятся законовъ, опре-
дѣляющихъ казнь за преступленіе? Слыхалъ я отъ одного
моего сосѣда исторію, какъ одинъ греческій мудрецъ ска-
залъ, увидя, что... да полно, вѣдь не все надобно говорить,
объ иномъ полно что и подумаешь. „Ну, братъ маляръ, об-
разумился ли ты? Послушай, хотя ты меня и обидѣлъ, одна-
кожь я суда съ тобой заводить не хочу, ежели ты раздѣ-
лаешься со мною добрымъ порядкомъ и такъ, какъ водится
между честными людьми. Сдѣлаемъ мировую; заплати только
мнѣ, да женѣ моей безчестье, что вадлежитъ по законамъ,
а буде не такъ, то по суду взыщу съ тебя все до копѣйки.
Мнѣ заплатишь безчестье по моему чину, женѣ моей вдвое,
тремъ сыновьямъ недорослямъ вполы противъ моего жало-
ванья, четыремъ дочерямъ моимъ, дѣвицамъ, вчетверо каж-
дой; а къ тому времени, авось либо жена родитъ дочь, такъ
еще и пятой заплатишь. Видишь ли, что я съ тобою посту-
паю по христіански, какъ слѣдуетъ честному и доброму че-
ловѣку. Смотри, не испорти этого самъ и не разори себя.
Къ эдакимъ тяжбамъ мнѣ уже не привыкать; я многихъ мо-
лодчиковъ отдѣлалъ такъ, что однимъ моимъ, жены моей
и дочерей безчестьемъ, накопилъ тремъ дочерямъ довольное

приданое. Чтожъ дѣлать, живучи въ деревнѣ, отставному человѣку? чѣмъ нибудь надобно промыслять. Многіе изволятъ умничать, что, живучи въ деревнѣ, можно-де разбогатѣть однимъ домостроительствомъ и хорошимъ смотрѣніемъ за хлѣбонапешествомъ; да я эдакимъ вракамъ не вѣрю. Хлѣбъ таки хлѣбомъ, скотина скотиною, а безчестье въ головахъ. Да полно, что объ этомъ и говорить, на такія глупыя разсужденія нечего смотрѣть: которая десятина земли принесетъ мнѣ столько прибыли, какъ мое безчестье? нѣтъ-ста, кто что ни говори, а я таки свое утверждаю, что безчестьемъ скорѣе всего разбогатѣть можно. Есть и такіе умники, которые проповѣдываютъ, что безчестье брать безчестно: но пусть они скажутъ мнѣ, что почтеннѣе—честь или деньги? что прибыльнѣе—честь или деньги? что нужнѣе—честь или деньги? Коли есть деньги, такъ честь нажить не трудно, а съ честью, право, не много наживешь денегъ. Такъ-то, братъ, я разсуждаю; да я думаю, что и многіе, хотя не согласятся на сіе словами, но въ самомъ дѣлѣ моимъ же правиламъ слѣдуютъ. И такъ, разсудя хорошенько, пожалуй, послушайся меня и не заводи тяжбы: такъ мы и останемся пріятелями; а это нѣтъ ничего, что ты меня выбранилъ: „брань на вороту не виснетъ“, лишь бы деньги у меня были въ карманѣ. А притомъ, постарайся уговорить племянника моего Фалалея ^{***}, чтобы онъ пошелъ въ отставку и пріѣзжалъ въ деревню. Видно, что ты съ нимъ пріятель, потому что онъ отдаетъ тебѣ всѣ отцовскія и материнскія и мои письма для напечатанія. За симъ остаюсь доброжелатель Ермолай.

ХІІІ.

Слѣдствія худого воспитанія.

Отецъ мой дворянинъ, живучи съ малыхъ лѣтъ въ деревнѣ, былъ человѣкъ простаго нрава и сообразовался во всемъ древнимъ обычаямъ; а жена его, моя мать, была сложенія тому совсѣмъ противнаго, отчего нерѣдко происходили

между ними несогласія, и всегда другъ друга не только всякими бранными словами, какія вздумать можно, ругали, но не проходило почти того дня, чтобы они между собою не дрались, или бы людей на конюшнѣ плетми не сѣкли. Я, будучи въ домѣ ихъ воспитыванъ и имѣя вседневно въ глазахъ таковыя поступки моихъ родителей, чрезмѣрную возымѣлъ къ онимъ склонность и положилъ за правило себѣ во всемъ онимъ послѣдовать. Намѣреніе мое было гораздо удачно, ибо я въ скорое время, къ удивленію всѣхъ домашнихъ, уже совершенно выражалъ всѣ тѣ бранныя слова, которыя, бывало, отъ родителей своихъ слышу; а что до тиранства принадлежало, то уже я въ томъ и родителей своихъ превосходилъ; хотя, правда, они въ семъ искусствѣ гораздо не плохи были: ибо одинъ разъ батюшка за недоимку 35 душъ. а матушка, еще и того болѣе безчеловѣчнымъ наказаніемъ на какъ узнала, что нѣкто изъ крестьянъ перешибъ ногу любезной ея собачкѣ. Отецъ мой хотя, правда, былъ не далекаго разума, однако разбиралъ по немногу Четы-Миней и другія церковныя книги: матушка же моя на смерть тѣхъ книгъ не любила, потому что она дѣвицею воспитана въ городѣ; да рѣдко имѣла досугъ читать и французскія, потому что вседневно ходила слушать очистки крестьянъ, во что ужъ батюшка мой никогда и не мѣшался, а только лишь бывало по приговору матушки сѣчетъ крестьянъ. А какъ я уже приходилъ лѣтъ подъ десятокъ, и батюшка мой началъ преподавать мнѣ первыя начала россійской грамоты, то матушка, любя меня чрезмѣрно и опасаясь, чтобъ отъ такого упражненія голова у меня не разломилась, или бы по времени не повредился я умомъ, всегда меня отъ книги отривала и не разъ за то бранивала батюшку, что онъ меня къ тому неволить. Книга, если правду сказать, мнѣ и самому въ то время гораздо несносною казалась, и я, не примѣтя еще хорошо, почему отличать А отъ Д, столько оную вымаралъ, что батюшка мой и самъ по часту не распознавалъ буквъ, которыя зналъ

ли полно онъ и самъ твердо, я сомнѣваюсь, ибо онъ, какъ я примѣтилъ, называлъ одну букву тремя званіями; но до того мнѣ нужды мало.

Отъ праздности, въ которой я всѣ дорогіе своей жизни часы препроводилъ и которая по несмышленности мнѣ пріятною казалась, произошли всѣ мерзости исполненныя дѣла, а вольность сдѣлала меня отважнымъ и наглымъ на всѣ предпріятія. Я спознался съ сыномъ одного помѣщика, неподалеку отъ нашей деревни живущаго, который воспитанъ былъ не лучше моего, и дѣтина на всѣ руки. Покрытый сѣдинами его отецъ ожидалъ съ часа на часъ смерти, яко убѣжища своего, и все предалъ свое сокровище въ руки своего сына, котораго, хотя былъ онъ еще несовершеннолѣтъ, вся деревня трепетала. Отъ частаго съ нимъ обхожденія научился я просяживать цѣлыя ночи весьма скоро въ игрѣ, въ пьянствѣ и въ другихъ непостоянныхъ забавахъ преходящія, и былъ уже совершеннаго знанія во всѣхъ карточныхъ играхъ къ гибели своего дома. Отецъ мой, разгнѣвавшись на меня за таковыя мои поступки, выгналъ меня изъ дома и лишилъ законнаго наслѣдства, а я, не имѣя средства, чѣмъ себя пропитать, вдался во всякія неприличныя моему роду дѣла и тѣмъ доставлялъ себѣ бѣдное пропитаніе. Накопецъ несносныя бѣдствія и оставшаяся во мнѣ еще искра стыда и совѣсти начали исправлять мои поступки, и я вступилъ въ военную службу, гдѣ нужда еще больше того меня поправила, почему нынѣ я живу спокоенъ, со всегдашнимъ сожалѣніемъ о участи тѣхъ бѣдныхъ, которые имѣютъ подобное моему отъ родителей или наставниковъ своихъ воспитаніе.

Г. несчастный Е***, поступки отца вашего и матери, такъ, какъ и ваша въ разсужденіи родителей неблагодарность, достойны справедливаго порицанія; но вы всѣ уже довольно наказаны. Отцы и матери! казнитея симъ примѣромъ; воспитывайте дѣтей своихъ со тщаніемъ, если не хотите опослѣ быть ими презираемы.

XIV.

Господинъ Живописецъ!

Что мнѣ дѣлать? Хочется писать, да не знаю, за что приняться: кажется мнѣ, что могъ бы я написать все, но однакожь по сіе время не написалъ еще ничего. Не подумайте жъ, что я не имѣю способностей къ писанію: напротивъ, я ихъ имѣю; но это происходитъ отъ того, что я весьма разборчивъ и чувствителенъ къ моей славѣ. Стиховъ я не пишу для того, что русскій языкъ не способенъ къ стихотворству: я бы писалъ ихъ на французскомъ языкѣ, но, по несчастію, Вольтеръ, Расинъ и многіе другіе писатели родились прежде; а какъ дарованія свои и способности вѣшу я всегда на вѣсахъ безпристрастія, то и увидѣлъ, что превзойти сихъ писателей я не могу; а равенства я не потерплю ни въ чемъ. Что дѣлать, когда я такъ поздно въ свѣтъ родился! Ради сего хочу писать по русски прозою, но только еще не рѣшился, въ какомъ родѣ сочиненій мнѣ упражняться. Писать сатиры, по моему чину, низко; писать любовныя сочиненія поздно, по моимъ лѣтамъ; къ трагедіи я не имѣю склонности, оперы мнѣ не нравятся; пастушескихъ сочиненій я не люблю; для поэмы я по сіе время не избралъ еще хорошаго содержанія; и такъ остается мнѣ писать комедіи.—Но могу ли я писать ихъ, и чего мнѣ ожидать? Всѣ похвалы, которыя бы, по справедливости, принадлежали только мнѣ одному, давно уже истощены, не знаю какому-то сочинителю комедій: *О Время, Именинъ, Вѣстниковой*¹⁾, сносно ли это! Я бѣшусь и прихожу во отчаяніе! Вотъ, сударь, до чего мы дожили, вотъ какой вкусъ въ комедіяхъ утверждается: русскій, русскій — какая глупость! французскій театръ постарѣе нашего, такъ вамъ ли принятое имп перемѣнять? и можетъ ли русскій человѣкъ, не

¹⁾ Комедія Императрицы Екатерины II.

закраснѣвши, осмѣлится подумать, что онъ можетъ въ чемъ нибудь поровняться со французомъ? О вы, изъ русскихъ чиновныхъ дворянъ, обожающіе французовъ, ежели вы, впрочемъ, и глупы, однакожъ вы достойны великаго почтенія за то одно, что вы удивляетесь французамъ. Впрочемъ, я имѣю средства отомстить и тебѣ, и всѣмъ хвалителямъ комедіи *О Время*: вѣдайте, что я напишу комедію на сего автора и на всѣхъ васъ, и ежели ее здѣсь не представятъ и не напечатаютъ, тогда переведу ее на французскій языкъ, пошлю на парижскій театръ: пусть ее тамъ представятъ; а ежели имъ угодно, такъ хоть и напечатаютъ. Сიმъ средствомъ я отомщу обиженную мою честь; а ежели и сего не удастся мнѣ сдѣлать, такъ по крайней мѣрѣ пропущу здѣсь въ городѣ слухъ, будто въ Парижѣ сочинена комедія на одного здѣшняго боярина, котораго я не могу терпѣть, и будто ее представляютъ на *Бульваръ* Берегитесь моего мщенія, и знайте, что ежели я за что примусь, такъ уже, конечно, сдѣлаю. Прощай, отвѣта ко мнѣ не пиши, я его читать не буду.

XV.

Г. Живописецъ!

Недѣли съ двѣ тому, какъ приѣхала я сюда изъ Москвы, и начитавъ въ здѣшнихъ вѣдомостяхъ, что въ Луговой Миліонной продаются какого-то Живописца листочки, по природной моей къ живописи склонности, тотчасъ послала ихъ купить. Но въ какое удивленіе я пришла, нашедъ въ нихъ поношенія и клеветы противу прекраснаго пола!—Видно, что ты, другъ мой, родился въ какой ни есть сибирской деревушкѣ, вскормленъ и выученъ безпутной твоей живописи; а если бы хотя одинъ твой глазъ во Франціи побывалъ, такъ ты бы, конечно, поострѣе глядѣлъ на свои руки и, пишучи женское лице, употреблялъ бы къ тому вѣжныхъ только цвѣтовъ красокъ, а не темныя и мрачныя, такъ, какъ теперь дѣ-

лаешь, не знаю, ошибкою ли или умышленно. Нѣтъ, дружокъ! даромъ тебѣ это не пройдетъ. Гдѣ это слыхано, чтобъ живописецъ написалъ женское лице темными красками? И бабушка твоя „Всякая Всячина“, какъ говорятъ здѣшнія женщины, того не запомнитъ; а ты, видно, на выскочку. Полно и того, что твои братья по невѣжеству своему не умѣютъ иногда и бородавки утаить! а ты **вздумалъ** еще и худыми красками насъ описывать. Признайся жъ самъ, заслуживаешь ли ты трудами своими отъ нашего пола благодарность? Видно, ты еще не знаешь, что кто не умѣетъ женскому полу угождать, того и за человѣка не почитаютъ. Черезъ кого наживаются портные и парикмахеры? Скажи, не черезъ насъ ли? Черезъ кого происходятъ добрые люди и въ чины, какъ не черезъ насъ? Кто выгоняетъ изъ молодыхъ людей задумчивость, какъ не мы? Кто вперяетъ воспитаннымъ въ непросвѣщеніи дворянамъ понятіе о модахъ, какъ не мы?.. А ты, такая мелкая на свѣтѣ тварь, уродуешь наши лица. Пора, право, пора тебѣ, дружокъ, опомниться. Напиши-ка два или три хорошенькіе портретца, да только поскорѣе; анъ и не тотъ станешь человѣкъ. Тебя будутъ звать во всѣ знатныя дома; а ты съ легкой моей руки станешь богатѣть да наживаться. Вотъ тебѣ прямая дорога ко счастію! Кинь, дружокъ, старинныя темныя краски: онѣ, если по совѣсти сказать, глаза колютъ; такъ будешь всему женскому полу во всѣ будущіе роды и роды пріятень. А теперь всѣ щеголихи и новомодныя женщины, право, такъ тебя боятся, какъ ребята азбуки. Такъ-то, дружокъ. Отпиши-же, радость моя, въ твоихъ еженедѣльныхъ листочкахъ, какъ тебѣ покажется мой совѣтъ — тебѣ-же лучше будетъ, а я изготовлю тебѣ между тѣмъ въ подарокъ Доброхотное Сердечко.

Государыня моя, я бы хотѣлъ сдѣлать вамъ угодность изображеніемъ вашего прекраснаго лица самыми нѣжвѣй-

шими красками, но не въ силахъ сіе исполнить, потому что ласкательство есть претрудная для меня наука, и я никогда не имѣлъ склонности слѣдовать ея правиламъ. Я соглашаюсь на ваше мнѣніе, что ни одинъ живописецъ не придетъ въ моду у прекраснаго пола, а можетъ быть, и у нашего, который ласкать не умѣетъ—это неоспоримая истина; да и то также правда, что я никогда сему ремеслу не обучался. Живописцевъ, нашей братіи, въ здѣшнемъ городѣ много; такъ вы можете сыскать изъ нихъ одного по своему желанію. Вы увѣдомляете меня, что всякая щеголиха боится меня такъ, какъ ребята азбуки: я тѣмъ и доволенъ: ребята, боявшіеся азбуки, пришедъ въ совершенный возрастъ, всегда раскаяваются въ томъ; можетъ быть—но вѣдь я васъ еще больше разсержу.

Прощайте, сударыня.

XVI.

Почтенный господинъ издатель „Живописца“!

Недавно пріѣзжимъ изъ Петербурга въ наши мѣста, однимъ не безъ знати дворяниномъ, привезенное ваше новое изданіе нашимъ городскимъ и деревенскимъ окольнымъ дворянамъ очень полюбилось: какъ женщины, такъ и мужчины наперерывъ оное хвалятъ безъ усталости, говоря: „То-то разумный живописецъ!“ онъ такъ малюетъ хорошо своими красками нынѣшніе развратные свѣтскіе обычаи, новоманерныхъ петербургскихъ щеголей и щеголихъ, что никто еще, кромѣ его, пороковъ ихъ такъ живо не изображалъ. Прямо честный и разумный человекъ достоинъ всякой похвалы и почтенія. Дай Богъ, чтобы онъ подолѣ продолжалъ свое изданіе; несмотря на тѣхъ развратныхъ кривотолковъ, которые, пороча добродѣтель, прилѣпляются къ порокамъ; авось либо исправитъ перенятое нашими молодыми господичами у иностранцевъ нововыдуманное обхожденіе, противное честному житію и благопристойности, чтобъ и наши дѣти отъ нихъ

тѣмъ же, опаснѣ моровой язвы, повѣтріемъ не заразилися, подражая во всемъ имъ“.

Я не знаю того, отъ искренности ль молодые наши дворяне и дворянки ваше изданіе хвалятъ, или изъ почтенія къ своимъ старымъ родственникамъ, боясь ихъ раздражить. Видно, что и наша украинская молодежь съ настоящаго пути свихнулась! не хуже нынѣ стала вашей петербургской, кажется, и вашу бы перещеголяла; но та бѣда, что живутъ въ деревняхъ съ родителями и явно боятся прежніе наши обычаи на ваши новые свѣтскіе перемѣнить, коихъ доброту съ похвалою нерѣдко намъ проповѣдываютъ прїѣзжіе отъ васъ въ томъ искусные знатоки; а наши деревенскіе вертопрахи и вертопрашки, развѣся уши, рассказы ихъ съ прилежаніемъ слушаютъ и, кое-что перенявъ, тайкомъ оному подражаютъ. Вотъ, почтенный господинъ издатель, мнѣніе наше украинское о вашемъ похвальномъ трудѣ.

Мнѣ жъ ваше изданіе тѣмъ прїятнѣе показалось, что вы, принимая ото всѣхъ присылаемыя къ вамъ всякія сочиненія, помѣщаете оныя въ листахъ своихъ; симъ обнадѣясь, посылаю при семъ къ вамъ Украинскія вѣдомости, получаемыя мною отъ окольныхъ мѣстъ, съ такимъ условіемъ, если оныя достойны быть помѣщены въ вашемъ изданіи, то прошу помѣстить: если жъ покажутся въ чемъ противны, то издерите оныя на завивку вашихъ волосъ; чрезъ что узная изъ слѣдующаго, и впредь присылкою тѣхъ не отречется пребывающій къ вамъ навсегда съ отличнымъ почтеніемъ

Почтенный господинъ издатель!

вашъ покорный слуга

Хуляковъ.

Отъ 8 ноября 1772 г.
Изъ Украйны.

Украинскія вѣдомости 1772 года.

Изъ Полтавы октября отъ 27.

На сихъ дняхъ проявилась у насъ новость: когда кто изъ молодыхъ здѣшнихъ благородныхъ мужчинъ и женщинъ что говорить, то при произношеніи новомаперныхъ петербургскихъ словъ нѣсколько пришепетываютъ и картавятъ. Случилось третьяго дня одному магистратскому судѣ у здѣшняго знатнаго жителя быть на пирушкѣ, гдѣ было великое множество молодыхъ благородныхъ обоюга пола дворянъ, которые иначе не разговаривали, какъ новымъ петербургскимъ щегольскимъ нарѣчіемъ, и притомъ пришепетывали и картавили, говоря, такъ-де нѣжиѣе; коего онъ инако узнать не могъ, выключая послѣднихъ словъ, когда бѣ ему онаго не растолковала его родственница, будучи уже въ томъ сама довольно искусна. Она своему старому родственнику объявила, что сіе новое щегольское нарѣчіе съ нѣжнымъ произношеніемъ привезено изъ Петербурга однимъ пріѣзжимъ молодцомъ, между другими довольно знатнымъ въ нынѣшнемъ свѣтскомъ вольномъ обхожденіи; и что онъ такъ честенъ, что всѣ онаго правила безо всякой платы имъ показалъ, желая въ такомъ искусствѣ болѣе себѣ умножить сотоварищей.

Харьковъ, отъ 2 ноября.

Его сіятельство, любезный нашъ графъ Гальяковъ, по благополучномъ прибытіи изъ отъѣзжаго поля въ здѣшній городъ, изволилъ дать всѣмъ здѣшнимъ обоюга пола дворянамъ знатный ужинъ и балъ, и всему бывшему у него тогда собранію изволилъ объявить: если кто желаетъ поставить его сіятельству новую нынѣшняго послѣдняго манера совѣсть, на мѣсто прежде бывшей у него, а нынѣ пришедшей въ ветхость, то уступаетъ тому онъ въ награжденіе самой лучшей доброты родовое хвастовство.

П о д р я д ы.

Почтенному какъ насмѣшествомъ, такъ и грубіанствомъ, престарѣлому мужу потребно, вмѣсто отнятаго у него гордостью, въ бытность его прошлаго года въ К..., знанія въ благородномъ и пристойномъ обхожденіи; желающіе поставить сто пять пудъ и взять ниже просимой цѣны могутъ являться въ его домѣ.

П р о д а ж а.

У его сіятельства, графа Гальякова, продается ложь перваго номера, самой высокої работы, весьма недорогою цѣною.

У господина Поджогина продаются насмѣшки и нахальство разныхъ сортовъ, оптомъ и въ розницу; кто хочетъ оныя товары покупать, тотъ можетъ явиться у него самого.

XVII.

Г. Живописецъ!

Какъ мнѣ извѣстно, что въ вашихъ хвалы достойныхъ листахъ не упускаете никогда являть свѣту все, что онаго заслуживаетъ презрѣніе, дабы чрезъ то возбудить въ сердцахъ согражданъ вашихъ должное отвращеніе къ худымъ дѣламъ: то вы, я думаю, не пропустите случая дать знать всѣмъ мыслящимъ росіянамъ (ибо вы для нихъ только, я думаю, пишете) о наипохвальнѣйшемъ и наиполезнѣйшемъ учрежденіи, о какомъ токмо частнымъ людямъ помышлять дозволяется. Я хочу здѣсь говорить о недавно учрежденномъ *Обществѣ, старающемся о напечатаніи книгъ*. Статуты онаго общества, вамъ, какъ человѣку всегда въ свѣтѣ обращающемуся, можетъ быть, извѣстны; но я, читая оныя, столь много восхитился, усмотря ихъ доброе намѣреніе и долженствующую изъ онаго учрежденія истекати пользу для всего російскаго народа, что не могъ удержаться, чтобы не восхотѣть объ оныхъ дать знать всему свѣту. Между тѣмъ, какъ я постараюсь вамъ сообщить всѣ статьи онаго учрежденія, намѣ-

ренъ теперь вамъ поговорить о пользѣ онаго въ разсужденіи народнаго просвѣщенія и о пользѣ его, какъ Общества, до торговли касающагося.

Правило неоспоримое государственнаго домостроительства есть сіе: стараться о процвѣтаніи торговли. Сіе разумѣется о пространныхъ государствахъ; ибо сколь торговля въ такомъ государствѣ полезна, столь и болѣе она вредна въ правленіи, на одинъ или малое число городовъ ограниченномъ; что болѣе, опричь торга, приводитъ деньги, сіи измѣряющіе знаки народное иждивеніе, въ обращеніе, и потому, что болѣе доставляетъ гражданамъ пропитаніе! Не говоря о томъ, что чрезъ оный богатые люди лишаются излишнихъ своихъ денегъ, которыя бы мертвы, такъ сказать, были въ ихъ сундукахъ, если бъ роскошь, соплетая имъ новыя потребности, не побуждала ихъ покупать работы художниковъ, равно пышность, тщеславіе и чувства услаждающихъ, — коликое число питается посредствомъ торга людей, дневную работу исправляющихъ, доставляя художнику матеріалы, надъ коими хитрая ихъ рука исчерпываетъ вымыслы искусства! Что были бы безъ торговли фабрики, мануфактуры, и проч.? А общественный торгъ тѣмъ выгоднѣе для государства, что, будучи въ состояніи большія предпринимать намѣренія, онъ большому числу людей доставляетъ прокормленіе. Но учрежденіе *Общества, старающагося о напечатаніи книгъ*, хотя и кажется, что не подходитъ подъ сіе правило, но тѣмъ полезно, что подаетъ примѣръ, какимъ образомъ надлежитъ устанавливать торговыя общества, какъ производить онаго дѣла безъ замѣшательства, какъ предвѣрять неудобствамъ, къ разрушенію оныхъ влекущимъ. Я не устыжусь сказать, что сіе Общество посрамляетъ большую часть нашего купечества, не вѣдающаго начальныхъ правилъ торговли. Да научится оно онымъ изъ сего учрежденія! Дай Богъ, чтобы, просвѣщая всѣхъ разумы, примѣръ сего Общества просвѣтилъ разумы нашихъ торгующихъ и явилъ имъ истинные ихъ прибытки. Сами они были бы богатѣе, а государство могущественнѣе и счастливѣе.

Что касается до пользы сего Общества, въ разсужденіи просвѣщенія разумовъ, то кто оную, такъ сказать, не ощущаетъ? Печатаніе книгъ, соближая вѣки и земли, доставляя всѣмъ свѣдѣніе о изобрѣтенномъ и о происшедшемъ, есть наивеличайшее изъ всѣхъ изобрѣтеній, разуму человѣческому надлежащихъ. Что можетъ болѣе, коли не печатаніе книгъ, расплодить единую истину, въ забвеніи бы быть безъ онаго опредѣленную, и родить, такъ сказать, столько же прямо-мыслящихъ головъ, какъ самъ изобрѣтатель той истины, сколько есть читателей? Печатаніе соблюдаетъ наилучшимъ образомъ всѣ истины, доставляетъ наибольшему количеству народа объ оныхъ свѣдѣніе, чрезъ то очищаетъ общество отъ заблужденій и предразсудковъ всегда вредныхъ; ибо я не того мнѣнія, чтобы оныя нѣкогда полезны быть могли; польза ихъ бываетъ мгновенна, но вредъ, отъ оныхъ происходящій, отрывается, если могу такъ сказать, чрезъ цѣлые вѣка.

Вотъ, что я вамъ имѣлъ сообщить о наиполезнайшемъ нашего вѣка учрежденіи частныхъ людей. Пожалуй, внесите сіе письмо въ ваши листы, ибо свѣдѣніе о такомъ Обществѣ побудитъ, можетъ быть, иныхъ къ учрежденію какого другого, гораздо полезнѣе нашихъ клубовъ, ассамблей и тому подобныхъ сходбищъ. А вы, ревнители истины, продолжайте путь вашъ. Вамъ Россія долженствовать будетъ . . .

.

Вашъ покорный слуга
Любомудровъ изъ Ярославля.

1773 года февраля 28 дня.

Г. Любомудровъ, я помѣщаю ваше письмо въ листахъ моихъ съ удовольствіемъ, вѣдая, что оно не мало послужитъ къ ободренію учредителей *Общества старающагося о печатаніи книгъ*, въ ихъ предпріятіи. И хотя планъ учрежденія сего мнѣ не извѣстенъ, однакожь я согласно съ вами мышлю, что намѣреніе сіе весьма полезно для единоплеменниковъ нашихъ. Торговля книгами, по существу своему, весьма до-

стойна того, чтобы о ней лучшее имѣли понятіе, и большее бы прилагалось стараніе о распространеніи оныя въ нашемъ Отецествѣ, нежели какъ было донынѣ. Но, по моему мнѣнію, государь мой, не довольно сего, чтобы только печатать книги, какъ то понимаю я изъ наименованія сего Общества, а надобно имѣть попеченіе о продажѣ напечатанныхъ книгъ. Петербургъ и Москва имѣютъ способа покупать книги, заводитъ книгохранительницы и употреблять ихъ въ свою пользу, лишь только была бы у покупающихъ охота. Но позвольте сказать, петербургскіе и московскіе жители много имѣютъ увеселеній; есть у нихъ различныя зрѣлища, забавы и собранія; слѣдовательно, весьма не у великаго числа людей остается время для чтенія книгъ; а сверхъ того и просвѣщеніе наше, или, такъ сказать, слѣпое пристрастіе ко французскимъ книгамъ, не позволяетъ покупать россійскихъ. Въ россійской типографіи напечатанное рѣдко молодыми нашими господчиками пріемлется за посредственное, а за хорошее почти никогда. Напротивъ того, живущіе въ отдаленныхъ провинціяхъ, дворяне и купцы лишены способовъ покупать книги и употреблять ихъ въ свою пользу. Напечатанная въ Петербургѣ книга черезъ трое или четверо рукъ дойдетъ, напримѣръ, въ малую Россію: всякій накладываетъ неумѣренный барышъ, для того, что производитъ сію торговлю весьма малымъ числомъ денегъ, и такъ продающаяся въ Петербургѣ книга по рублю приходитъ туда почти всегда въ три рубля, а иногда и больше. Черезъ сіе охотники покупать книги уменьшаются, книгъ расходуется меньше, а печатающіе оныя, вмѣсто награжденія за свои труды, часто терпятъ убытокъ. Вотъ, государь мой, цѣль, куда должно стремиться намѣреніе сего Общества, и если Общество сіе будетъ въ состояніи привести торговлю книжную въ цвѣтущее состояніе, то по справедливости заслужитъ похвалу. Сего еще не довольно, я бы поговорилъ съ вами о семъ веществѣ поболѣе, но *не упріиде часъ*.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ТРУТЕНЬ.

1769 — 1770.

2-й л.

1) *Письмо дяди къ племяннику.*

Любезный племянничекъ... здравствовать тебѣ на вѣки нерушимо желаю.

Увѣдомился я, что ты и по сіе время ни въ какую еще не опредѣлился службу. Отпиши ко мнѣ, правда-ли это; ежели правда, такъ скажи, пожалуй, что ты съ собою задумалъ дѣлать? Я тебя не приневоливаю итти ни въ придворную, ни въ военную службу для сказанныхъ мнѣ тобою причинъ; пусть это будетъ по-твоему; а притомъ и службы сіи никакой не приносятъ прибыли, а только разоренье. Но скажи, пожалуй, для чего ты не хочешь итти въ приказную? Почему она тебѣ противна? Ежели ты думаешь, что она по нынѣшнимъ указамъ не наживна, такъ ты въ этомъ, другъ мой, ошибаешься. Правда, въ нынѣшнія времена противъ прежняго не придетъ и десятой доли, но со всѣмъ тѣмъ годовъ въ десятокъ можно нажить хорошую деревеньку. Каково-жъ нажиточно бывало прежде, самъ разсуди: нынѣшніе указы много у насъ отняли хлѣба! Тебѣ извѣстно, что по приѣздѣ моемъ на воеводство, не имѣлъ я за собою больше шестидесяти душъ дворовыхъ людей и крестьянъ, а нынѣ, благодаря Подателя намъ всякихъ благъ, трудами моими и неусыпнымъ попеченіемъ нажилъ около трехсотъ душъ, не считая денегъ, серебра и прочей домашней рухляди, да нажилъ-бы еще и не то, ежели-бы прокуроръ со мною былъ посогласнѣе. Но за грѣхи мои наказалъ меня Господь такимъ несговорчивымъ, что какъ его ни уговаривай, только онъ, какъ козы рога, въ мѣхъ не лѣзетъ, и ежелибы ста-

раніємъ моимъ не склонилъ я на свою сторону товарища, секретаря и прочихъ, такъ-бы у меня въ мошнѣ не было ни пула ¹⁾). Прокуроръ нашъ человѣкъ молодой и, сказываютъ, что умный, только я этого не примѣтилъ. Развѣ потому, что онъ въ бытность его въ Петербургѣ накупилъ себѣ премножество книгъ, а пути нѣтъ ни въ одной. Я единожды перебиралъ ихъ всѣ, только ни въ одной не нашель, котораго святого въ тотъ день празднуется память: такъ куда онѣ годятся! Я на всѣ его книги святцевъ своихъ не промѣняю. Научился дѣлать вирши, которыми думалъ насъ оплетать; только самъ онъ чаще попадаетъ въ наши верши ²⁾). Мы его частехонько за носъ поваживаемъ. Онъ думаетъ, что всѣ дѣла надлежитъ вершить по наукамъ, а у насъ въ приказныхъ дѣлахъ какія науки? кто правъ, такъ тотъ и безъ наукъ правъ, лишь-бы только была у него догадка, какъ приняться за дѣло. А судейская наука вся въ томъ состоитъ, чтобы умѣть искусненько пригибать указы по своему желанію, въ чемъ и секретари много намъ помогаютъ. Правда, что это для молодого человѣка трудно и непонятно, но ты этого не опасайся: я тебя столько научу, сколько самъ знаю. Пожалуйста, Иванушка, послушайся меня, просись къ намъ въ городъ въ прокуроры. Я слышалъ, что тебя многіе знатные господа жалуютъ, такъ это тебѣ тотчасъ сдѣлають. Наживи тамъ себѣ хорошихъ защитниковъ, да и пріѣзжай сюда; тогда весь городъ и уѣздъ по нашей дудкѣ плясать будетъ. Разсуди самъ, какъ этого мѣста лучше желать и покойнѣе! Во всѣхъ дѣлахъ положиися на меня, а ты со стороны—ни дай, ни вынеси—будешь братъ жалованье, а коли будетъ умъ, такъ и еще жалованьевъ подъ десятокъ въ годъ получишь. Мы такъ искусно будемъ дѣлать, что на насъ и просить нельзя будетъ. А тогда, какъ мы наживемся, хотя

¹⁾ Мелкая мѣдная монета.

²⁾ Вирши, отъ лат. versus, стихъ; верши—снарядъ изъ прутьевъ для ловли рыбы.

и попросятъ, такъ бѣда будетъ невелика: отрѣшатъ отъ дѣлъ и велятъ жить въ своихъ деревняхъ. Вотъ те на, какая бѣда! для чего не жить, коли нажито, чѣмъ жить, а какъ нажито, этого никто и не спроситъ. Пожалуйста, послушайся меня, добивайся этого мѣста. Ты вѣдь уже не маленькій ребенокъ, можно о себѣ подумать, чѣмъ вѣкъ жить. Отцовское-то у тебя имѣніе стрень брень съ горошкомъ, такъ надобно самому наживать, а на мое и не надѣйся, ежели меня не послушаешься, хотя ты у меня и одинъ наслѣдникъ; но я лучше отдамъ чужому, да только такому, который себѣ добра хочетъ. Ежели-жъ послушаешься, то при жизни моей укрѣплю все тебѣ. Смотри-жъ, я говорю наобумъ, а ты бери себѣ на умъ. Прощай, Иванушка; пожалуй, подумай о семъ хорошенько и меня увѣдомь.

Остаюсь дядя твой...

5-й л.

2) *Письмо Правдулюбова.*

Господинъ Трутень!

Второй вашъ листокъ написанъ не по правиламъ вашей прабабки ¹⁾. Я самъ того мнѣнія, что слабости человѣческія сожалѣнія достойны, однакожъ не похвалъ, и никогда того не подумаю, чтобъ на сей разъ не покривила своею мыслию и душою госпожа ваша прабабушка, давъ знать на своей стр. 140, въ раздѣленіи 52, что похвальнѣе снисходитъ порокамъ, нежели исправлять оныя. Многіе слабой совѣсти люди никогда не упоминаютъ имя порока, не прибавивъ къ оному человѣколюбія. Они говорятъ, что слабости человѣкамъ обыкновенны, и что должно оныя прикрывать человѣколюбіемъ; слѣдовательно, они порокамъ спшили изъ человѣколюбія кафтанъ; но такихъ людей человѣколюбіе прилич-

¹⁾ Прабабка—журналъ «Всякая Всячина», въ которомъ принимала участіе Императрица Екатерина. См. 1-я объясн. статья.

нѣе назвать пороколюбіемъ. По моему мнѣнію, больше чело-
вѣколюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ,
который онымъ спсходитъ или (сказать по-русски) пота-
каетъ, и ежели смѣли написать, что учитель, любви къ сла-
бостямъ не имѣющій, оныхъ исправить не можетъ, то и я
съ лучшимъ основаніемъ сказать могу, что любовь къ поро-
камъ имѣющій никогда не исправится. Еще не понравилось
мнѣ первое правило упомянутой госпожи, т. е., чтобъ отнюдь
не называть слабости порокомъ, будто Іоаннъ и Иванъ не
все одно. О слабости тѣла человѣческаго мы разсуждать не
станемъ, ибо я не лѣкарь, а она не повивальная бабушка,
но душа слабая и гибкая въ каждую сторону направиться
можетъ. Да и я не знаю, что, по мнѣнію сей госпожи, значить
слабость. Нынѣ обыкновенно слабостью называется въ
кого-нибудь по уши влюбиться, т. е. въ чужую жену или
дочь... посорить мужа съ женою или отца съ дѣтьми; и
это будто не порокъ? Конъ построже меня о томъ при досугѣ
разсуждаютъ, назовутъ по справедливости оный беззаконіемъ.
Любить деньги есть также слабость, почему слабому чело-
вѣку простиительно брать взятки и обогащаться грабежами.
Пьянствовать также слабость, или еще привычка; однако
пьяному можно жену и дѣтей прибить до полу-смерти и по-
драться съ вѣрнымъ своимъ другомъ. Словомъ сказать, я
какъ въ слабости, такъ въ порокѣ не вижу ни добра, ни
различія. Слабость и порокъ, по моему, все одно, а безза-
коніе—дѣло иное.

На концѣ своего листка ваша госпожа прабабка похва-
ляетъ тѣхъ писателей, кои только угождать всѣмъ стараются,
а вы, сему правилу не повинувась, криводушнымъ приказ-
нымъ и некстати умствующему прокурору не великое сдѣ-
лали угожденіе. Не хочу я васъ побуждать, какъ дѣлаютъ
прочіе, къ продолженію сего труда, пиже васъ хвалить; звѣ-
рекъ по когтямъ виденъ. То только скажу, что пзъ всего
поколѣнія вашей прабабки вы первый, къ которому я пишу
письмо.

Можетъ статья, скажутъ гг. критики, что мнѣ, какъ трутню, съ „Трутнемъ“ имѣть дѣло весьма сходно, но для меня разумнѣе и гораздо похвальнѣе быть трутнемъ, чужія дурныя работы повреждающимъ, нежели такую пчелою, которая по всѣмъ мѣстамъ летаетъ и ничего разобрать и найти не умѣетъ. Я хотѣлъ было сіе письмо послать къ госпожѣ вашей прабабкѣ, но она меланхолическихъ писемъ читать не любитъ, а въ семъ письмѣ, я думаю, она ничего такого не найдетъ, отчего бы у нея отъ смѣха три дня бока болѣть могли.

Покорный вашъ слуга

Правдулюбовъ.

9 Мая, 1769 года.

3) *Статьи изъ Русскаго словаря.*—*Украстить голову по-французски.* О приведеніи въ совершенство сія науки Франція нѣсколько лѣтъ прилагаетъ попеченіе, и хотя въ Парижѣ заведена академія *волосоподвигательной науки*, изданы въ народъ печатныя о томъ книги, но однако-жъ и по сіе время, такъ-же, какъ и философія, въ совершенство не пришла; изъ чего слѣдуетъ, что быть совершеннымъ волосоподвигателемъ такъ-же трудно, какъ и философомъ. Да и науки сіи одинакія: одна украшаетъ голову снаружи, а другая внутри, а что къ первой нынѣ больше прицѣпляются, тому причиною мода. Да сіе и весьма справедливо: украшенная снаружи голова гораздо почтеннѣе украшенной внутри, потому что мы всегда хвалимъ, почитаемъ и удивляемся тому, что прежде другого лучшимъ намъ покажется; а въ томъ и никакого нѣтъ сомнѣнія, что хорошо завитые волосы скорѣе ума примѣтитъ можно: волосы снаружи, а умъ внутри.

Украстить разумъ науками. Въ старину думали, что для украшенія разума науками надлежитъ цѣлый жить вѣкъ, т. е. посвятить себя наукамъ, отстать отъ всѣхъ должностей въ обществѣ, вѣкъ учиться и быть проповѣдываемымъ

добродѣтели согражданамъ своимъ, а наконецъ и самому себѣ въ тягость, изъ чего сдѣлали пословицу: *впкѣ живи и впкѣ учися*. Но молодые наши дворяне, увидя ясно невѣжество предковъ своихъ, изъ сего заблужденія вышли и изъ стараго правила сдѣлали новое: *недѣлю учися и впкѣ живи*. Сему правилу многіе слѣдуютъ, ибо, не учась ничему, но только мимоходомъ прочитавъ книги, о всѣхъ наукахъ разсуждаютъ и спорятъ, отчего и писателей показалось много, а особливо стихотворцевъ. Одинъ славный россійскій стихотворецъ сказалъ о себѣ, что онъ, писавъ стихи десять лѣтъ, послѣ всѣ ихъ пожегъ, черезъ что и сдѣлался онъ образцомъ во многихъ родахъ стихотворства, а въ нѣкоторыхъ и неподражаемымъ. Но молодые наши стихотворцы нашли кратчайшую къ парнасу дорогу; по ихъ мнѣнію, надлежитъ только знать, что мужескій стихъ въ 12, а женскій въ 13 стопъ, а потомъ въ недѣлю сдѣлаться можно стихотворцемъ и трагическимъ и комическимъ, и наконецъ всякимъ, не дѣлая пустыхъ изслѣдованій, что хорей, что ямбъ, дактиль и пр., лишь-бы были рѣшмы. Вотъ скорое просвѣщеніе какую приносить пользу! А за сіе скороспѣлое въ наукахъ знаніе должны мы благодарностію господамъ французамъ: мы все отъ нихъ перенимаемъ; ихъ дворяне давно сіе дѣлаютъ, и наши начинаютъ.

6-й л.

4) Объявленія.

Изъ Кронштадта.

— На сихъ дняхъ прибыли въ здѣшній портъ корабли: 1. *Tromper* ¹⁾ изъ *Руана* въ 18 дней; 2. *Vetilles* ²⁾ изъ *Марсельи* въ 23 дни. На нихъ слѣдующіе нужные намъ привезены товары: шпаги французскія разныхъ сортовъ, табакерки черепаховыя, бумажныя, сургучныя, кружева, блонды,

¹⁾ Обманщикъ.

²⁾ *Vetille* значитъ бездѣлица, дрянь, пустякъ.

бахромки, манжеты, ленты, чулки, пряжки, шляпы, запонки и всякія, такъ называемыя, галантерейныя вещи, перья голландскія въ пучкахъ, чиненыя и нечиненыя, булавки разныхъ сортовъ и прочіе модныя мелочныя товары; а изъ Петербургскаго порта на тѣ корабли грузить будутъ разныя домашнія наши бездѣлицы, какъ-то: пеньку, желѣзо, юфть, сало, свѣчи, полотна и проч. Многіе наши молодые дворяне смѣются глупости господъ французовъ, что они ѣздятъ такъ далеко и мѣняють модныя свои товары на наши бездѣлицы.

— Молодого россійскаго поросенка, который ѣздилъ по чужимъ землямъ для просвѣщенія своего разума, и который, объѣздивъ съ пользою, возвратился уже совершенною свиньею, желающіе смотрѣть могутъ его видѣть безденежно по многимъ улицамъ сего города.

— Въ нѣкоторое судебное мѣсто потребно правосудія до 10 пудъ; желающіе въ поставкѣ онаго подрядиться могутъ явиться въ ономъ мѣстѣ.

— За вексельный искъ описанное и оцѣненное въ 14 р. 57³/₄ коп. оставшееся послѣ покойнаго судьи Правдулюбова стяжаніе, состоящее въ вѣрности къ отечеству, нелицепріятіи, правосудіи, истинномъ понятіи законовъ, милосердіи о бѣдныхъ и здоровомъ разсужденіи, имѣеть быть продано съ публичнаго торгу, ибо наслѣдниковъ къ оному стяжанію изъ всей его родни не явилось. Желающіе покупать могутъ явиться у аукціониста, который продавать будетъ.

— Недавно пожалованный воевода отъѣзжаетъ въ порученное ему мѣсто и для облегченія въ пути продаетъ свою совѣсть. Желающіе купить могутъ его сыскать въ здѣшнемъ городѣ.

Изъ Литейной.

Змѣянь, человекъ неосновательный, ѣздя по городу, надсѣдаяся кричитъ и увѣщаетъ, чтобы всякій помѣщикъ, ежели хорошо услуженъ быть хочетъ, былъ тираномъ своимъ

служителямъ, чтобъ не прощаль имъ ни малѣйшей слабости, чтобъ они и взора его боялись, чтобъ они были голодны, наги и босы, и чтобъ одна жестокость содержала сихъ звѣрей въ порядкѣ и послушаніи. Въ самомъ дѣлѣ, Змѣянъ поступаетъ со своими рабами, какъ проповѣдуетъ. О, человѣчество! koliko ты страждешь отъ безумія Змѣянова, и если-бы всѣ дворяне примѣръ брали съ сего чудовища, то бы не было у насъ, кромѣ мучителей и мучениковъ. Однако благоразумный Миренъ не слѣдуетъ миѣнію Змѣянову и совсѣмъ отмѣнно съ подвластными себѣ обходится. Ежели Миренъ не наилучшихъ въ Россіи слугъ имѣеть, такъ по крайней мѣрѣ не боится, чтобъ онъ ими былъ проклиняемъ.

8-й л.

5) *Письмо Правдулюбова.*

Господинъ издатель!

Госпожа „Всякая Всячина“ на насъ прогнѣвалась и наши правоучительныя разсужденія называетъ ругательствами. Но теперь вижу, что она меньше виновата, нежели я думалъ. Вся ея вина состоитъ въ томъ, что на русскомъ языкѣ изъясняться не умѣеть и русскихъ писаній обстоятельно разумѣть не можетъ, а сія вина многимъ нашимъ писателямъ свойственна.

Изъ словъ въ раздѣленіи 52, ею означенныхъ, русскій человѣкъ ничего иного заключить не можетъ, какъ только, что господинъ А. правъ, и что госпожа „Всякая Всячина“ его критиковала криво.

Въ пятомъ листѣ „Трутня“ ничего не писано, какъ думаетъ госпожа „Всякая Всячина“, ни противу милосердія, ни противу снисхожденія, и публика, на которую и я ссылаюсь, то разобрать можетъ. Ежели я написалъ, что больше человѣколюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, кто онимъ потакаетъ, то не знаю, какъ такимъ изъясненіемъ я могъ тронуть милосердіе. Видно, что госпожа „Всякая Вся-

чина“ такъ похвалами избалована, что теперь и то почитаетъ за преступленіе, если кто ее не похвалитъ.

Не знаю, почему она мое письмо называетъ ругательствомъ. Ругательство есть бракъ, гнусными словами выраженная; но въ моемъ прежнемъ письмѣ, которое заскребло по сердцу сей пожилой дамы, нѣтъ ни кнутовъ, ни висѣлицъ, ни прочихъ слуху противныхъ рѣчей, которыя въ изданіи ея находятся.

Госпожа „Всякая Всячина“ написала, что пятый листъ „Трутня“ уничтожаетъ. И это какъ-то сказано не по-русски: уничтожить, т. е. въ ничто превратить, есть слово самовластію свойственное, а такимъ бездѣлцамъ, какъ ея листки, никакая власть не прилична; уничтожаетъ верхняя власть какое-нибудь право другимъ. Но съ госпожи „Всякой Всячины“ довольно было бы написать, что презираетъ, а не уничтожаетъ мою критику. Сихъ же листовъ множество носится по рукамъ, и такъ ихъ всѣхъ уничтожить не можно.

Она утверждаетъ, что я имѣю дурное сердце, потому что, по ея мнѣнію, исключая моими разсужденіями снисхожденіе и милосердіе. Кажется, я ясно написалъ, что слабости человѣческія сожалѣнія достойны, но что требуютъ исправленія, а не потачки; и такъ думаю, что сіе мое изъясненіе знающему російскій языкъ и правду не покажется противнымъ ни справедливости, ни милосердію. Совѣтъ ея, чтобы мнѣ лѣчиться, не знаю, мнѣ ли больше приличенъ, или сей госпожѣ. Она, сказавъ, что на пятый листъ „Трутня“ отвѣтствовать не хочетъ, отвѣчала на оный всѣмъ своимъ сердцемъ и умомъ, и вся ея желчь въ ономъ письмѣ сдѣлалась видна. Когда-жъ она забывается и такъ мокротлива, что часто не туда плюетъ, куда надлежитъ, то, кажется, для очищенія ея мыслей и внутренности не бесполезно ей и полѣчиться.

Сія госпожа назвала мой умъ тупымъ, потому что не понималъ ея правоученій. На то отвѣчаю, что и глаза мои того не видятъ, чего нѣтъ. Я тѣмъ весьма доволенъ, что госпожа

„Всякая Всячина“ отдала меня на судъ публикѣ. Увидитъ публика изъ будущихъ нашихъ писемъ, кто изъ насъ правъ.

Покорный вашъ слуга

Правдулюбовъ.

6 Іюня, 1769 года.

9-й л.

6) *Изъ объявленій.*

— Судья нѣкотораго приказа покривилъ вѣсы правосудія. Онъ въ томъ не виноватъ, а виноватъ подрядчикъ, который на судейскую сторону такъ много положилъ кулей съ мукою, что правосудіе противъ такой тягости устоять не могло. Желающіе тѣ вѣсы починкою исправить изъ своихъ матерьяловъ могутъ явиться въ томъ приказѣ.

— Прокуроръ *Правдулюбовъ* съ судьей *Криводушинымъ* въ одномъ сидитъ судебномъ мѣстѣ. Судья заразился извѣстною подъ пменемъ акциденціи ¹⁾ болѣзнию и для того въ рѣшеніи дѣлъ часто съ прокуроромъ бываетъ несогласенъ. Прокуроръ, опасаясь дальнѣйшихъ отъ того слѣдствій, чрезъ сіе объявляетъ, что ежели сыщется искусный въ лѣченіи сихъ болѣзней лѣкаръ и сего судью вылѣчитъ, тому за труды дастъ онъ награжденіе изъ собственныхъ денегъ, ибо судья о лѣченіи сей болѣзни и слышать не хочетъ; желающіе помянутаго судью пользоваться могутъ явиться у прокурора *Правдулюбова* немедленно.

— Въ нѣкоторомъ приказѣ былъ судья; онъ, служа въ военной прежде службѣ, привыкъ взятокъ не брать, почему и сдѣлавшись судьей—не перемѣнился. Онъ вершилъ дѣла по законамъ, не толкуя оныя въ криво. Вѣсы правосудія въ его время ни кулями съ хлѣбомъ, ни мѣшками съ деньгами покривлены не были. Всѣ удивлялись его ополченію противу искушателей, и наконецъ большіе судьи его правосудіе почли гордостью, думая, что онъ не беретъ для того, что не даютъ

¹⁾ Взятки.

больше. Гордость его наказали отрѣшеніемъ его отъ того мѣста; онъ о томъ и не тужилъ. На мѣсто его посаженъ другой судья, въ которомъ ни малой нѣтъ гордости. Онъ беретъ взятки, не яко взятки, но яко подарки. Вѣсы правосудія въ его рукахъ, а указы въ его устахъ, ибо они говорятъ то, что прикажетъ судья. Итакъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ голубь, сидитъ нынѣ ястребъ, о чемъ для свѣдѣнія и объявляется.

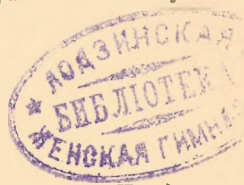
— Нѣкоторому судья потребно самой свѣжей и чистой совѣсти до нѣскольکو фунтовъ. Желаящіе въ поставкѣ оной подрядиться, а у него купить старую его отъ челобитческаго винограднаго и хлѣбнаго нектара перегорѣвшую совѣсть, которая, какъ онъ увѣряетъ, весьма способна ко отысканію желаемаго всѣми философическаго камня, могутъ явиться въ собственномъ его домѣ.

— Недавно пожалованный прокуроръ отъѣзжаетъ во свое мѣсто, и по приѣздѣ желаетъ онъ развестъ рѣдкое въ томъ городѣ растеніе, именуемое цвѣтущее правосудіе, хотя воевода того города до онаго растенія и не охотникъ. Чего ради потребенъ ему, г. прокурору, искусный садовникъ. Желаящіе вступить во оную должность могутъ явиться у г. прокурора немедленно.

16-й л.

Изъ Кронштадта.

На сихъ дняхъ въ здѣшній портъ прибылъ изъ *Бурдо* корабль; на немъ, кромѣ самыхъ модныхъ товаровъ, привезены 24 француза, сказывающіе о себѣ, что они всѣ бароны, шевалье, маркизы и графы, и что они, будучи несчастливы въ своемъ отечествѣ, по разнымъ дѣламъ, касавшимся до чести ихъ, приведены были до такой крайности, что для приобрѣтенія золота, вмѣсто Америки, принуждены были ѣхать въ Россію. Они въ своихъ разказахъ солгали очень мало, ибо по достовѣрнымъ доказательствамъ они всѣ при-

родные французы, упражнявшіеся въ разныхъ ремеслахъ и должностяхъ третьяго рода. Многіе изъ нихъ въ превеликой жили ссорѣ съ Парижскою полиціею, и для того она по ненависти своей къ нимъ сдѣлала имъ привѣтствіе, которое имъ не полюбилось. Оное въ томъ состояло, чтобы они немедленно выбрались изъ Парижа, буде не хотятъ обѣдать, ужинать и ночевать въ Бастиліи. Такое привѣтствіе хотя было и очень искренно, однако-жъ симъ господамъ французамъ не полюбилось, и ради того пріѣхали они сюда и намѣрены вступить въ должности учителей и гофмейстеровъ молодыхъ благородныхъ людей. Они скоро отсюда пойдутъ въ Петербургъ. Любезные сограждане, спѣшите нанимать спхъ чужестранцевъ для воспитанія вашихъ дѣтей! Поручайте немедленно будущую подиору государства симъ побродягамъ и думайте, что вы исполнили долгъ родительскій, когда наняли въ учителя французовъ, не узнавъ прежде ни званія ихъ, ни поведенія.

21-й л.

7) *Письмо къ издателю.*

Г. Издатель!

Въ нѣкоторыхъ приказахъ показался новыи способъ брать взятки. Челобитчики или отвѣтчики бьются съ судьями и секретарями о закладъ такимъ образомъ: напимѣрь, истецъ хочетъ, чтобы незаконное его требованіе было рѣшено въ его пользу; итакъ, онъ съ судьей спорить, что къ такому-то числу это дѣло въ его пользу не рѣшится, а судья утверждаетъ, что рѣшится. Закладъ всегда бываетъ по цѣнѣ того дѣла, и почти всегда сіи заклады выигрываютъ судьи. Г. издатель! я вамъ сіе сообщаю для напечатанія. Сіе, безъ сомнѣнія, дойдетъ до рукъ судей-закладчиковъ — можетъ быть, они устыдятся. Сего только я и желаю; впрочемъ, будьте увѣрены, что я пребываю вамъ доброжелателемъ.

24-й л.

8) *Рецепты.**Для г. Безразсуда.*

Безразсудъ боленъ мнѣнїемъ, что крестьяне не суть чело-
вѣки, но крестьяне, а что такое крестьяне—о томъ знаетъ
онъ только по тому, что они крѣпостные его рабы. Онъ съ
ними точно такъ и поступаетъ, собирая съ нихъ тяжкую
дань, называемую *оброкъ*; никогда съ ними не только что
не говоритъ ни слова, но и не удостоиваетъ ихъ накло-
ненїемъ своей головы, когда они, по восточному обыкновенїю,
предъ нимъ по землѣ распростираются. Онъ тогда думаетъ:
Я господинъ, они мои рабы, они для того и сотворены,
чтобы, претерпѣвая всякія нужды, день и ночь работать
и исполнять мою волю исправнымъ платежомъ оброка; они,
памятую мое и свое состояніе, должны трепетать моего
взора. Въ дополненїе къ сему, прибавляетъ онъ, что точно
о крестьянахъ сказано: *въ потъ лица своего снеси хлѣбъ*
твой. Бѣдныя крестьяне любятъ его, какъ отца, не смѣютъ,
но, почитая въ немъ своего тирана, его трепещутъ. Они
работаютъ день и ночь, но со всѣмъ тѣмъ едва, едва имѣ-
ютъ дневное пропитанїе, затѣмъ что насилу могутъ платить
господскїе поборы. Они и думать не смѣютъ, что у нихъ
есть что-нибудь собственное, но говорятъ: *это не мое, но*
Божїе и господское. Всевышній благословляетъ ихъ труды и
награждаетъ, а *Безразсудъ* ихъ обираетъ. Безразсудный!
развѣ забылъ то, что ты сотворенъ челоувѣкомъ? неужели
ты гнушаешься самимъ собою, во образѣ крестьянъ, рабовъ
твоихъ? развѣ не знаешь ты, что между твоими рабами и
человѣками больше сходства, нежели между тобою и чело-
увѣкомъ? Вообрази рабовъ твоихъ состояніе: оно и безъ отя-
гощенїя тягостно. Когда-же ты гнушаешься тѣми, которые
для удовольствованїя страстей твоихъ трудятся почти безъ
отдохновенїя, они не смѣютъ и мыслить, что они челоувѣки,
но почитаютъ себя осужденными за грѣхи отецъ своихъ,

видя, что прочіе ихъ братія у помѣщиковъ-отцовъ наслаждаются вождѣннымъ спокойствіемъ, не завидуя никакому на свѣтѣ счастью, ради того, что они въ своемъ званіи благополучны — то подумай, какъ должны гнушаться тобою истинные человѣки, человѣки-господа, господа-отцы своихъ дѣтей, а не тираны своихъ, какъ ты, рабовъ. Они гнушаются тобою, яко извергомъ человѣчества, преобразующимъ нужное подчиненіе въ несносное иго рабства. Но *Безразсудъ* всегда твердитъ: *я господинъ, они мои рабы; я человекъ, они крестьяне*. Отъ сей вредной болѣзни—

Безразсудъ долженъ всякій день по два раза разсматривать кости господскія и крестьянскія до тѣхъ поръ, пока найдетъ онъ различіе между господиномъ и крестьяниномъ.

26-й л.

9) *Копія съ отписки.*

Государю Григорію Сидоровичу!

Бьютъ челомъ отчины твоей староста Андрюшка со всѣмъ міромъ.

Указъ твой господскій мы получили, и денегъ оброчныхъ со крестьянъ на нинѣшнюю треть собрали: съ сельскихъ ста душъ сто двадцать три рубля, двадцать алтынъ; съ деревенскихъ съ пятидесяти душъ шестьдесятъ одинъ рубль, семнадцать алтынъ; а въ недоимкѣ за нинѣшнюю треть осталось на сельскихъ двадцать шесть рублей, сорокъ девять копѣекъ; да послано къ тебѣ, государь, прошлой трети недоборныхъ денегъ съ сельскихъ и деревенскихъ сорокъ три рубля двадцать копѣекъ, а больше собрать не могли: крестьяне скудны, взять негдѣ, нинѣшнимъ годомъ хлѣбъ не родился, насилу могли сѣмена въ гумны собрать. Да Богъ посылитъ насъ скотскимъ падежомъ, скотина почти вся повалилась; а которая и осталась, такъ и ту кормить нечѣмъ, сѣна были худыя, да и соломы мало, и крестьяне твои, государь, многіе попли по міру. Неплательщиковъ по указу

твоему господскому на сходѣ сѣкъ нещадно, только они оброку не заплатили: говорятъ, что негдѣ взять. Съ Филаткою, государь, какъ поволишь? денегъ не платить, говорить, что взять негдѣ: онъ самъ все лѣто прохворалъ, а сынъ большой померъ, остались маленькіе робятишки; и онъ нынѣшнимъ лѣтомъ хлѣба не сѣялъ, некому было землю пахать, во всемъ дворѣ одна была сноха, а старуха его и съ печи не сходитъ. Подушныя деньги за него заплатилъ міръ, видя его скудость; а за твою, государь, недоимку по указу твоему продано его двѣ клѣти за три рубля, за десять алтынъ; корова за полтора рубля, а лошади у него всѣ пали, другая коровенка оставлена для робятишекъ, кормить ихъ нечѣмъ: міромъ сказали, буде ты его въ томъ не простишь, то они за ту корову деньги отдадутъ, а робятишекъ поморить, и его въ конецъ разорить не хотятъ. При семъ послана къ милости твоей Филаткина челобитная, какъ съ нимъ самъ поволишь, то и дѣлай; а онъ уже не плательщикъ, покуда не подрастутъ робятишки; безъ скотины, да безъ дѣтей нашъ братъ твоему здоровью не слуга. Міромъ, государь, тебѣ бьютъ челомъ о завладѣнной у насъ Нахрапцовымъ землѣ, прикажи ходитъ за дѣломъ: онъ насъ здѣсь разоряетъ, и землю отрѣзалъ по самья наши гумна, некуда и курицы выпустить; а на дѣло по указу твоему господскому собрано тридцать рублевъ, и къ тебѣ посланы безъ доимки; за неплательщиковъ положили тяглыя, только прикажи, государь, добиваться по дѣлу. Нахрапцовъ подалъ на насъ въ городѣ явочную челобитную, будто мы у него гусями хлѣбъ потравили, и по тому его челобитью была за мною изъ города посылка. Меня въ отчинѣ тогда не было, посылные забрали въ городъ шесть человѣкъ крестьянъ въ самую работную пору; и я, государь, въ городъ ѣздилъ, просилъ секретаря и воеводу, и крестьянъ вашихъ выпустили, только по тому дѣлу стало міру: денегъ шесть рублевъ, возъ хлѣба, да пять возовъ сѣна. Нахрапцовъ попался намъ на дорогѣ и грозился насъ опять засадить въ тюрьму;

секретарь ему родня, и онъ насъ очень обижаетъ. Отпиши, государь, къ прокурору: онъ бояринъ добрый, ничего не беретъ, когда къ нему на поклонъ придешь, и онъ твою милость знаетъ, авось либо онъ за насъ вступится, и секретаря уиметъ, а воевода никакихъ дѣлъ не дѣлаетъ, ѣздитъ съ собаками, и дѣла всѣ знаетъ секретарь. Вступишь, государь, за насъ, своихъ сиротъ: коли ты за насъ не вступишься, такъ насъ совсѣмъ разорятъ, и Нахрапцовъ всѣхъ насъ пуститъ въ міръ. Да еще твоему здоровью всѣмъ міромъ бьютъ челомъ о сбавкѣ оброчныхъ денегъ: намъ уже стало не въ моготу; послѣ переписи у насъ въ селѣ и въ деревнѣ померло больше тридцати душъ, а мы оброкъ платимъ все тотъ же; покуда смогли, такъ мы такъ твоей милости тянулись, а нынче стало уже не въ мочь. Буде не помилуешь, государь, то мы всѣ въ копецъ разоримся; неплательщники все прибавляются, и я по указу твоему сборъ дѣлалъ всякое воскресеніе, и неплательщниковъ сѣку на сходѣ, только имъ взять негдѣ, какъ ты съ ними ни позволишь. Еще твоей милости доношу, ягоды и грибы нынѣшнимъ лѣтомъ не родились, бабы просятъ, чтобы изволилъ ты взять деньгамъ, почему укажешь за фунтъ; да еще просятъ, чтобы за пряжу и за холстину изволилъ ты взять деньгами. Лѣсу твоего господскаго продано крестьянамъ на дрова на семь рублевъ съ половиною; да на двѣ избы, по пяти рублевъ за избу, и деньги, государь, всѣ съ Аптошкою посланы. При семъ еще послано штрафныхъ денегъ съ Ипатки за то, что онъ въ челобитѣ своемъ тебя, государь, оболгалъ и на племянника сказалъ, будто онъ его не слушался, и затѣмъ съ нимъ разошелся, взято по указу твоему тридцать рублевъ. Съ Аптошки за то, что онъ тебя въ челобитной назвалъ отцомъ, а не господиномъ, взято пять рублевъ. И онъ на сходѣ высѣченъ. Онъ сказалъ: я де это сказалъ съ глупости, и напередки онъ тебя, государя, отцомъ называть не будетъ. Дьячку при всемъ мірѣ приказъ твой объявленъ,

чтобы онъ впродъ такъ не писалъ. Остаемся рабы твои: староста Андрюшка со всѣмъ міромъ, земно кланяемся.

10) *Простосердъ* недомогаетъ болѣзнию, именуемою *слпная доврренность*. По причинѣ сей болѣзни судить онъ о всѣхъ по себѣ, всѣмъ вѣрить и думаетъ, что люди не могутъ быть злыми за тьмъ, что добрыми сотворены. Сіе мнѣніе часто ему плачено было худо: но онъ и тогда говаривалъ, что сіе дѣлалось по слабости человѣческой, а не по злему намѣренію вредить ближнимъ. Отъ такой его опасной для него болѣзни прописанъ *слѣдующій*

Рецептъ.

На всѣхъ людей смотрѣть въ *волшебный* лорнетъ, *показывающій* сердца съ нимъ говорящихъ людей. Сіе отъ той болѣзни его, конечно, излѣчить; но при томъ долженъ онъ употреблять свое добросердечіе, *отчего* и *сдѣлается* честнымъ, здоровымъ человѣкомъ.

Незрѣль вспылчивъ, имѣетъ бѣгучія мысли, но не *совсѣмъ* основательныя, а сердце кажется, что доброе. По такому его нраву съ нимъ случаются слѣдующія болѣзни: отъ бездѣлицы покраснѣетъ, взбѣсится и въ состояніи сдѣлать всякое дурачество въ своей запальчивости; а иногда онъ смѣется тому самому, за что бѣсился, и въ *добрый* часъ сноситъ наивеличайшія обиды. Бѣгучія мысли заводятъ его подъ небеса, но дошедъ до своихъ границъ, низвергаютъ въ заблужденіе, и тогда онъ сердится самъ на себя.

Во гнѣвѣ не попадайся ему ни слуга, ни собака, ни лошадь: онъ всѣхъ перебьетъ. Когда же спокоенъ, то добросердечіе его всѣмъ видимо: оказываетъ услуги по своей возможности не только что своимъ пріятелямъ и знакомымъ, но въ состояніи одолжить и *такого* человѣка, котораго видѣлъ не болѣе двухъ разъ, и не знаетъ иногда, какъ его зовутъ, *отчего* часто претерпѣвалъ убытки.

Объяснительныя статьи.

1. Сатирическіе журналы 1769—1774 г.

(Изъ сочиненія Г. Э. Караулова).

До 1769 года, вся періодическая литература наша ограничивалась изданіемъ „Петербургскихъ“ и „Московскихъ Вѣдомостей“. Тѣмъ болѣе удивительнымъ представляется то любопытное въ исторіи нашей журналистики явленіе, что въ одинъ 1769 годъ появляется у насъ вдругъ нѣсколько журналовъ и притомъ журналовъ съ одинаковымъ и рѣзко опредѣленнымъ характеромъ. Это вообще одинъ изъ весьма интересныхъ эпизодовъ въ исторіи нашей журнальной литературы прошлаго вѣка: тутъ въ ней обнаруживается какая-то необыкновенная жизненность и движеніе; въ одинъ 1769 годъ основывается нѣсколько періодическихъ листковъ и изданій, которые быстро появляются одинъ за другимъ и почти также одновременно и быстро прекращаютъ свое существованіе. Всѣ эти журналы отличались почти исключительно сатирическимъ направленіемъ и посвящали свою дѣятельность безпощадной критикѣ нравовъ и сатирическимъ нападкамъ на пороки и темныя стороны современнаго русскаго общества, состоя такимъ образомъ какъ бы въ связи съ сатирическими статьями „Трудолюбивой Пчелы“ Сумарокова, но отличаясь отъ послѣднихъ несравненно болѣе крупными литературными достоинствами, болѣе просвѣщеннымъ и гуманнымъ взглядомъ на вещи и большимъ разнообразіемъ своей критики.

Почти всѣ сатирическіе журналы 1769—1774 годовъ выходили еженедѣльно (но были и изданія ежедневныя и ежемѣсячныя, какъ напримѣръ: „Поденщина“ и „Адская Почта“) и назывались „еженедѣльниками“, „еженедѣльными сочиненіями“, или просто „еженедѣльными листками“. Каждый номеръ, или листъ, состоялъ болѣею частью изъ одного печатнаго полулиста—не болѣе.

Въ одинъ 1769 годъ появилось восемь сатирическихъ журналовъ, а въ теченіе времени съ 1769 по 1774 годъ, когда эти сатирическіе листы внезапно прекратились, ихъ выходило всего шестнадцать. Несмотря на свое кратковременное существованіе, сатирическіе журналы, возникшіе въ 1769 г., прошли не безслѣдно въ исторіи развитія русской литературы и русскаго общества новаго времени. Появленіе ихъ представляетъ вообще замѣчательную черту въ умственной жизни нашего XVIII стол. Посреди сухой и безжизненной схоластики, посреди громкозвучныхъ и льстивыхъ одъ и произведеній, переполненныхъ риторики, выкроенныхъ по рутинной мѣркѣ и по правиламъ французскаго классицизма, здоровый и трезвый голосъ сатирическихъ журналовъ составляетъ, безъ сомнѣнія, самое жизненное явленіе въ тогдашней литературѣ. Почерпая матеріалы для своихъ описаній и картинъ изъ дѣйствительной, повседневной жизни и изображая явленія послѣдней въ ихъ настоящемъ видѣ, безъ всякихъ прикрасъ и ложной идеализаціи, они много способствовали къ отрѣшенію литературы отъ ложно-классическихъ теорій и къ ея сближенію съ дѣйствительностію. Обращеніе сатирическихъ журналовъ къ вопросамъ общественнымъ и народнымъ—съ одной стороны, расширяло кругъ литературныхъ изображеній и вносило въ литературу народныя стихіи, а съ другой — значительно увеличивало массу русской читающей публики, и тѣмъ давало литературѣ большую возможность имѣть вліяніе и дѣйствовать на общество.

Главная цѣль всѣхъ названныхъ журналовъ заключалась, какъ мы сказали, въ облаченіи темныхъ сторонъ современной дѣйствительности; а главнымъ орудіемъ для облаченія ихъ служила сатира,—болѣе или менѣе обширная, болѣе или менѣе рѣзкая и беспощадная, смотря по понятіямъ о сатирѣ ихъ издателей, по мѣрѣ предоставленной имъ свободы слова и по степени литературнаго таланта самихъ журналистовъ. Каждый изъ издателей тогдашнихъ журналовъ являлся, въ своихъ сатирическихъ листкахъ, бойцемъ за просвѣщеніе и

науку и во имя ихъ вступалъ въ борьбу съ невѣжествомъ, съ предрасудками и суевѣрїями и съ дикими понятїями, господствовавшими въ обществѣ. Такимъ образомъ, темныя явленїя и пороки тогдашней общественной и семейной жизни, проистекавшїе отъ невѣжества, во всѣхъ его видахъ, или отъ ложнаго просвѣщенїя, подвергались обличенїю сатирическихъ журналовъ. Они вооружались: противъ неправосудїя и лихоимства судей и приказныхъ, противъ ябеды и крючкотворства, противъ недостатковъ воспитанїя, противъ дурнаго воспитанїя (французскихъ гувернеровъ и учителей), противъ внѣшняго европеизма и слѣпаго подражанїя иностранцамъ, противъ усвоенїя французскихъ нравовъ и языка, противъ пристрастїя къ французскимъ модамъ и происходившихъ оттуда мотовства и роскоши, противъ различныхъ суевѣрїй, предрасудковъ, ханжества и грубости нравовъ, противъ безпорядочной жизни въ супружествѣ.

Воодушевляясь тѣми гуманными принципами и стремленїями, которые, съ воцаренїемъ Екатерины II, открыто провозглашались съ престола и стали выражаться до извѣстной степени въ законодательныхъ и административныхъ мѣрахъ правительства, журнальная сатира (подобно сатирѣ фонъ-Визина) тѣсно примкнула къ его просвѣтительной дѣятельности, сдѣлалась его усердной союзницей и помощницей и, подъ покровомъ власти, смѣло вооружилась противъ обскурантизма и нравственныхъ и общественныхъ недуговъ современнаго общества, препятствовавшихъ, по мнѣнїю сатириковъ, народному и государственному развитїю отечества. Изъ этого ясна благородная патріотическая цѣль сатирической литературы временъ Екатерины II.

Рядъ сатирическихъ листковъ, появившихся въ 1769 году, начался съ Всякой Всячины, издателемъ которой считали Козицкаго. Но, по розысканїямъ г. Пекарскаго, открывается, что на редакцію Всякой Всячины имѣла рѣшительное влїяніе сама Екатерина II, что она писала статьи для этого журнала и что нѣсколько чертъ, которыми обри-

совываетъ себя въ предисловіи къ читателю неизвѣстный редакторъ этого журнала, вовсе нейдутъ къ Козицкому. Всякая Всячина, какъ и большая часть сатирическихъ журналовъ того времени, выходила еженедѣльными листками; первый листокъ ея появился съ такимъ объявленіемъ: „Симъ листомъ бью челомъ, а слѣдующій впредь изволь покупать“. Въ листкахъ Всякой Всячины хотя и встрѣчаются тѣ же нападки на подъячихъ, тѣ же картины дурного воспитанія, певѣжества, суевѣрія, ханжества, мотовства дворянъ и т. п., но тѣмъ не менѣе это былъ самый скромный изъ всѣхъ сатирическихъ журналовъ по своимъ обличеніямъ. Онъ поставилъ себѣ цѣлью—„давать людямъ наставленія, забавляя ихъ“. Въ предисловіи къ читателю его, издатель говоритъ: „иногда дамъ вамъ полезныя наставленія, иногда будете смѣяться“.

Всякая Всячина болѣе всѣхъ другихъ журналовъ семидесятихъ годовъ подражала иностраннымъ нравственно-сатирическимъ изданіямъ, въ особенности англійскимъ: Стиля и Аддисона ¹⁾, перѣдко заимствуя у нихъ матеріалы для своихъ статей и принаравляя ихъ къ русской жизни. Поэтому она помѣщала у себя статьи болѣе правоучительнаго, нежели сатирическаго направленія, хотя нельзя сказать, чтобы и въ ея листкахъ не встрѣчались ниня довольно рѣзкія сатирическія выходки. Таковы въ особенности ея изображенія стариннаго дворянскаго быта, картины стариннаго воспитанія, ея нападки на приказныхъ, какъ напримѣръ: объясненіе выраженія „барашекъ въ бумажкѣ“, означавшаго на приказномъ языкѣ взятку, или слѣдующія, составленныя ею десять „правоучительныхъ заповѣдей подъячимъ“: 1) Не бери взя-

¹⁾ Эти англійскіе журналы: „Tattler“ (Болтунъ), „Spectator“ (Зритель) и Guardian (Блюститель) породили много подобныхъ себѣ подражаній во Франціи и въ Германіи. См. характеристику этихъ журналовъ въ „Critical and Historical Essays“, by Macaulay. Vol. V. (Tauchn. edit.), статью: The Life and Writings of Addison. См. также Геттвера: „Исторія Литературы XVIII стол.“ т. I.

токъ. 2) Не волочи дѣла, отъ тебя зависящаго. 3) Не сотвори крючковъ. 4) Не обходися грубо съ людьми. 5) Не говори челобитчикамъ: завтра. 6) Не дѣлай несправедливыхъ изъ дѣлъ и законовъ выписей. 7) Не давай наставленій въ ябедѣ. 8) Не напивайся пьянъ. 9) Чепи всякій день голову, ходи чисто. 10) Покинь трусость въ разсужденіи иныхъ, и дерзость въ разсужденіи другихъ“.

Всякая Всячина сама не шла, однако, слишкомъ далеко въ своихъ обличеніяхъ, болѣе ограничиваясь отвлеченными моральными разсужденіями о порокахъ и добродѣтеляхъ и не нападая открыто на порочныя личности, и требовала того же отъ другихъ сатирическихъ изданій, вызванныхъ ея примѣромъ въ 1769 году. Изданія эти хотя и полемизировали со Всякой Всячиной, но въ большинствѣ случаевъ не выходили изъ ея собственной программы и направленія: она задавала имъ тонъ, указывала предметы для сатиры и совѣтовала имъ удерживать въ границахъ умѣренности ихъ ревность къ обличенію. Всякой Всячинѣ, говоритъ г. Пекарскій, замѣтно не нравилось размноженіе сатирическихъ листковъ, и тамъ высказано: „Мимоходомъ дадимъ примѣтитъ читателю, что со времени размноженія у насъ земляныхъ яблокъ, еще не было ничего такъ плодovitаго, какъ потомство Всякія Всячины“ (т. е. появленіе вслѣдъ за нею многихъ сатирическихъ листковъ, къ которымъ она относилась нѣсколько презрительно, какъ къ своимъ подражателямъ). Но всего болѣе не нравились ей, по словамъ г. Пекарскаго, рѣзкость и рѣшительность обличеній своихъ собратьевъ-издателей, и она нерѣдко давала замѣтитъ, что имъ слѣдуетъ писать не все же одни обличенія, но также не пропускать описывать твердаго блюстителя вѣры и закона, хвалить сына отечества, пылающаго любовію и вѣрностію къ государю, и т. п. Впрочемъ, подобные совѣты мало слушало журнальное „потомство“ Всякой Всячины, такъ что ей самой пришлось взять на себя осуществленіе ихъ, почему она и помѣстила на своихъ страницахъ нѣсколько статей, гдѣ уже нѣтъ и

помину о сатирѣ, а есть похвалы и защита существовавшему порядку“. Такое направленіе Всякой Всячины, при непосредственномъ сотрудничествѣ въ ней Екатерины II, достаточно объясняетъ важность ея значенія въ ряду сатирическихъ изданій семидесятихъ годовъ, на характеръ и содержаніе которыхъ она должна была имѣть рѣшительное вліяніе.

Тѣмъ не менѣе лучшіе изъ этихъ журналовъ: Адская почта Эмина, Вечера и Смѣсь неизвѣстныхъ, а въ особенности Новиковскіе журналы: Трутень и Живописецъ не слушались наставленій Всякой Всячины и во многихъ случаяхъ нападали рѣзко и смѣло на пороки и недостатки современнаго общества.

Формы, въ которыхъ проявлялись эти сатирическіе нападки названныхъ журналовъ, были самыя разнообразныя и пестрыя. Адская Почта Эмина, въ этомъ отношеніи, отличалась въ особенности остроумною формою своей сатиры. Она представляла „адскія вѣдомости“, или переписку двухъ бѣсовъ, служившихъ въ адской республикѣ: хромоногаго и кривого. Идея адской переписки между бѣсами, вѣроятно, внушена была Эмину извѣстнымъ сатирическимъ романомъ Лесажа: „Хромоногій бѣсъ“ (*Le diable boiteux*). Оба эти бѣса были отправлены изъ ада на землю и вели между собою переписку, въ которой изображались различные пороки и недостатки въ общественныхъ и семейныхъ нравахъ русскаго современнаго общества. Такъ въ нихъ рисовались: портреты и характеристики взяточниковъ-секретарей, дурныхъ судей, казнокрадовъ и т. п. Самая злая изъ подобныхъ характеристикъ въ Адской Почтѣ—это характеристика таможенной крысы. Обличеніе злоупотребленій на судѣ дѣлалось прямо и открыто не только въ Адской Почтѣ, но и во всѣхъ прочихъ сатирическихъ журналахъ. Адская Почта, на примѣръ, рассказываетъ: „У одного мясника увели быка. Какъ скоро узналъ мясникъ вора, онъ сейчасъ-же отправился въ канцелярію, билъ челомъ секретарю и, вѣдая канцелярскіе обычаи, пустилъ ему въ руки два крестовика. Секретарь сдѣлалъ

истцу приличный выговоръ: „Я, другъ мой, не такой чело-
вѣкъ, чтобы взятки брать“, и опустилъ деньги въ карманъ.
Воръ былъ отысканъ и представленъ, но отдѣлался импера-
ломъ, а мясника началъ секретарь допрашивать по формѣ,
т. е. о чемъ ненадобно, и „завелъ матерію, которой мужикъ
не разумѣлъ“. Опъ началъ допросы почти отъ потопа. Му-
жикъ путался, отвѣчалъ некстати, ибо некстати его спра-
шивали. Наконецъ составлено судейское опредѣленіе, что
мясникъ въ рѣчахъ своихъ замѣшался, и рѣшено его высѣчь
за напрасное оклеветаніе ближняго. Мужикъ подалъ апел-
ляцію, и Адская Почта по поводу этой апелляціи замѣчаетъ:
„Мало же добра будетъ мяснику, когда дѣло пошло на апел-
ляцію. Ежели онъ молодъ, лѣтъ—двадцати не больше, то,
можетъ статься, дождется конца своего дѣла“. Этотъ же
журналъ рассказываетъ, какими любопытными юридическими
уловками старались въ то время обходить указъ, запрещавшій
продажу крестьянъ въ рекруты. Адская Почта замѣтила, что
въ этомъ, равно какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, при-
казные умѣютъ подбирать указы, какъ игроки карты“.

Взятка на прежнемъ подъяческомъ языкѣ называлась
акциденція или барашекъ въ бумажкѣ. Адская Почта по по-
воду взятокъ говоритъ: „Хотя многіе указы гласятъ, чтобъ
приказные не брали взятокъ, но они увѣряютъ, что ничего
не брать отъ просителей есть дѣло сверхъестественное...
Теперь многіе изъ сихъ господъ выдумали средства воровать
политическимъ образомъ, то-есть сами взятокъ не берутъ,
а берутъ черезъ своихъ женъ, заставляють просителей про-
игрывать себѣ въ карты большія суммы денегъ и проч.
„Прежде мужъ одинъ плутовалъ, а теперь съ женою“... те-
перь „нѣкоторые приказные грабятъ благороднымъ спосо-
бомъ“, — замѣчаетъ Адская Почта. Ябедѣ и крючкотвор-
ству особенно доставалось отъ сатирическихъ журналовъ.
„Все поглощаетъ ненасытное время!“ восклицаетъ журналъ
Вечера: „не исчезаютъ одни ябеды и крючкотворства; они

отъ потомства въ потомство переходять, узловатѣе становятся, крючки больше растутъ, подъячіе богатѣютъ“.

Послѣ сатирическихъ портретовъ неправедныхъ судей и взяточниковъ, такіе же портреты современныхъ щеголей, или „петиметровъ“, какъ тогда ихъ называли, и щеголихъ, ведшихъ пустую, безсодержательную жизнь и тратившихъ на это громадныя суммы своихъ доходовъ, встрѣчаются постоянно почти во всѣхъ сатирическихъ журналахъ. Они безпощадно преслѣдовали мотовство и роскошь въ современномъ обществѣ. Такое же безпощадное обличеніе и сатирическія пасмѣшки мы находимъ здѣсь противъ французовъ — гувернеровъ и гувернантокъ и иностранныхъ учителей вообще, проживавшихъ у русскихъ баръ, которые довѣряли имъ воспитаніе своихъ дѣтей. Журналы доказывали, что большинство этихъ учителей и учительницъ были совершенныя невѣжды и скорѣе извращали, чѣмъ воспитывали русскихъ юношей и дѣвушекъ, вселяя въ нихъ презрѣніе ко всему родному, русскому и т. п. Адская Почта и Трутень указывали примѣры, что многіе изъ иностранныхъ гувернеровъ и учителей занимаются въ Россіи больше торговыми спекуляціями, чѣмъ обученіемъ дѣтей.

Въ большинствѣ случаевъ, журнальная сатира выражалась въ формѣ переписки между придуманными лицами, въ которыхъ рисовались портреты разныхъ порочныхъ личностей, носившихъ прозрачныя названія: Нахрапцевыхъ, Вертяевыхъ, Стозмѣвыхъ, Самолюбовъ, Злорадовъ и т. п., — прямо указывавшія на ихъ качества. Употреблялись еще формы „сатирическихъ вѣдомостей“, діалоговъ издателя съ своими подписчиками, „картинъ“, словарей, сатирическихъ объявленій, или же „лѣчебниковъ“, гдѣ изображались различныя нравственныя недуги, для излѣченія которыхъ прописывались большыя „рецепты!“ (напримѣръ, рецептъ для его превосходительства г. Недоума“, такіе же рецепты: судѣ, купцу, Злораду, Безразсуду, Недозрѣлу и т. д.). Факты, вызывавшіе сатиру, подмѣченныя издателями журналовъ и почерпавшіяся ими прямо

изъ современной дѣйствительности, были теперь, конечно, многочисленнѣе и разнообразнѣе, нежели въ произведеніяхъ предыдущихъ сатирическихъ писателей. Но сущность журнальной сатиры, главные мотивы ея и предметы оставались почти тѣ же самыя, что и у послѣднихъ. Какъ сатира Кантемира ратовала за дѣло Петра и преслѣдовала явленія русской жизни, противорѣчившія цѣлямъ правительственной реформы, такъ и сатира журналовъ семидесятыхъ годовъ вооружалась противъ тѣхъ сторонъ современной жизни, которыя противорѣчили реформамъ Екатерины II, и находилась, такимъ образомъ, въ тѣсной связи съ преобразовательною дѣятельностію правительства,—какъ мы уже сказали.

Между всѣми сатирическими журналами семидесятыхъ годовъ лучшими во всѣхъ отношеніяхъ были журналы Новикова: Трутень и Живописецъ. Ихъ талантливый издатель, горячо преданный дѣлу развитія народнаго, взглянулъ гораздо глубже и серьезнѣе своихъ собратовъ-издателей на значеніе общественной сатиры и критики нравовъ. Обладая просвѣщеннымъ и свѣтлымъ взглядомъ на вещи и высокимъ чувствомъ истиннаго патріотизма, Новиковъ повелъ дѣло своихъ журналовъ смѣло и самостоятельно, не нуждаясь въ постороннихъ указаніяхъ на предметы и явленія, противъ которыхъ должна возвышать свой голосъ общественная сатира. Сатира, по мнѣнію Новикова, имѣя цѣлью исправленіе общественныхъ нравовъ, должна нападать не только на порокъ, въ его отвлеченномъ видѣ, но главнымъ образомъ—на порочныя личности и темныя явленія въ жизни общества, служа притомъ вѣрнымъ изображеніемъ дѣйствительности, какова бы та ни была; потому что—какъ говорилъ Новиковъ—„зеркало не виновато, коли рожа крива“. Его журналы подняли открытую борьбу противъ злоупотребленій и невѣжества, въ рѣзкихъ сатирическихъ статьяхъ съ ѣдкой ироніей нападали на все грубое, безнравственное и безчеловѣчное въ жизни современнаго русскаго общества. Новиковъ первый затронулъ здѣсь важнѣйшіе изъ обществен-

ныхъ вопросовъ, какъ напимѣръ, вопросъ о крѣпостномъ правѣ и о злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти: въ нѣсколькихъ статьяхъ о тяжкомъ состояніи русскаго крестьянства того времени онъ отнесся съ искреннимъ чувствомъ любви къ ближнему и съ горячей симпатіей къ низшимъ классамъ народа, объ участіи къ которымъ до Новикова мы почти не встрѣчаемъ никакихъ заявленій во всей тогдашней литературѣ. Правда, противъ злоупотребленій помѣщиковъ вооружился и „Наказъ“ Екатерины (§§ 269, 277, 370 и друг.), гдѣ говорится, что помѣщики облагали крестьянъ тяжкими оброками, отчего падало земледѣліе, уменьшалось народонаселеніе и нищаль народъ; въ сочиненіяхъ Екатерины, равно какъ и въ сатирическихъ (не Новиковскихъ) журналахъ тоже встрѣчаются нападки на жестокое обращеніе съ людьми, происходившее отъ грубости нравовъ и невѣжества, но ни тогдашнее правительство, ни литература не подымали такъ прямо и рѣшительно вопроса объ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ, какъ это сдѣлалъ Новиковъ въ названныхъ статьяхъ своихъ, помѣщенныхъ и въ Трутнѣ, и въ Живописцѣ. Къ болѣе замѣчательнымъ изъ такихъ статей и по содержанію и по внѣшней формѣ изложенія принадлежатъ: „Копія съ крестьянскихъ отписокъ“ и „Копія съ помѣщичьяго указа“ въ Трутнѣ, „Письмо уѣзднаго дворянина къ Фалалееву“ и „Отрывокъ путешествія въ *** И. Т.“ въ Живописцѣ. „Новиковъ первый—говоритъ профессоръ Тихо-нравовъ—показалъ обратную сторону медали своего блистательнаго времени. Среди звуковъ торжественныхъ лиръ, онъ заговорилъ о томъ, „какъ мало помѣщики имѣютъ попеченія о земледѣліи, и какъ велики недостатки тѣхъ бѣдныхъ тварей, которыя богатство и величество государства составляютъ должны“. Изъ-за облачныхъ пареній онъ сводилъ читателя на дѣйствительную почву, а отъ созерцанія „золотого вѣка Астреи“ возвращалъ къ тяжелымъ, можетъ быть, но всегда поучительнымъ наблюденіямъ надъ настоящимъ... „Бѣдность и рабство повсюду встрѣчались со мною въ образѣ крестьянъ,“

говорить одинъ изъ Новиковскихъ журналовъ, и Новиковъ могъ только думать о филантропическихъ учрежденіяхъ для будущаго этихъ „бѣдныхъ тварей“, — и восклицаетъ: „О солнце, лучами щедротъ своихъ Россію озаряющее! призри на сихъ несчастныхъ“¹⁾.

Вооружаясь противъ идиллическихъ поэтовъ и писателей своего времени, воспѣвавшихъ въ своихъ „пастушескихъ пѣсняхъ“ и ложныхъ изображеніяхъ сельской жизни „блаженство дней“ русскаго крестьянина, Новиковъ смѣется съ ѣдкой ироніей надъ однимъ изъ такихъ идиллическихъ поэтовъ (въ Живописцѣ): „Творецъ сего блаженства—говоритъ онъ—хотя знаетъ всю цѣну завидныя сею жизни, однакожь живетъ въ городѣ, въ суетахъ сего міра; а сіе, какъ сказываютъ, дѣлаетъ онъ ради двухъ причинъ: первое, что въ нашихъ долинахъ зимою много бываетъ снѣга; а второе, что ежели бы онъ туда переселился, то городскіе жители совсѣмъ позабыли бы блаженство пастушеской жизни. Читатель ему отвѣтствуетъ: „чужую душу въ рай, а самъ ни ногою.“ Бѣдный авторъ, ты и другихъ, и себя обманываешь!“ Подобныхъ бездарныхъ поэтовъ и писателей, изображавшихъ фальшиво дѣйствительную жизнь, рѣзко преслѣдовали Новиковскіе журналы, и Трутень замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ, что скорѣе къ нимъ, нежели къ подъячимъ, должно быть отнесено прозвище „крапивнаго сѣмени.“

Сатира Трутня и Живописца, нападаая на тѣ же темныя стороны современной жизни, противъ которыхъ вооружались и другіе сатирическіе журналы, отличалась однако отъ сатиры послѣднихъ своимъ рѣзкимъ, рѣшительнымъ тономъ и неумолимою беспощадностію и всегда умѣла указать на новую, важнѣйшую сторону вопроса. Нападки Новикова на грубость нравовъ, дурное воспитаніе, суевѣріе и предразсудки, ложную набожность, вельможную спесь, лихоимство

¹⁾ „Четыре года изъ жизни Карамзина“, Н. Тихонова. (Русск. Вѣстникъ. 1862 г. № 4-й, стр. 733—736).

и злоупотребленія судей и т. д. дышать гораздо большею силою убѣжденія и искреннею ненавистію сатирика къ злу, и даже по виѣшной формѣ своей, по способу изложенія и языку,—всегда простому, естественному и близкому къ разговорной рѣчи,—рѣзко отличаютъ сатирическія статьи Новикова отъ подобныхъ имъ обличительныхъ статей другихъ современныхъ писателей и указываютъ на его превосходный сатирическій талантъ.

Письма: „Уѣзднаго дворянина къ его сыну“ и „Сыну моему Фалалею“ отъ его отца Трифона Панкратьевича, матери Акулины Сидоровны и дяди Ермолая Терентьевича (въ Живописцѣ), по ихъ лукавому юмору и злой проиіи и по ихъ живому языку, представляютъ, въ этомъ отношеніи, образецъ совершенства въ нашей сатирической литературѣ. Трофимъ Панкратьевичъ пишетъ своему Фалалеюшкѣ и такъ жалуется въ письмѣ на новыя времена и на новыя порядки: „Да полно нынче и винцо-то въ сапогахъ ходитъ; экое времячко; вотъ до чего дожили, что и вина своего нельзя привезть въ городъ; пей-де вино государево съ кружала, да дѣлай прибыль откупщикамъ. Вотъ какое разсужденіе! А говорятъ, что всю хорошо дѣлаютъ; поэтому скоро и изъ своей муки нельзя будетъ испечь пирога. Да што ужъ и говорить, житье то наше дворянское нынче стало очень худенько. Сказываютъ, что дворянамъ дана вольность; да чортъ ли это слыхалъ, прости Господи, какая вольность? Дали вольность, а ничего не можно своею волею сдѣлать; нельзя у сосѣда и земли отнять: встарину-то было намъ больше вольности, бывало отхватишь у сосѣда земли цѣлое поле; такъ ходи же онъ да проси, такъ еще десять полей потеряетъ; а вина бывало кури, сколько хочешь, про себя сколько надобно, да и продашь на сотню мѣста. Коли воевода пріятель, такъ кури смѣло въ его голову: то-то была воля то!... Нѣтъ-ста, кто што ни говори, а старая воля лучше новой. Нынче только и воли, што можно вытить изъ службы, да поѣхать за море; а не слыхатъ што тамъ дѣлать? Хлѣба-тъ

мы и здѣсь ѣдимъ, да таковожь живемъ. А изъ службы тогда хоть и невольно было вытѣть, такъ были на это лѣкари; отнесешь ему барашка въ бумажкѣ, да судѣь другова, такъ и отставятъ за болѣзнями. Да ужъ, бывало, какъ прѣдешь въ деревню-то, такъ это наверстаешь: былъ бы только умъ, да зналъ бы приказныя дѣла, такъ сосѣди и не куркай. То-то было житье! Ты, Ѡалалеюшка, не zapomнишь этого“ и проч. (Живопис. издан. VII, стр. 92—93). Далѣе Трифонъ Панкратьевичъ сообщаетъ сыну: „Прѣхаль къ намъ сосѣдъ Брюжжаловъ, и привезъ съ собою какіе-то печатныя листочки и, будучи у меня, читаль ихъ. Что это у васъ, Ѡалалеюшка, дѣлается, никакъ съ ума сошли всѣ дворяне? чего они смотрять, да я бы ему, проклятому, и ребра живова не оставилъ. Што за живописецъ такой у васъ проявился! Какой нибудь нѣмецъ, а православный егова не написалъ бы. Говорить, что помѣщики мучать крестьянъ и называетъ ихъ тиранами, а того проклятой и не знаетъ, што встарину тираны бывали не крещеные, и мучили святыхъ: посмотри самъ въ Чети-Миней; а наши мужики вѣтъ не святые: какъ же намъ быть тиранами?“ (Ibid. 94).

Тѣмъ же духомъ и тою же рѣзкостію и смѣлостію сатиры отличаются и вышеупомянутыя статьи: „Копія съ крестьянской отписки“ и „Копія съ помѣщичьяго указа“ въ Трутнѣ и „Отрывокъ изъ путешествія въ *** И. Т.“ въ Живописцѣ.

Въ обличеніи взяточниковъ, судейскихъ злоупотребленій, или „судейской науки“, которая, по словамъ одного судьи въ Трутнѣ, „вся въ томъ и состоитъ, чтобы умѣть искусненько пригибать указы по своему желанію, въ чемъ и секретари намъ много помогаютъ.“ Новиковскіе журналы также пошли гораздо далѣе и рѣшительнѣе всѣхъ прочихъ сатирическихъ листовъ. Въ Трутнѣ рассказывалось, напримѣръ, какъ судьи того времени умышленно впутывали людей въ уголовныя дѣла, взводили на нихъ небывалыя преступленія,

и чтобы вынудить въ томъ ихъ признаніе, самопроизвольно допускали пытки при судебныхъ разбирательствахъ. При одномъ изъ подобныхъ разсказовъ, Новиковъ восклицаетъ: „О просвѣщеніе, даръ небесный! расторгни скорѣе завѣсу незнанія и жестокости для защищенія человѣчества“.

Трутень занималъ первое мѣсто между сатирическими журналами, появившимися въ 1769 г., и имѣлъ большой успѣхъ въ публикѣ, такъ что черезъ шесть мѣсяцевъ потребовалось сдѣлать второе изданіе его. Но рѣзкость сатиры Трутня вызвала противъ него ярую полемику въ журналахъ противоположнаго направленія, особенно во „Всякой Всячинѣ“, и уже во второе полугодіе своего существованія Трутень сдѣлался гораздо слабѣе и не помѣщалъ болѣе сатирическихъ замѣтокъ, а къ концу года (т.-е. въ апрѣлѣ 1770) долженъ былъ совершенно прекратиться. Въ этомъ же году, сдѣлавшись мало интересными и безцвѣтными въ своихъ обличеніяхъ, прекратились и другіе сатирическіе листки, — „вѣроятно, вслѣдствіе равнодушія къ нимъ публики,“ замѣчаетъ г. Пекарскій.

Въ 1772 году, Новиковъ опять однако принимается за изданіе сатирическаго журнала (Живописца). Данная въ это время въ театрѣ комедія Императрицы „О время!“ гдѣ рѣзко осмѣивались современныя пороки, представила Новикову благопріятный случай къ основанію новаго сатирическаго листка, который онъ и посвятилъ Неизвѣстному г. сочинителю комедіи „О время“, т. е. Екатеринѣ II. Въ посвященіи онъ прямо объявилъ, что единственно только примѣръ этой комедіи заставилъ его вновь выступить въ свѣтъ съ сатирическимъ изданіемъ. Притворяясь, что ему неизвѣстенъ авторъ комедіи, Новиковъ говоритъ: „Вы первый съ такою благородною смѣлостію напали на пороки, въ Россіи господствующіе; вы первый заставили слушать съ пріятностію и удовольствіемъ ѣдкость сатиры, безпристрастно осмѣивающей и низкостепеннаго порочнаго человѣка, и превосходительство, удрученное пороками; вы открыли мнѣ дорогу, вы

возбудили во мнѣ желаніе подражать вамъ въ похвальномъ подвигѣ исправлять нравы своихъ единосемцевъ; безъ вашего примѣра не отважился бы я напасть на пороки“ и проч. При этомъ Новиковъ прибавлялъ: „хотѣлъ бы я просить васъ, чтобы вы сдѣлали честь моему журналу сообщеніемъ какого либо изъ вашихъ мелкихъ сочиненій.“ Екатерина, принявъ благосклонно посвященіе Живописца, въ остроумномъ отвѣтѣ на письмо Новикова (напечатанномъ въ Живописцѣ) обѣщала ему „съ охотою“ присылать свои сочиненія для помѣщенія въ его журналѣ.

Живописецъ возбудилъ къ себѣ еще большее сочувствіе публики, нежели Трутень, и пользовался необыкновеннымъ успѣхомъ: грамотные люди читали его съ жадностію. Новиковъ, чтобы удовлетворить требованію публики на свой журналъ, сдѣлалъ пять изданій Живописца еще въ царствованіе Екатерины, включивъ въ три послѣднія изданія лучшіе сатирическіе очерки изъ Трутня и выбросивъ изъ нихъ всѣ безцвѣтныя и мало интересныя статьи. Такой успѣхъ Живописца Новиковъ (въ предисловіи къ пятому изданію, 1793) объясняетъ тѣмъ, что журналъ его „пришелъ на вкусъ нашихъ мѣщанъ“ (разумѣя подъ этимъ словомъ не только то городское сословіе, которое теперь оффиціально обозначается названіемъ мѣщанъ, но вообще „средній классъ): „ибо — продолжаетъ Новиковъ—у насъ тѣ только книги третьими, четвертыми и пятыми изданіями печатаются, которыя симъ простосердечнымъ людямъ, по незнанію ими чужестранныхъ языковъ, нравятся; напротивъ того, книги, на вкусъ нашихъ мѣщанъ не попавшія, весьма спокойно лежатъ въ хранилищахъ, почти вѣчною для нихъ темницею назначенныхъ.“

Въ первые мѣсяцы изданія Живописца (выходившаго также еженедѣльными листками) сатира его была жива, остроумна и увлекательна. Въ превосходной статьѣ: „Авторъ къ самому себѣ, которой начинается листъ 2-й Живописца, и гдѣ авторъ говорить, что журналъ его принимаетъ назва-

ніе „такого“ живописца, который будетъ „изображать напосокровеннѣйшіе въ сердцахъ человѣческихъ пороки,“ Новиковъ обратился къ самому себѣ съ такимъ требованіемъ: „Требую отъ тебя, чтобы ты въ сей дорогѣ (въ изданіи сатирическаго журнала) никогда не разлучался съ тою прекрасною женщиною, съ которою иногда тебя видалъ: ты отгадать можешь, что она называется Осторожностію“ (Ibid., стр. 12). Но несмотря на то, что Новиковъ, наученный примѣромъ Трутня, былъ сколько возможно остороженъ въ своихъ сатирическихъ замѣткахъ, и несмотря на то, что онъ поставилъ себя и свой журналъ подъ защиту самой Императрицы,—уже первые листки Живописца возбудили противъ него ярая нападки. Новиковъ сдѣлался еще осмотрительнѣе, сатира его значительно ослабѣла, содержаніе его журнала становилось все менѣе и менѣе интереснымъ, и наконецъ Живописецъ, подобно Трутню, долженъ былъ, къ концу года, прекратиться.

Начатое въ 1774 г. Новиковымъ сатирическое изданіе Кошелекъ уже не представляло для публики того интереса и занимательности, которые она находила въ Трутнѣ и Живописцѣ. Кошелекъ почти исключительно былъ посвященъ сатирѣ на тѣ явленія въ жизни современнаго русскаго общества, которыя происходили отъ крайняго увлеченія всѣмъ иноземнымъ, преимущественно французскимъ,—и преслѣдовалъ современную галломанію во всѣхъ ея проявленіяхъ: въ довѣрїи воспитанія русскаго юношества невѣжественнымъ французскимъ гувернерамъ и учителямъ, въ исключительномъ употребленіи французскаго языка, какъ языка разговорнаго въ русскомъ обществѣ, въ подражаніи французскимъ модамъ въ одеждѣ, въ манерахъ и т. д. Словомъ, Новиковъ вооружался противъ тѣхъ явленій въ жизни тогдашняго русскаго общества, которыя за десять лѣтъ передъ тѣмъ уже были выставлены Фонъ-Визинимъ въ довольно яркихъ и рѣзкихъ картинахъ въ его Бригадирѣ.

2. Николай Иванович Новиковъ.

(1744—1798).

(Биографическій очеркъ И. Я. Порфирьева).

Николай Иванович Новиковъ былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ, литературныхъ и общественныхъ дѣятелей въ Екатерининскую эпоху. Онъ происходилъ изъ дворянъ московской губерніи и родился въ 1744 г., въ селѣ Тиквинскомъ (Авдотьино тожъ), бронницкаго уѣзда. Образование свое онъ получилъ въ московской университетской гимназіи, гдѣ, впрочемъ, учился не усердно и по неуспѣшности въ иностранныхъ языкахъ долженъ былъ даже оставить гимназію, до окончанія курса. Недостатки училищнаго образованія Новиковъ старался потомъ восполнить самообразованіемъ, чтеніемъ книгъ и знакомствомъ съ образованными людьми. Изъ всѣхъ предметовъ онъ особенно любилъ и изучалъ русскую исторію и русскую литературу; къ этимъ наукамъ и относится его литературная дѣятельность. Изъ всѣхъ современныхъ образованныхъ людей особенное вліяніе на него имѣли послѣдователи масонства И. П. Елагинъ и И. Е. Шварцъ, которые и сообщили особое направленіе его просвѣтительной и общественной дѣятельности. Время принятія масонства Новиковымъ раздѣляетъ всю его дѣятельность на два періода—петербургскій до 1779 г., когда онъ занимался литературой вообще, какъ одинъ изъ передовыхъ образованныхъ людей, и московскій съ 1779 г., когда онъ, принявши въ 1755 г. масонство, переселился въ Москву, гдѣ къ его литературной дѣятельности присоединилась широкая образовательная и филантропическая дѣятельность.

Сначала, по выходѣ изъ гимназіи, Новиковъ поступилъ на службу въ гвардейскій измайловскій полкъ въ Петербургѣ и въ тоже время прикомандированъ былъ къ Коммисіи народныхъ депутатовъ, образованной Екатериной для составленія проекта Новаго Уложенія. Въ качествѣ секретаря ком-

миссiи, обязаннаго вести записки обо всемъ, что дѣлалось въ ея засѣданiяхъ, онъ находился въ 1767—68 г. Это было весьма важнымъ обстоятельствомъ для его развитiя. Въ комиссiи онъ обращался въ обществѣ лучшихъ выборныхъ людей со всей Россiи, здѣсь онъ могъ узнать состоянiе, нужды и потребности всего государства; **здѣсь** онъ слышалъ самыя разнообразныя сужденiя о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, которыя дали ему подготовку и материалъ для его будущей дѣятельности. По выходѣ изъ Коммиссiи, послѣ ея закрытiя въ 1768 г., онъ оставилъ и военную службу, которая мѣшала ему заниматься науками, и посвятилъ себя исключительно литературѣ. Литературная дѣятельность Новикова началась съ изданiя журналовъ. Свобода мысли и слова въ первое десятилѣтiе царствованiя Екатерины, и примѣръ самой Екатерины, печатавшей во „Всякой Всячинѣ“ свои комедiи и Были и Небылицы, вызвали множество сатирическихъ журналовъ, въ которыхъ, съ одной стороны, осмѣивались невѣжество, разныя суевѣрiя, предразсудки и пороки, а съ другой— проводились просвѣтительныя идеи Наказа. Лучшие **люди** принялись за изданiе журналовъ, которые считались лучшими органами для проведенiя въ общество всякаго рода пдей. Но между всѣми издателями журналовъ Новиковъ отличался особеннымъ усердiемъ, талантливостью и добросовѣтностью. Первымъ его журналомъ былъ „Трутень,“ издававшiйся въ 1769—1770 г. Онъ обратилъ на себя вниманiе правительства и общества своей прямою и смѣлостiю своей сатиры, а въ литературѣ возбудилъ сильную полемику. Новиковъ не довольствовался обличенiемъ пороковъ только въ общихъ чертахъ, не указывая на опредѣленныя личности, а требовалъ, чтобы сатира была сатирой на лицо, если она не хочетъ быть бесплодною. Противъ этого требованiя возстала „Всякая Всячина,“ и повела нападенiя свои съ такою строгостiю, что Новиковъ долженъ былъ отказаться отъ своей мысли о личной сатирѣ и сдѣлался осторожнѣе и умѣреннѣе въ своихъ обличенiяхъ. Основною темою большей части статей „Трутня“

служить порицаніе подражательности русскихъ всему иностранному, особенно французскому. „Отказавшись отъ всего прошлаго нашей жизни, отъ нравовъ и обычаевъ предковъ, сдѣлавшись слѣпыми подражателями всему французскому, мы, говорилъ Новиковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, потеряли и добродѣтели нашихъ предковъ, въ большинствѣ случаевъ мы промѣняли наше старое родное добро па новое чужое зло...“ Но, нападавая на подражательность французамъ и напоминая о позабытыхъ добродѣтеляхъ предковъ, Новиковъ, конечно, вовсе не думалъ проповѣдывать совершенное отчужденіе отъ Европы, или національную исключительность. Напротивъ, вполне уважая европейское просвѣщеніе, онъ совѣтовалъ усвоивать отъ Европы все лучшее и сильно нападалъ на русское суевѣріе и невѣжество, грубость, жестокость и другіе пороки. Такое направленіе мы находимъ особенно въ другомъ журналѣ Новикова, въ „Живописцѣ,“ который онъ издавалъ въ 1772—1773 г. Глубоко сожалѣя, что добрыя начала и свойства русской народности заглушаются, или обезображиваются невѣжествомъ, онъ всячески старается возбудить любовь къ наукамъ, и укоряя русскихъ людей за то, что они перенимаютъ у иностранцевъ только ихъ недостатки и пороки, онъ въ тоже время не только совѣтуетъ путешествовать по чужимъ землямъ, но и заимствовать изъ нихъ науки и художества. При такомъ направленіи „Живописецъ“ пользовался особеннымъ сочувствіемъ русскаго общества; требованія на этотъ журналъ были такъ велики, что Новиковъ сдѣлалъ пять изданій „Живописца;“ въ послѣднія три изданія были включены лучшіе сатирическіе очерки изъ „Трутня“. Въ 1774 г. Новиковъ началъ издавать третій сатирической журналъ „Кошелекъ“. Въ этомъ журналѣ онъ преслѣдовалъ тѣже цѣли, какъ и въ „Живописцѣ,“ изображая разные русскіе пороки и недостатки; но этотъ журналъ по сатирѣ и по художественности былъ значительно слабѣе не только „Живописца,“ но и „Трутня“. Во всѣхъ указанныхъ журналахъ Новиковъ касался разныхъ общественныхъ вопросовъ, возста-

валъ противъ крѣпостнаго права, противъ неправосудія и взяточничества судей, противъ недостатковъ домашняго воспитанія и школьнаго образованія.

Какъ глубокий патріотъ, возбуждая русскихъ людей къ образованію на началахъ національныхъ, Новиковъ стремился познакомить ихъ съ русской исторіей и съ этой цѣлю издалъ нѣсколько весьма важныхъ сочиненій, которыми онъ весьма много содѣйствовалъ разработкѣ русской исторіи вообще и исторіи русской литературы въ частности. Въ 1772 г. онъ издалъ „Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ,“ въ которомъ были собраны извѣстія о русскихъ писателяхъ „изъ разныхъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ и словесныхъ преданій“. Съ 1773 г. начала выходить въ свѣтъ его „Древняя россійская Вивлюенка,“ содержащая описаніе россійскихъ посольствъ въ другія государства, свадебныхъ обрядовъ и другихъ историческихъ и географическихъ достопамятностей, рѣдкія грамоты и многія сочиненія древнихъ россійскихъ стихотворцевъ. Цѣлю изданія этой Вивлюенки, было, какъ говоритъ Новиковъ въ предисловіи къ читателю, „начертаніе правовъ и обычаевъ нашихъ предковъ, чтобы мы познали великость духа ихъ, украшеннаго простотою....“

«Полезно знать нравы, обычаи и обряды древнихъ чужеземныхъ народовъ; но гораздо полезнѣе имѣть свѣдѣніе о своихъ прародителяхъ; похвально любить и отдавать справедливость достоинствамъ иностранныхъ; но стыдно презирать своихъ соотечественниковъ, а еще паче и гнушаться ими». Въ первый годъ изданія русской Вивлюенки вышло старинное русское сочиненіе „Древняя россійская гидрографія,“ содержащая описаніе московскаго государства, рѣкъ, озеръ, протоковъ, кладязей, и какіе на нихъ города и урочища, и на какомъ оныя разстояніи“. Сочиненіе это было издано какъ памятникъ старины и какъ матеріаль для изученія древней русской исторіи, а паче всего, какъ говорится въ предисловіи къ нему, „для обличенія несправедливаго мнѣнія тѣхъ людей, которые думали и писали, что до времени Петра В. Россія

не имѣла никакихъ книгъ, окромѣ церковныхъ, да и то будто только служебныхъ“. Кромѣ того, Новиковъ издалъ „Исторію о невинномъ заточеніи ближняго боярина Артамона Сергіевича Матвѣева,“ „Скиѣскую исторію стольника Андрея Лызлова“ и „Повѣствователь древностей россійскихъ“ (ч. I). Послѣднее изданіе, составляющее продолженіе Вивлюэики, заключаетъ въ себѣ „собраніе разныхъ достопамятныхъ записокъ, служащихъ къ пользѣ исторіи и географіи“. При всѣхъ этихъ изданіяхъ Новиковъ руководился глубокимъ патріотическимъ чувствомъ, стараясь возбудить въ русскихъ людяхъ любовь къ родной странѣ, которая начинала ослабѣвать отъ иностраннаго воспитанія, иностранныхъ нравовъ и обычаевъ.

Въ 1779 г. Новиковъ переселился въ Москву. Здѣсь его просвѣтительная дѣятельность получила болѣе широкіе размѣры и особенный филантропическій характеръ подѣ влияніемъ масонства. Въ масонство Новиковъ вступилъ еще въ 1775 г. (есть извѣстіе, что для него и друзей его была открыта ложа „Немезида“), когда онъ, какъ самъ говорилъ впоследствии, „находился на распутіи между вольтерьянствомъ и религіей, и не имѣлъ точки опоры, или краеугольнаго камня, на которомъ могъ бы основать душевное спокойствіе“. Сначала онъ вступилъ въ англійское масонство на такихъ условіяхъ, чтобы не давать ему никакой присяги и обязательства, но потомъ скоро перешелъ въ ложу барона Рейхеля, гдѣ все вниманіе членовъ, по его словамъ, было обращено на самопознаніе и нравственное усовершенствованіе. Но истиннымъ масономъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, Новиковъ сдѣлался тогда, когда познакомился съ Шварцемъ. „Въ одно утро, говоритъ Новиковъ, пришелъ ко мнѣ нѣмчикъ, съ которымъ я, поговоря, сдѣлался во всю жизнь, до самой его смерти, неразлучнымъ; этотъ нѣмчикъ былъ И. Е. Шварцъ“¹⁾.

¹⁾ Н. И. Новиковъ. А. Афанасьева. Библиогр. Записки. 1858 г., № 6.

Иванъ Егоровичъ Шварцъ (ум. 1784 г.) былъ нѣмецъ—мистикъ и масонъ, воспитанный на сочиненіяхъ Бема. Въ Россію онъ пріѣхалъ въ 1776 г., подобно другимъ иностранцамъ, съ педагогическими цѣлями и поселился въ Москвѣ. Научившись русскому языку, онъ съ такою ревностію началъ заботиться объ образованіи молодыхъ людей, что вскорѣ возбуждалъ къ себѣ глубокое сочувствіе и благодарность всего московскаго общества. Указывая на это сочувствіе, онъ говоритъ въ своей автобіографической запискѣ: „Все это исполнило меня райскими ощущеніями: я желалъ выразить благодарность свою народу столь благородному, столь жаждущему науки. Я приходилъ въ негодованіе, видя, что недостойные своекорыстные иностранцы обманываютъ многихъ благородныхъ отцевъ и матерей, которые горячо желаютъ дѣтямъ добра, но не имѣютъ настолько образованія, чтобы знать, какъ слѣдуетъ приняться за дѣло. Потому я рѣшился устроить общество, которое устранило бы это зло, т. е. 1) по возможности распространяло бы въ публикѣ правила воспитанія; 2) поддерживало бы типографское предпріятіе Новикова переводомъ и изданіемъ полезныхъ книгъ и 3) старалось бы или привлекать въ Россію иностранцевъ, которые были-бы способны давать воспитаніе, или, что еще лучше, воспитывать на свой счетъ учителей изъ русскихъ“¹⁾. Но такое общество удалось устроить ему только тогда, когда онъ лично познакомился съ Новиковымъ. Шварцу уже давно была извѣстна литературная дѣятельность Новикова и особенно нравилась его ревность къ просвѣщенію и горячая любовь къ народу; въ свою очередь, и Новиковъ, узнавъ Шварца, увлекся его высокими просвѣтительными идеями и вполнѣ усвоилъ ихъ, и оба они, сдѣлавшись друзьями, начали стремиться къ образованію народа на религіозно-нравственныхъ началахъ и къ улучшенію его матеріальнаго бла-

¹⁾ Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей московскаго университета. II, 576.

госостоянія путемъ благотворительности. Открытіе училищъ для распространенія грамотности въ народѣ, изданіе учебниковъ и книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, заведеніе типографій и книжныхъ лавокъ, приготовленіе учителей для училищъ, поощреніе вообще молодыхъ даровитыхъ людей къ образованію и отправленіе лучшихъ изъ нихъ для усовершенствованія въ наукахъ за границу, наконецъ устройство больницъ и аптекъ для бѣдныхъ—вотъ тѣ предметы, которые входили въ обширную программу просвѣтительной и филантропической дѣятельности Новикова и Шварца. Начало этой дѣятельности относится къ 1779 г., когда Новиковъ, переселившись въ Москву, взялъ въ аренду на 10 лѣтъ университетскую типографію. Въ этой типографіи онъ, въ короткое время, напечаталъ множество книгъ религіозно-нравственнаго и мистическаго содержанія и нѣсколько учебниковъ по разнымъ наукамъ; большую часть изъ этихъ книгъ онъ роздалъ безденежно духовнымъ семинаріямъ и другимъ училищамъ (всѣхъ книгъ было роздано почти на 3000 р.). Затѣмъ онъ открылъ нѣсколько книжныхъ лавокъ не только въ Москвѣ, но и въ другихъ городахъ, Ярославлѣ, Смоленскѣ, Вологдѣ, Твери, Казани, Тулѣ, Глуховѣ, Кіевѣ и др., а въ Москвѣ, кромѣ того, основалъ первую публичную бібліотеку, гдѣ бѣдные люди могли читать книги бесплатно. Вообще, какъ типографъ и книгопродавецъ, издатель и распространитель книгъ, Новиковъ обнаружилъ изумительную, небывалую до того времени дѣятельность. Въ первые три года въ университетской типографіи было непечатано гораздо болѣе книгъ, нежели сколько въ прежніе 24 года ея существованія. вмѣстѣ съ университетской типографіей, находилось въ завѣдываніи Новикова и изданіе „Московскихъ Вѣдомостей“. Онъ такъ улучшилъ ихъ, что число подписчиковъ на нихъ, доходившее до 600, возвысилось до 4,000 человекъ. Между прочимъ, такому возвышенію и распространенію Московскихъ Вѣдомостей весьма много способствовало то, что при нихъ Новиковъ издавалъ съ 1783 — 1789 г.,

какъ прибавленіе, „Дѣтское чтеніе“, которое у насъ было первымъ дѣтскимъ журналомъ. Между тѣмъ, Шварцъ дѣйствовалъ на педагогическомъ поприщѣ. Въ 1779 г. онъ былъ сдѣланъ профессоромъ нѣмецкаго языка въ университетѣ. Преподавалъ нѣмецкій языкъ, онъ знакомилъ въ тоже время студентовъ съ лучшими произведеніями нѣмецкой литературы. Въ томъ же 1779 г. была основана при университетѣ „Педагогическая семинарія“, и Шварцъ былъ назначенъ ея директоромъ. Прокофій Акинѣевичъ Демидовъ пожертвовалъ университету 20,000 рублей; на проценты этой суммы положено было готовить въ университетѣ шестерыхъ студентовъ къ учительскому и профессорскому званію, подъ руководствомъ Шварца. Самъ Шварцъ пожертвовалъ для этой цѣли 5,000 рублей. Труды Шварца обратили на себя вниманіе. Онъ былъ сдѣланъ профессоромъ философіи и началъ преподавать исторію философіи студентамъ педагогической семинаріи; кромѣ того, у себя на дому, по воскреснымъ днямъ онъ читалъ, „для людей всякаго рода и званія“, лекціи о трехъ родахъ познанія: любопытномъ, пріятномъ и полезномъ. „Любопытнымъ познаніемъ здѣсь, говоритъ онъ въ началѣ своего курса, названо такое, которое питаетъ нашъ разумъ, но не есть необходимо для пользы вѣчной, будущей жизни, или спокойствія духа. Любопытное познаніе заставляетъ насъ познавать напр. отъ чего громъ? что такое воздухъ? какимъ образомъ земля производитъ растенія? и прочее сему подобное. Познаніе пріятное есть живопись, стихотворство, музыка и тому подобное. Оно удовлетворяетъ нашъ слухъ, наше зрѣніе и воображеніемъ питаетъ нашъ разумъ. Познаніе полезное есть необходимое для человѣка. Оно научаетъ насъ истинной любви, молитвѣ и стремленію духа къ высшимъ понятіямъ. Къ симъ то послѣднимъ познаніямъ человѣкъ стремиться долженъ для своего блага: ибо онъ въ сей жизни только путешественникъ, а въ будущей гражданинъ“¹⁾. Эта программа лекцій Шварца по-

¹⁾ Біографич. словарь проф. и препод. московскаго университета. II, 94—595.

казываетъ, что общій строй его міросозерцанія былъ религіозно-мистическій или масонскій; но его масонство не доходило однакожь до такихъ крайностей, въ какія вдавались другіе масоны. Рѣшая всѣ вопросы, оцѣнивая все въ мірѣ съ точки зрѣнія религіозно-нравственной и подчиняя знаніе вѣрѣ, онъ однакожь не отвергалъ значенія наукъ. „Я не отвергаю, говоритъ онъ, совершенно наукъ, преподаваемыхъ человѣками, хотя онѣ и не служатъ къ сооруженію блаженства нашего... я отвергаю только совершеннѣйшую на нихъ надежду и забвеніе чрезъ то, что человѣкъ умствованіемъ и надеждою на свои силы, отвращается отъ Бога и подвергаетъ себя проклятію: ибо самое паденіе не иное что есть, какъ отвращеніе себя отъ содѣйствія Бога и учиненіе самого себя средоточіемъ своихъ дѣйствій, чрезъ возрѣнія на свои собственныя силы и надежду на оныя... Проходя исторію жизни человѣческой, можно примѣтить, что преподаваемыя науки безъ христіанства во зло и смертный ядъ обращаются“ 1).

Какъ человѣка истинно религіознаго, Шварца глубоко возмущало скептическое и матеріалистическое ученіе энциклопедистовъ, которые хотѣли обойтись безъ вѣры въ Бога и всю жизнь, дѣятельность и счастье человѣка поставляли въ удовлетвореніи его физическимъ потребностямъ; Шварцъ поставилъ для себя задачу противодѣйствовать распространенію такого ученія въ русскомъ обществѣ путемъ основательнаго религіозно-нравственнаго образованія русскаго юношества. Въ такомъ направленіи онъ преподавалъ исторію философіи и читалъ свои частныя лекціи. Его лекціи чрезвычайно благотворно дѣйствовали на слушателей и спасали многихъ молодыхъ людей отъ невѣрія. Одинъ изъ учениковъ Шварца, Лабзинъ, говоритъ, что Шварцъ „въ самое то время, когда модные писатели поглощались съ жадностію незрѣлыми умами, принялъ на себя благородный трудъ разсѣять сіи возстающіе мраки, и безъ всякаго иного призыва, по сему

1) Тамъ же, стр. 595—596.

единственному побужденію, въ партикулярномъ домѣ, открылъ лекціи новаго рода для всѣхъ желающихъ. Съ ними разбиралъ онъ Гельвеція, Руссо, Спинозу, Ла-Метри и проч., слыхалъ ихъ съ противными имъ философами и, показывая разность между ними, училъ находить и достоинство каждаго. Какъ будто новый свѣтъ просіялъ тогда слушателямъ! Какое направленіе и умамъ, и сердцамъ далъ сей благодѣтельный мужъ! Издатель (говоритъ о себѣ Лабзинъ) съ благодарными чувствованіями воспоминаетъ сію счастливую эпоху, составляющую и понынѣ первое благо его жизни. Главное и для того времени поразительное явленіе было то, съ какою силою простое слово его исторгло изъ рукъ многихъ соблазнительныя и безбожныя книги, въ которыхъ, казалось, тогда весь умъ заключался, и помѣстило на мѣсто ихъ святую Библию“. Другой слушатель Шварца, Левъ Максимовичъ, говоритъ: „Онъ одинъ могъ совратившееся съ пути истиннаго юношество наставить и убѣдить—исповѣсть свою слабость и признать свою зависимость отъ премудрѣйшаго Строителя вселенной. Все же сіе онъ учинилъ преподаваніями своихъ лекцій у себя на дому, допущеніемъ къ слушанію оныхъ всякаго рода и званія людей и изясненіемъ отборнѣйшихъ мѣстъ какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ писателей, уразумительнѣйшимъ образомъ доказывающихъ истину Творца, и словъ священнаго Писанія, въ рукахъ его, въ душѣ и при дверяхъ смерти имъ читаемаго и обожаемаго“¹⁾. Въ 1781 г. подъ руководствомъ Шварца было открыто при университетѣ „Собраніе университетскихъ питомцевъ“, а въ 1782 г. „Филологическая или переводческая семинарія“. Въ „Собраніи“ студенты университета читали разныя свои сочиненія и подвергали ихъ критическому разбору; въ „Филологической семинаріи“ занимались переводами на русскій языкъ лучшихъ иностранныхъ сочиненій. Сочиненія и переводы студентовъ Новиковъ печаталъ въ своихъ журналахъ: „Московскомъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 592.

Изданіи“ (1781 г.), „Вечерней Зарѣ“ (1782 г.) и „Покоющемся Трудолюбцѣ“ (1784 г.). Такая высокая дѣятельность Новикова и Шварца, естественно, привлекала къ нимъ множество послѣдователей, въ числѣ которыхъ были вліятельные и богатые люди, жертвовавшіе для просвѣтительныхъ и благотворительныхъ цѣлей значительныя суммы денегъ. Изъ этихъ людей и на ихъ средства въ 1782 г. было основано „Дружеское ученое общество“. Открытіе „Общества“ происходило торжественно въ присутствіи самого главнокомандующаго московскаго, графа Э. Г. Чернышева, и московскаго митрополита, Платона, которые и приняли его подъ свое покровительство. Общество быстро увеличивалось и считало между своими членами лучшихъ и благороднѣйшихъ людей, каковы были И. В. Лопухинъ, Гамалѣя, Тургеневъ, Херасковъ, Чулковъ, Майковъ, князя Трубецкіе, и др. Задачею общества было: печатаніе разнаго рода книгъ, преимущественно учебныхъ, и разсылка ихъ по училищамъ, распространеніе въ обществѣ разныхъ полезныхъ знаній и особенно содѣйствіе успѣхамъ тѣхъ наукъ, въ которыхъ русскіе мало упражнялись: греческаго и латинскаго языковъ, знанія древностей, свѣдѣній о природѣ; занятія филологическою или переводческою семинаріей и вообще поощреніе къ образованію молодыхъ даровитыхъ людей. Лопухинъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что на счетъ „Дружескаго Общества“ воспитывалось болѣе 50 семинаристовъ, отданныхъ отъ самихъ епархіальныхъ архіереевъ въ филологическую семинарію; по окончаніи ученія предписаннымъ наукамъ, они, возвратясь къ своимъ мѣстамъ, поступали въ учительское званіе. Въ общество поступали и получали въ немъ образованіе и такія лица, которыя впоследствии заняли важныя мѣста на службѣ, въ администраціи, въ наукѣ и въ литературѣ; здѣсь, между прочимъ, воспитались и начали литературную дѣятельность А. М. Кутузовъ, Подшиваловъ, Страховъ, другъ Карамзина Петровъ, Дмитріевъ и самъ Карамзинъ. Въ 1784 г., чрезъ два года по открытіи, „Дружеское ученое общество“

было преобразовано въ „Типографическую компанію“. Цѣли и задачи преобразованнаго общества остались тѣ-же самыя, только его дѣятельность, вытекавшая и прежде изъ масонскихъ началъ, получила еще болѣе, чѣмъ прежде, масонскій характеръ. Въ видахъ большаго распространенія масонскаго ученія и, въ то же время, противодѣйствія матеріалистическому ученію энциклопедистовъ, общество стало издавать преимущественно мистическія и масонскія книги и продавать ихъ по дешевой цѣнѣ. „Цѣлое море душеспасительныхъ книгъ было противопоставлено адской водѣ вольнодумческихъ и безбожныхъ сочиненій“, говоритъ Невзоровъ объ этомъ времени „Общества“. Усиленіе масонской дѣятельности началось еще съ 1782 г., когда въ Россію была принесена изъ Пруссіи новая система масонства, въ формѣ такъ называемаго Розенкрейцерства. Шварцъ, котораго всѣ его ученики называли „истиннымъ орудіемъ Божиимъ исправленія въ Россіи ордена каменьщиковъ“, частію для поправленія разстроеннаго непомѣрными трудами здоровья, а главнымъ образомъ для „снисканія истиннаго масонства“ былъ отправленъ въ 1781 г. за границу. Въ Вильгелмсбаденѣ, въ 1782 г., онъ присутствовалъ на масонскомъ конвентѣ, гдѣ, стараніемъ его, Россія была признана самостоятельной провинціей (осьмой) масонскаго ордена; въ Берлинѣ Шварцъ познакомился съ ученіемъ розенкрейцеровъ и, привезши его въ Москву, сдѣлался жаркимъ его распространителемъ. Но ему недолго суждено было распространять это ученіе. Начавшіяся въ университетѣ его столкновения съ кураторомъ Меллисино и нѣкоторыми профессорами заставили его вскорѣ оставить университетъ. Въ наукѣ и литературѣ университетской преобладало французское направленіе; Шварцъ же не любилъ французской литературы, за ея философію, чуждавшуюся религіознаго направленія, и старался распространить между студентами знакомство съ нѣмецкой литературой и особенно мистической. По выходѣ изъ университета, онъ почти постоянно хворалъ и въ 1784 г. скончался.

По смерти Шварца, Новиковъ сталъ во главѣ Дружескаго общества, которое и называлось Новиковскимъ обществомъ. Со времени указаннаго его преобразованія въ Типографическую Компанію, въ немъ началось особенное развитіе филантропической дѣятельности; оно повсюду заводило безплатныя школы для народа, учреждало больницы и аптеки, оказывало помощь бѣднымъ раздачею хлѣба во время неурожая. Средства для этого доставляли Обществу его богатые и вліятельные члены. Во время неурожая и голода въ Москвѣ, въ 1787 году, Новиковъ говорилъ въ собраніи Общества рѣчь и просилъ присутствующихъ оказать помощь страдающимъ. Богатый московскій купецъ Г. М. Походяшинъ такъ былъ тронутъ рѣчью Новикова, что тотчасъ же отдалъ въ распоряженіе Общества все свое миллионное состояніе, съ котораго одного годового дохода получалось 60,000 рублей. На суммы Походяшина была произведена безденежная раздача хлѣба бѣднымъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. Другой членъ Дружескаго общества, Лопухинъ, также почти все свое состояніе употребилъ на дѣла благотворительности и помощь бѣднымъ. Князь Рѣпинъ, будучи губернаторомъ въ Бѣлоруссіи, во время голода въ этой странѣ, содержалъ на собственный счетъ всѣхъ бѣдныхъ двухъ обширныхъ бѣлорусскихъ губерній. Лопухинъ въ своихъ запискахъ рассказываетъ объ одномъ священникѣ въ Орлѣ, который „стараніями своей христіанской любви завелъ больницу, богадѣльню, призрѣніе несчастнорожденныхъ младенцевъ и училище ¹⁾. Не смотря на такую, въ высшей степени благотворную, дѣятельность, Новиковъ и его общество возбуждали неудовольствіе во многихъ людяхъ и вскорѣ подверглись преслѣдованіямъ. Причины этихъ преслѣдованій, окончившихся уничтоженіемъ всего общества, весьма обстоятельно изложены въ запискѣ Карамзина, поданной имъ въ защиту семейства Новикова, послѣ его смерти, императору Александру Павловичу и въ

¹⁾ Записки, стр. 53.

Запискахъ Лопухина. Какъ тайное общество, составлявшее своего рода *status in statu*, съ своими странными символическими знаками, обрядами и языкомъ, съ своими тайными собраніями и мистическими непонятными книгами, Общество Новикова, естественно, представлялось правительству всегда подозрительнымъ. „Порочили особливо, говоритъ Лопухинъ, тайность общества и его собраній. Для чего, говорили, тайно дѣлать хорошее?“... Эта „тайность“ масонства и странные его обычаи, какъ выше указано, всего сильнѣе возмущали и пугали императрицу Екатерину, которая, преслѣдуя его въ своихъ комедіяхъ, называла его нелѣпнымъ обществомъ, а членовъ его „мартышками“. По замѣчанію Лопухина, особенно вредило обществу то, что его смѣшивали съ сектой иллюминатовъ, „подлинно вредной и противной христіанству и властямъ“; въ народѣ же на тайныя собранія масоновъ, которыхъ называли мартинистами, были перенесены всѣ и смѣшныя, и ужасныя исторіи, которыя рассказывались о разныхъ заграничныхъ масонскихъ обществахъ. „Одни представляли насъ, говоритъ Лопухинъ, совершенными святошами; другіе увѣряли, что у насъ въ системѣ заводить вольность, а это дѣлалось около времени французской революціи. Третьи, что мы привлекаемъ къ себѣ народъ и въ такомъ намѣреніи раздаемъ милостыню“¹⁾. Державинъ, въ своихъ запискахъ, говоритъ, что тетка его, Блудова, считала масоновъ „отступниками отъ вѣры, еретиками, богохульниками, преданными антихристу; о нихъ разглашали невѣроятныя басни, что они заочно, за нѣсколько тысячъ верстъ, непріятелей своихъ умерщвляютъ и тому подобныя бредни. Просвѣтительныя стремленія общества привлекали къ нему любителей просвѣщенія; но заботясь о распространеніи просвѣщенія, масоны въ тоже время холодно и часто пренебрежительно относились къ серьезнымъ научнымъ изслѣдованіямъ; стремясь проникнуть „во всѣ тайнства натуры“, они не хотѣли однакоже

¹⁾ Тамъ же, стр. 20.

изучать „натуры“ серьезнымъ образомъ, путемъ научныхъ опытовъ. Извѣстно, что даже Новиковъ возставалъ (въ письмахъ къ Карамзину) противъ современныхъ открытій въ области естественныхъ наукъ, физики и астрономіи, называя напр. новое ученіе о газахъ, воздухѣ и водѣ пустыми словами, а открытіе неподвижныхъ звѣздъ бреднями. Но, не уважая научной физики и химіи, масоны въ тоже время вѣрили въ разныя тайныя науки, въ теософическія мечтанія, герметическую философію, въ алхимию, магію и каббалу. Все это, конечно, не могло нравиться настоящимъ ученымъ людямъ, а приверженцы философіи энциклопедистовъ, на которыхъ они напали въ своихъ сочиненіяхъ, естественно, смотрѣли на нихъ, какъ на личныхъ враговъ своихъ. „Много такъ же дѣйствовали, говоритъ Лопухинъ, предубѣжденіе и ненависть, которыми съ невѣжествомъ исполнены люди противъ строгой морали и всякой духовности, коими отличались издаваемые нами книги“ ⁴⁾. Филантропическіе подвиги и вообще религіозно-нравственное направленіе всей дѣятельности общества всего больше, конечно, могло находить одобренія и защиты въ церкви и ея духовенствѣ, и мы, дѣйствительно, видимъ въ немъ это одобреніе и защиту; но, поставляя вѣру выше науки и считая Священное Писаніе единственнымъ источникомъ всякаго знанія, масоны объясняли Свящ. Писаніе по своему, отыскивая въ разныхъ его мѣстахъ особыи смыслъ и къ чистому христіанскому ученію примѣшивали множество мистическихъ и каббалистическихъ бредней, представлявшихъ смѣсь стараго язычества и новаго іудейства. Если этого искаженія чистаго христіанскаго ученія въ масонствѣ разными мечтаніями не замѣчали простые православные люди, какъ не сознавали его, можетъ быть, многіе изъ поступавшихъ въ масонство или же просто расположенныхъ къ нему, то не могли не понимать этого образованные духовные и особенно представители церкви. Если митрополитъ Платонъ,

⁴⁾ Стр. 21.

какъ увидимъ ниже, далъ Екатеринѣ такой прекрасный отзывъ о Новиковѣ, что представилъ его образцомъ истиннаго христіанина, то онъ же съ Лопухинимъ всегда спорилъ о масонствѣ и возставалъ противъ него. И самъ Лопухинъ, какъ увидимъ ниже, рассказываетъ въ своихъ Запискахъ, что за его книгу „О внутренней церкви“ нѣкоторые изъ духовныхъ намѣревались было воздвигнуть на него гоненіе. Высокая репутація Новикова и покровительство знатныхъ лицъ спасали „Дружеское общество“ отъ преслѣдованія, пока не разразилась французская революція. Начало этой революціи, говоритъ Лопухинъ, приписывали тогда вліянію тайныхъ обществъ, и однимъ изъ такихъ обществъ, на взглядъ Екатерины, было и общество Новикова. Тогда, естественно всѣ странности въ масонствѣ стали выставляться рѣзче и получили особенный враждебный смыслъ. Лопухинъ, рассказывая о подозрѣніяхъ противъ Дружескаго общества московскаго генераль-губернатора Прозоровскаго, прибавляетъ: „особливо подозрѣвалъ онъ раздачу милостыни; обо мнѣ отзывался, между прочимъ, что я такъ много ея раздаю, что едвали не дѣлаю фальшивыхъ ассигнацій“¹⁾). Ближайшимъ поводомъ къ началу преслѣдованій Дружескаго общества послужили незначительныя обстоятельства. Въ 1784 г., Новиковъ самовольно перепечаталъ въ своей типографіи нѣкоторыя изданія Коммисіи о народныхъ училищахъ и въ „Прибавленіяхъ къ Московскимъ Вѣдомостямъ“, въ томъ же году, началъ издавать „ругательную“ исторію ордена іезуитовъ. Екатерина, покровительствовавшая іезуитамъ, тотчасъ же запретила это изданіе, приказавъ отобрать и уничтожить напечатанные листы. Въ 1785 г. она предписала московскому генераль-губернатору, графу Брюсу, составить роспись книгамъ, вышедшимъ изъ типографіи Новикова, „наполненнымъ, по ея выраженію, новымъ расколомъ, для обмана и уловленія невѣждъ“, и самого Новикова, вмѣстѣ съ этими книгами, отослать къ

¹⁾ Стр. 35.

московскому митрополиту Платону, для испытанія его въ вѣрѣ. Платонъ, испытавъ Новикова въ вѣрѣ, далъ о немъ такой отзывъ Екатеринѣ: „Какъ предъ престоломъ Божиимъ, такъ и предъ престоломъ твоимъ, всемилостивѣйшая государыня, я одолжаюсь по совѣсти и сану моему донести тебѣ, что молю всещедрого Бога, чтобы не только въ словесной паствѣ, Богомъ и тобою миѣ ввѣренной, но и во всемъ мѣрѣ были христіане таковыя, какъ Новиковъ“. Книги же, напечатанныя въ типографіи Новикова, Платонъ раздѣлилъ на три разряда: литературныя, мистическія и сочиненія энциклопедистовъ. О литературныхъ онъ сказалъ: желательно, чтобы онѣ болѣе и болѣе были распространяемы и содѣйствовали бы образованію; о мистическихъ книгахъ замѣтилъ, что онъ ихъ не понимаетъ и потому не можетъ судить о нихъ; сочиненія же энциклопедистовъ призналъ за вредныя. Послѣ такого отзыва Платона, Новиковъ былъ оставленъ въ покоѣ и снова принялся за свою издательскую и книгопродавческую дѣятельность. Но вскорѣ случились обстоятельства, которыя болѣе прежняго усилили въ Екатеринѣ подозрѣніе противъ Новикова и возбудили противъ него уже такое преслѣдованіе, которое окончилось закрытіемъ общества и осужденіемъ и наказаніемъ Новикова и всѣхъ его сотрудниковъ. Обстоятельства эти изложены въ упомянутой выше запискѣ Карамзина. 1) Одинъ изъ членовъ общества, архитекторъ Баженовъ писалъ изъ Петербурга своимъ друзьямъ въ Москвѣ, что онъ, говоря о масонахъ съ великимъ княземъ, Павломъ Петровичемъ, удостовѣрился въ его добромъ о нихъ мнѣніи. Екатерина, когда ей передали это письмо, подумала, что масоны хотятъ привлечь къ себѣ великаго князя. 2) Новиковъ, какъ выше замѣчено, во время неурожая, роздалъ много хлѣба бѣднымъ людямъ; не зная, что на покупку хлѣба давалъ деньги Походяшинъ, удивлялись богатству Новикова и такую щедрость приписывали его желанію привлечь на свою сторону простой народъ. 3) Новиковъ велъ переписку съ прусскими масонами, хотя

не политическую, но въ то время, когда русскій дворъ находился въ явной непріязни съ берлинскимъ. 4) Наконецъ, было еще обстоятельство, неизвѣстное Карамзину. Одинъ изъ членовъ Новиковскаго общества, какой то баронъ Шредеръ, поссорившись съ Новиковымъ, уѣхалъ за границу и сталъ оттуда писать къ нему такія письма (письма эти были перехвачены на почтѣ), которыя содержаніемъ своимъ должны были убѣдить правительство въ основательности его подозрѣнія противъ Новикова. Но всѣ эти обстоятельства не получили бы такого важнаго значенія въ глазахъ Екатерины и не повели бы къ такимъ печальнымъ послѣдствіямъ, если бы сама Екатерина, въ это время, уже не измѣнила своихъ прежнихъ взглядовъ на литературу и писателей и въ частности на Новикова. Въ просвѣтительной дѣятельности Новикова, которую она сначала такъ громко одобряла, она видѣла въ это время уже гораздо болѣе, чѣмъ „свободомысліе и свободоязычіе“, которыя осудила въ Фонъ-Визинѣ за его „Вопросы“. Ей уже не правилась та смѣлая и подчасъ очень рѣзкая борьба, какую Новиковъ велъ въ своихъ журналахъ противъ разныхъ злоупотребленій въ русской жизни, и то негодованіе, съ какимъ онъ возставалъ противъ крепостнаго права и вступался за угнетенный и страдающій простой народъ. Такимъ негодованіемъ были проникнуты многія статьи, особенно въ „Покоющемся Трудолюбцѣ“ и въ „Прибавленіяхъ къ Московскимъ Вѣдомостямъ“ за 1784 г. Съ запрещенія нѣкоторыхъ изъ этихъ статей и начались преслѣдованія Новикова. Когда, по истеченіи 10-лѣтняго срока, Новиковъ захотѣлъ возобновить контрактъ на дальнѣйшее содержаніе университетской типографіи и изданіе Московскихъ Вѣдомостей, Екатерина приказала: „Новикову не отдавать типографіи: c'est un fanatique“; въ другой разъ, она отозвалась о немъ, какъ о чловѣкѣ умномъ, но опасномъ. При такомъ положеніи дѣлъ, „Типографическая Компанія“ не могла существовать и въ 1791 г. закрылась. За закрытіемъ „Компаніи“ послѣдовало

вскорѣ и совершенное уничтоженіе всего Новиковскаго общества. Объ этомъ уничтоженіи Лопухинъ такъ рассказываетъ въ своихъ запискахъ: Наконецъ, въ апрѣлѣ 1792 г., рѣшилось много разъ предприемлемое пораженіе нашего общества. Вдругъ всѣ книжныя лавки въ Москвѣ запечатали, также типографію, книжные магазины Новикова и дома его наполнили солдатами, и онъ изъ подмосковной взятъ былъ подъ тайную стражу съ крайними предосторожностями и съ такими воинскими нарядами, какъ будто на волоскѣ тутъ висѣла цѣлость всей Москвы“ ¹⁾. Три недѣли Новиковъ содержался въ Москвѣ, а потомъ былъ отвезенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Вмѣстѣ съ Новиковымъ, подвергнуты были допросу и его товарищи по нарочно составленнымъ и просмотрѣннымъ самой Екатериной пунктамъ; И. П. Тургеневъ и князь Н. И. Трубецкой были сосланы на житье въ деревни, а Лопухинъ, представившій въ своихъ отвѣтахъ самое правдивое описаніе дѣйствиі своего общества и самую смѣлую его защиту, оставленъ былъ въ Москвѣ, „ради дряхлаго и больного своего отца“. Все имѣніе Новикова и его Общества, дома, аптеки и типографіи были проданы съ публичнаго торга, а мистическія книги сожжены. Новиковъ находился въ крѣпости четыре года. По смерти Екатерины, въ 1796 г., императоръ Павелъ Петровичъ, въ первый же день своего царствованія, освободилъ Новикова. Желая загладить обиды матери, онъ, по разсказу Витберга, просилъ у Новикова прошенія за нее и при этомъ будто бы всталъ даже на колѣни. Во время несчастнаго положенія Новикова, вполнѣ обнаружилась, съ одной стороры, всѣ его обширныя связи и значеніе въ обществѣ, а съ другой—благоговѣйное уваженіе и самоотверженная любовь къ нему людей близкихъ и знавшихъ его. Другъ и домашній докторъ, Багрянскій, испросилъ дозволеніе раздѣлить съ нимъ все время заключенія въ крѣпости; другой другъ его, Гамалія, провелъ около него въ

¹⁾ Зап. стр. 38.

селѣ Тихвинскомъ послѣдніе годы его жизни. Рассказывая о возвращеніи Новикова изъ Шлиссельбургской крѣпости, Гамалѣя, между прочимъ, говоритъ: „Дивны дѣла милосердаго Бога нашего.... Нѣкоторое отсвѣчиваніе лучей небесной радости видѣлъ я на здѣшнихъ поселянахъ, какъ они обнимали съ радостными слезами Николая Ивановича, вспоминая при томъ, что они въ голодный годъ великую чрезъ него помощь получали; и то не только здѣшніе жители, но и отдаленные чужихъ селеній“.... Послѣдніе годы жизни Новиковъ провелъ въ бѣдности и страдая отъ разныхъ болѣзней, которыя были неизбѣжнымъ послѣдствіемъ его заключенія въ крѣпости; но при физическихъ страданіяхъ онъ всегда сохранялъ свою бодрость духа и до смерти оставался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ. „Помните, говорилъ онъ одному изъ своихъ знакомыхъ незадолго до своей кончины, слова хоть и глупаго, но старика: всѣ науки сходятся въ Религіи; лишь въ ней разрѣшаются ихъ важнѣйшія проблемы; безъ нея никогда не доучитесь, а при томъ и не будете спокойны“. Новиковъ скончался 31 іюля 1798 года.

Такова была судьба одного изъ лучшихъ людей просвѣтительнаго вѣка Екатерины, всѣхъ больше заботившагося объ истинномъ просвѣщеніи русскаго народа. Какъ въ первый періодъ своей дѣятельности въ Петербургѣ Новиковъ былъ горячимъ ревнителемъ просвѣщенія, такъ и въ Москвѣ, сдѣлавшись масономъ, онъ не измѣнилъ своихъ убѣжденій и ратовалъ главнымъ образомъ не за интересы масонства, съ его тайными обрядами и мистическими мечтаніями, но за интересы просвѣщенія; только это просвѣщеніе, во-первыхъ, основывалось уже не на общихъ, какъ прежде, раціоналистическихъ началахъ, но на религіозно-нравственныхъ началахъ масонскаго ученія, и во-вторыхъ, происходило не только въ народномъ духѣ, но и относилось непосредственно къ народу, имѣло въ виду духовныя и матеріальныя потребности народныхъ массъ. Этою чертою дѣятельность Новикова отличается отъ дѣятельности другихъ просвѣтителей этой эпохи.

Всѣ эти просвѣтителѣ имѣли въ виду просвѣщеніе аристократическое, выработанное въ Европѣ въ высшихъ аристократическихъ кружкахъ и философскихъ и литературныхъ салонахъ, съ аристократическими стремленіями, совершенно противоположными интересамъ народа. Новиковъ заботился собственно о просвѣщеніи и улучшеніи быта народныхъ массъ. Искорененіе народнаго невѣжества, народныхъ суевѣрій и пороковъ, распространеніе народныхъ школъ, книгъ для народнаго чтенія, народныхъ больницъ, аптекъ и другихъ благотворительныхъ заведеній—вотъ что, какъ мы видѣли, составляло программу просвѣтительной дѣятельности Новикова. Правда, народное направленіе стало выражаться въ литературѣ съ самаго начала царствованія Екатерины; но оно выражалось въ стремленіи изучить прошлую исторію народа, воскресить, въ поученіе и примѣръ современному русскому обществу, его подвиги, его добрыя качества. Въ такомъ общемъ направленіи народномъ сначала дѣйствовалъ на литературномъ поприщѣ и Новиковъ, когда онъ въ Петербургѣ издавалъ „Древнюю російскую Вивліюэику,“ „Опытъ словаря о російскихъ писателяхъ,“ »Повѣствователь о російскихъ древностяхъ“ и проч.; но онъ не остановился на этомъ. Во второй періодъ своей дѣятельности въ Москвѣ, онъ обратилъ вниманіе на русскую народность и русскій народъ въ настоящемъ его положеніи, на современныя нужды и потребности народа. Такимъ образомъ, въ вопросѣ о народности, поднятѣмъ въ вѣкъ Екатерины, Новиковъ первый указалъ на то, что не достаточно заботиться объ изученіи древней народной исторіи, о сохраненіи народнаго духа и народныхъ преданій, но надобно имѣть въ виду и настоящее состояніе народныхъ массъ, ихъ просвѣщеніе, ихъ нужды и потребности.

WYDZIAŁ PEDAGOGICZNY W KIELCACH
BIBLIOTEKA

162103

Biblioteka WSP Kielce

0126813